

АЛЕКСЕЙ САЛТЫКОВ

ТОМ 1

ГРИНТЕРРА

Тёмное фэнтези с жестокими реалиями древнего мира. Но такой ли он древний? Мечи и луки, гранаты и мушкеты, ОГРОМНЫЕ парусники и вёсельные триремы.

Богиня мира наградила людей силой различных зверей. Но что получится, если дать силу гепарда девочке? ПРАВИЛЬНО! Она будет способна бежать с огромной скоростью, а если она будет мастером боевых искусств?

Убийство кронпринца империи Эйдос не прошло незаметно. Ганджи Бадда, великого воина царства, отправили подальше от цивилизации, в глубокие джунгли.

Когда жена родила дочь, то бывшему воеводе ничего не остаётся, кроме как передать боевое искусство джуры ей. Ведь получив силу гепарда этот ребёнок способен раскрыть весь потенциал этого стиля.

И когда отец наконец верит в начало мирной жизни, его дочь похищают.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — рассматривая в подзорную трубу одну из девяти самых высоких башен города, мужчине не верилось в то, что затеял его командир и друг.

— Я не смогу смириться с таким поражением. Она должна быть моей. — янтарные глаза неотрывно смотрели туда, где анхеля рантаров ждало самое большое сокровище в его жизни.

— Патрули в этом районе города были усилены после сегодняшнего инцидента во дворце. Но... — третий мужчина с длинными чёрными волосами вслушивался в окружающий сумрак. — Ты сможешь пройти туда и обратно. С моей помощью.

— Эобар, Изая. Что бы я без вас делал? — воин с тёмно-бордовыми волосами встал к полному росту и начал разминаться.

— У тебя пять минут до Башни Дуба и столько же будет обратно. — маленькие песочные часы в руках черноволосого лучника начали перетекать между пальцами, готовясь начать отсчёт. — Эобар будет ждать рядом с воротами на всякий случай.

— Ох уж этот случай... — усмехнулся анхель.

— Ты готов? — слепой лучник наострил свои уши, вылавливая момент для старта.

— Да... — жуткий оскал украсил лицо одного из сильнейших воинов царства.

— Беги!

Звон двух клинков раздавался одиноким эхом среди тысяч стоящих воинов, наблюдающих за битвой командиров двух армий. Империя Эйдос напала на Берег Лун и теперь, битвой двух воевод было решено закончить это столкновение. Шашка Кассия фон Ридаса бликовала в лучах алого предрассветного солнца, поднимающегося над горизонтом. Мастерство владения этим оружием у кронпринца империи находилось на высоком уровне и Ганджи Бадду, анхелю рантаров, приходилось очень нелегко под натиском столь опытного противника. Кассий успевал наносить три-четыре удара своим одноручным клинком, в то время как анхель перешёл в защиту и едва ли успевал нанести хоть один. Воины двух держав, окружившие своих командиров, надеялись на скорое окончание этого боя. Множество раненых и искалеченных мужей лежали на песке Берега Лун и старались хоть краем глаза подсмотреть поединок двух прославленных воинов, вершивших сейчас судьбу двух армий.

Парирование, удар и узкое лезвие вонзается в грудь Ганджи Бадда, пронзая сердце анхеля и вынося смертный приговор всему подразделению рантаров и выживших защитников Берега Лун. Ручейки крови стекающие по кромке лезвия меча кронпринца, сливались воедино с застилающими глаза прядями волос.

“Вот так умру? Так легко? А как же Адеола? Я обещал жениться на ней как вернусь в Видэон в следующий раз! Сердце... Оно так болит...”

— Ганджи! Ганджи! Бадд!!! Анхель Бадд!!!

— А! — чуть не падая со своего коня воин успел сесть обратно. — Что случилось?! Я жив?!

— Не то слово, герой. — мужчина с чёрными прямыми волосами и закрытыми глазами улыбнулся и хлопнул своего друга по плечу. — Как герой Краткой войны может умереть от падения с лошади?

— Не шути, Изая... Мне приснился не хороший сон... — глаза не хотели открываться и жутко чесались, от того Ганджи не сразу рассмотрел силуэты башен Видэона на горизонте.

— Да уж... Ты громко стонал. Мы даже подумали, что мыслями ты уже вернулся в столицу к своей пантере. — не прекращал своих подколов десятник рантаров, Изая Вимур.

— Почти прибыли. Ты помнишь наш уговор?

— Да-да... Точно решил уйти со службы?

— Однозначно. Завести семью с нашими то постоянными походами по континенту...

Нет, это невозможно...

— Ну тогда, я с тобой. Впрочем, как и всегда... — ухмыльнулся черноволосый воин с луком за спиной.

Столб пыли от приближающейся из столицы лошади становился всё ближе. И вскоре среди тёмных ветвей деревьев стал заметен зелёный флаг с изображением древа жизни.

— По твою душу скачет, Бадд. — вышел из тени седовласый воин в плотных чёрных одеждах. Ноги его лошади, казалось, дрожали от страха. Но всадник внушал ужас не только животине, все воины идущие рядом отвели свой взгляд и старались не смотреть на второго десятника.

— Эобар... Ты проверил отступление Эйдоса?

— Погрузились на свои корабли и ушли. Как скрылись за горизонтом, мы подождали новый гарнизон для крепости рядом с берегом и пошли за вами.

— Это хорошо. Я думал они не сдержат клятву. — наблюдал Изая за приближением гонца.

— Тогда мы смели бы их во второй раз. — хладнокровным тоном произнёс Эобар. — И на этот раз пощады бы им не было...

— Всё, хватит разговоров! Теперь судьба моей головы в руках наших царей...

«Война — это несчастья с обеих сторон!» — и, хотя анхель шёл по главной улице столицы, под рёв людей, которые восхваляли его очередной подвиг, он понимал весь масштаб своего фиаско. Его сопровождали радостные лица людей, кидающих в воздух головные уборы, и городских стражников, что били копьями об щиты при приближении героя Краткой войны. Они не понимали последствий события, перечёркивающего красной чертой всё, что было сделано ради мира меж двумя державами.

Ганджи Бадд ещё до прибытия в город, получил приказ явиться к царям во дворец и вот он стоит у его гигантских деревянных дверей, украшенных резьбой с изображением великого древа жизни. Древо выросло из толстых корней и постепенно разветвлялось в массивную крону, доходившую до самого верха воротной арки, затем ветки опускались по краям, становясь теми самыми корнями, из которых выросло древо. По обеим сторонам от входа во дворец стояла внушительная стража, вытянувшаяся по струнке при приближении анхеля рантаров — одного из шести главных военных командиров Гринтерры.

— Вольно!

“И что стоит сказать? Принца империи я совсем не хотел убивать, но другого выхода он просто не оставил.”

Ганджи раскрыл двери тронного зала и поймал взгляды пары десятков глаз, смотрящих на него как на собаку, которая неправильно выполнила команду дрессировщика. Советники царя в разного рода вопросах, от сельского хозяйства до военных действий, стояли полумесяцем под огромными сводами нефритового дворца. Как возвели это грандиозное

сооружение Ганджи мог только догадываться. Огромные колонны, подпирающие свод было бы не обхватить и трём мужам, а рисунок солнца в самой высокой его части, казалось, согревал изображавшим небесное светило горящим изнутри янтарём. Анхель Бадд редко бывал в столице царства, Видэоне, от того и чувствовал себя крайне напряженно и растерянно, роскошь была ему непривычна. Рантары ходили в военном патруле по всему царству, поддерживая порядок в дальних регионах и решая военные конфликты с империей Эйдос. Кочевники, бывшие бандиты, наёмники царя. Их называли по-разному, но лишь одно оставалось неизменным — там были лучшие воины царства. А стать анхелем рантаров, значило стать следующим по силе после царя дракона. А стать главой рантаров, где уважали только силу, в восемнадцать лет, казалось всем чем-то невозможным. Анхель может командовать подразделениями армии до десяти тысяч человек, где каждой тысячей командует десятник. У каждого десятника в подчинении находится ещё десять человек, имеющими звание сотника. А у тех ещё десять — тысячники. Чины тысячников и ниже считались низшими чинами армии и самыми многочисленными. Каждый рантар был равен по силе тысячнику, лучшему бойца взвода. Потому и на очередное столкновение с империей Эйдос было решено отправить именно рантаров.

“Я обязан был убить принца...” — даже для Ганджи это звучало нелепо. Он дошёл до середины зала, где спираль из цветной мозаики на полу только начиналась и громко приставил вторую ногу, словно разрешая начать с ним разговор. Нервы были на пределе и Тигр был даже рад, что оставил свой меч в разбитом ими военном лагере у города. Сейчас, когда решалась его судьба и судьба рантаров, он бы ни за что не согласился пойти под трибунал за нарушение дипломатической неприкосновенности.

— Анхель Бадд, как прикажете это понимать?! — спокойно, но громко начал диалог один из царей, сидящий на левом троне. Средних лет мужчина с чёрными вьющимися волосами, он не выделялся мощным телосложением, но то пересиливала мудрость древнего старца в тёмно-фиолетовых, словно грозное облако, глазах. Эти глаза видели людей насквозь, пронзали ложь, добираясь до истины.

— Государь. Ваш приказ был выполнен дословно... — отвечал анхель рантаров Ганджи Бадд, выступая перед двумя царями Гринтерры, великого лесного царства.

— Тогда расскажите «дословно», как именно Вы выполнили мой приказ? — Царь Иолай Д’Видеон был человеком крайне проницательным, дипломатичным и мягким, но его мягкость не касалась людей, четко не исполнявших поставленные задачи.

— Во время патруля рядом с Хребтами раздора посыльный доставил свиток с царским указом, — Ганджи Бадд достал из-за пазухи кожаный футляр цилиндрической формы и вынул из него свиток, демонстративно протянув его вперёд. — В нём были указания к нашей немедленной передислокации на Берег Лун и его защите, а также при возможном нападении приложить все силы к подавлению противника и изгнанию его с наших земель.

— Именно так, — царь был спокоен, Ганджи являлся его хорошим другом в молодости, и он знал об исполнительности этого славного полководца.

— Мои войска дошли в кратчайшие сроки до Берега Лун, но тем не менее враг нас опередил. Гарнизон ближайшей к берегу крепости, принадлежащей армии Юга, приложил все силы для того, чтобы войска Эйдоса не смогли высадиться на берег потерпев огромные потери, но эйды всё равно смогли окопаться. Несомненно, это можно было бы считать успехом врага, но вот потери империи были колоссальны. Я взял командование оставшимися от гарнизона воинами на себя. А вот командование вражеской армией, судя по донесениям

нашей разведки, взял в свои руки кронпринц Кассий фон Ридас. Принятие решения отступить в мои планы не входило, отдать Берег Лун стало бы равносильно проигранной трёхсотлетней войне. — голова анхеля чуть наклонилась вперёд, закрыв тёмно-красными локонами глаза. Лёгкая ухмылка скользнула по лицу молодого анхеля, словно тот всё ещё был в пылу жестокого сражения. — Они думали, что, почти уничтожив местный гарнизон и, потеряв более половины своего личного состава, способны сражаться дальше. Тогда мы послали к ним своего человека с ложными данными разведки о подкреплении рантаров и нашем трехкратном численном превосходстве. И, хотя их осталось ещё около трёх тысяч человек, они были уставшие после плавания, измождённые высадкой и сломленные от потерь, солдаты империи всё равно начали продвижение в лес. Изая... Кхм... Простите. Мой десятник — Изая Вимур со взводом лучников начал обстрел кораблей противника из своего фамильного лука, лишая огневой поддержки наземные силы. Как Вы и все присутствующие знают, его лук — является одним из орудий, в создании которого использовались руны древних. Одного попадания золотой стрелы достаточно для уничтожения флагманского корабля. Если бы не объём поглощаемой им энергии... Возможно и войны можно было бы избежать. Но тем не менее... Наши воины вступили в бой с солдатами противника. Их палки, стреляющие свинцовыми шариками, которые те именуют ружьями и пулями соответственно, дали преимущество над нашими силами на средней дистанции. Их деревянные щиты защищали от наших стрел и нам оставалось лишь подойти для рукопашной схватки. — Ганджи едва заметно ухмыльнулся и его жёлтые глаза с высокомерием взглянули на окружающих, заставляя тех съёжиться от страха после следующих слов. — Глупцы... Против них шли рантары... Нам нет равных в ближнем бою...

— Хм... Я бы отступил на их месте ещё после первых залпов Вимура. — царь Иолай слушал своего подданого внимательно и понимал, что случилось, не много не мало, как попытка подставить своего кронпринца командующими Эйдоса, но никак не способ реального нападения королевства. Столь неадекватное поведение против превосходящих сил противника было не похоже на прославленного молодого стратега и принца Кассия фон Ридаса.

— Тоже бы сделал и я, мой государь, но почему-то враг был уверен в своей победе, а возглавлял их атаку сам кронпринц. Он вышел в первых рядах на поле боя и убил много хороших ребят, которых я хорошо знал. Кстати говоря, даже смог отразить один из выстрелов десятника Вимура. Создавалось впечатление, что кто-то пытался сравнить наши армии и им это безусловно удалось. Эта битва была больше похожа на мясорубку или скотобойню, но никак не на сражение. Наши воины стоили трёх или пяти вражеских солдат. Несмотря на ружья с прикрепленными ножами в их руках, неспособность использовать свои знаки анимы на поле боя, играет с ними плохую шутку. Но я не мог продолжать данное побоище сделать кронпринцу предложение о перемирии.

— Вы его убили, анхель Бадд! — один из советников не выдержал и буквально подбежал к Ганджи лицом к лицу. — Вы убили наследного принца империи Эйдос! Вы хоть понимаете, чем это может обернуться?! Нет! Вы не понимаете! Вы всего лишь убийца!

— Я защищал Родину, советник Перлей. И заботился о семьях своих воинов и семьях людей по ту сторону баррикад. А Вы? Заботитесь о тех, кто Вам дорог?!

Зал наполнила тишина и только грозный взгляд анхеля, направленный в глаза старого военного советника Ликурга Перлея, наполнял это молчание смыслом. Казалось, всего мгновение отделяло советника от гнева подчинённого. Ганджи Бадд будто бы раскалял

атмосферу зала своей энергетикой. Его наспех уложенные волосы растрепались от резких движений головы и сейчас напоминали факел, разгорающийся с каждой секундой всё сильнее.

— Моя дочь никогда не выйдет за такого преступника как ты, Бадд. Несмотря на все твои заслуги перед царством, я нашёл для неё лучшую партию.

— Довольно советник, выйдите из зала! — царь смерил взглядом Перлея и добавил. — Выйдите все, во избежание подобных инцидентов! — хмурый взгляд Иолая обежал тронный зал.

Бояре, представители знатных домов и советники начали покидать напряжённую атмосферу помещения. Кто-то бежал спотыкаясь, кто-то отнюдь не спешил, ожидая продолжения концерта, но советник Перлей покидал тронный зал последним. Хотя он и был порою крайне несдержан, но заслужил своё звание и должность главного военного советника. С царём Иолаем остался сидеть на соседнем троне лишь царь-главнокомандующий Зейн Д'Видеон, тот кто всё ещё молчал и с интересом выслушивал доклад своего подчинённого. Его короткие чёрные волосы и ястребиные чёрные глаза хоть и были направлены на Ганджи, но его сознание было поглощено услышанным. Многие советники и высшие чины считали, что Зейн крайне жестко решает все возникающие конфликты с речными деревнями и островными городами за Каменным морем, что пролегало по центру континента. Старший Д'Видеон думал о том, как поступил бы он сам, будучи на месте Бадда и как решал бы напряжённую обстановку между двумя сильнейшими державами, являясь сильнейшим воином на всём континенте. Будучи носителем тату анимы дракона, так и могло произойти.

— Итак, Ганджи, продолжай. — сказал главнокомандующий, подпирая рукой подбородок с изящной чёрной бородкой.

— Моё предложение слышали все воины, как с нашей стороны, так и со стороны Эйдоса. Предложение было о дуэли между им и мной, а также о прекращении бесполезной резни. Кассий фон Ридас прилюдно согласился на предложение о сдачи войск проигравшего в дуэли. Он сражался как никто и никогда из эйдов. — зрачки глаз анхеля пылали, в них читался то восторг, то гнев, то бессилие. — Честно говоря, я вовсе не хотел его убивать, но случилось непоправимое. Он не смог контролировать свой знак анимы, хотя сам вряд ли это понимал.

— Ты спас его от позора... — Зейн проникся к Ганджи ещё большим уважением. Царь-главнокомандующий слышал и читал доклады о кронпринце Кассии и его подвигах в сражениях, не мало командиров полегло от его тактических манёвров. И погибнуть от превращения в зверя было бы позором для такого великого полководца.

— Он перестал контролировать потоки живы в своём теле, да и вряд ли он это умел, но я не допустил его позора на глазах двух армий, ведь в таком случае... — Ганджи не договорил и запустил руку в тёмные-красные лохмы своей головы. — Я просто не мог поступить иначе... Я его убил, это была не та битва, в которой мог бы проиграть, но и не та, которую хотел выиграть.

— Теперь понятно почему ты отпустил выживших врагов Бадд. — царь Иолай находился в задумчивости и говорил медленно. — Ты оставил всех свидетелями дуэли чести, чтобы у них не было к нам претензий за смерть члена императорской семьи. Ты поступил правильно. Я понимаю твоё решение. С послом Эйдоса мы разберём эту ситуацию подробнее. Но тем не менее... — царь Иолай встал с трона и тяжело вздохнул. — С этого

дня воинство рантаров распускается и лишается всяких привилегий. Те из рантаров, кто захочет остаться и служить царству, будут обязаны пройти жёсткий отбор. Все: листы, тысячники, сотники, десятники, а также анхель рантаров Ганджи Бадд; лишаются своих званий. — мужчина подошёл к своему другу и приобнял его за плечо. — Я не тороплю тебя с уходом, друг, но тебе лучше уехать подальше от Видэона. Империя попросит твою голову, и мне не хотелось бы ей её отдавать.

— Я... Понимаю... — Ганджи и сам хотел уйти из армии, но оставляя за собой руин.

— Завтра Адеола выходит замуж, но я тебе этого не говорил. — шёпот Иолая был слышен только его другу.

— Уже завтра? Но! Она должна решать сама...

— Тогда не смею тебе мешать. Разбирайтесь сами.

В высокой башне Великого дома Дуба, свои волосы вычёсывала черноволосая юная красавица. Её зелёные глаза как два изумруда сверкали в масляном освещении комнаты и были полны грусти и отчаяния.

— И зачем мне этот напыщенный индюк? Богатый торговец и что? Допустим богачейший, что с того? — Адеола говорила сама с собой и была сейчас самой несчастной девушкой во всей столице. — Вот нужна мне эта жизнь богачейки? Да я согласна в лачуге жить, подстилая под голову мох, лишь бы с тем, кого люблю.

Девушка потушила масляные лампы и улеглась на кровать в полупрозрачном белом халате. Свет горящего в небе Даная заглядывал в открытую дверь балкона. Тёплый ветер вносил ароматы цветов и благоуханий из садов на крыше здания, вокруг которого раскинулись казармы столицы. Девушка слушала лёгкое посвистывание летнего бриза за окном и почувствовала нежное прикосновение к ягодице чего-то лёгкого и ароматного. Знакомый сладковатый запах фруктового ликёра и тропического леса, чьи соки пропитали одежду насквозь.

— Так живи с тем, с кем хочешь...

Адеола открыла глаза и увидела мужчину в изношенном, чуть распахнутом, рантарском мундире, стоящего возле её кровати. Он начал гладить бутоном белой розы её бедра, любясь красотой дочки главного военного советника.

— Ганджи!

— Тихо... — прошипел Бадд. — Ты уйдёшь со мной навсегда на край мира?

— Уйду!

— А в лачугу?

— С тобой? УЙДУ!!!

— Тихо... Я же попросил. — ухмыльнулся Ганджи. — Тогда, выходи за меня, Адеола Перлей, дочь Великого дома Дуба.

— Хорошо... — девушка вскочила с кровати и нацепила сапоги.

— Прямо так пойдёшь? — лицо анхеля порозовело от откровенного наряда сбегавшей невесты.

— Да, одеваться слишком долго.

— Мда... Что-нибудь придумаем. — мужчина потушил лицо и повернул голову в сторону окна словно обращаясь куда-то в пустоту. — Изаея, мы готовы.

Ответа не последовало, но Адеола услышала лёгкий свист за окном и в дверь попала длинная стрела.

— Ой! — вскрикнула девушка, а из-за двери послышались голоса вместе с топотом ног.

— Понял-понял... — Ганджи Бадд развернулся на месте, подхватил Адеолу на руки и выбежал на балкон. — Ну... Как запрыгнул, так и спрыгну. Только не ори, киса.

Ганджи спрыгнул с высоты двадцати метров вниз, попутно отталкиваясь от других балкончиков. Весь спуск сопровождался криком полуобнажённой девушки. Зазвонили колокола военной тревоги, разнося весть о краже юной девы.

— Ну вот, дооралась...

— Сам виноват, всё детство боялась с этого балкона упасть. — на глаза девушки наворачивались слёзы.

— Не реви, не должна красотка плакать. — Бадд подхватил её на руки и побежал по узким переулкам между казармами и домами офицеров воинской части. Стрелы вонзались на поворотах в некоторые переулочки, словно перекрывая путь. — Спасибо Изая, с меня ещё один должок.

Мужчина в форме анхеля с полуголой дочкой одного из высших военных чинов на руках, убегающий от встревоженных солдат в сумерках столицы, ну что может быть прозаичнее. Ганджи подбежал к высокому пятиметровому забору и воротам, что отделяли их от свободы.

— Стоять! Стой Бадд!!! — срывался на крик советник Перлей. За ним стоял целый взвод воинов. — Ты совершаешь преступление! Я тебя отправлю под трибунал!

— Любовь — это не преступление советник Перлей! — улыбнулся Ганджи и перебросил Адеолу над воротами, частично оголяя её ягодицы и вгоняя в краску всех присутствующих солдат. — Вам ли это не знать? У Вас прекрасная дочь!

— Да ты себе не представляешь, что творишь! — крикнул Перлей и отдал команду. — Схватить его!

— Спрячьте гнев и совести сердце откройте, а также для вашего блага постойте. — напевал Ганджи Бадд, вставая в стойку боевого искусства джурю.

Войны хоть и знали, что наказание, за неисполнение приказа военного советника будет жесткое, но всё равно боялись сделать к анхелю даже пару шагов. Про Тигра Юга слышали, казалось, все. Но вот новобранец, выбежавший вперёд, с копьём наперевес явно нет. Лист сделал быстрый выпад копьём в грудь красноволосого воина и последнее, что он увидел это обух сжатого кулака, опускающегося ему на лоб. Бадд отобрал копьё и его древком откинул парня к однополчанам.

— Вы не пройдёте здесь, товарищи! — Ганджи начертил копьём черту перед собой. — Это храбрости вашей предел...

Девушка приземлилась на какую-то ткань, которая оказалась большим чёрным вонючим мешком.

“Что может быть лучше?”

Её начали нести, пиная ногами и переворачивая с ног на голову и Адеоле это надоело, тату анимы пантеры на её теле начал раскаляться, а она заорала от гнева.

— Arrrrrrrrrr!!! — рык из-за ворот заставил вздрогнуть даже офицеров, что стояли перед анхелем рантаров. Что сказать, даже советник Перлей подпрыгнул от неожиданности.

— Ой! — Тигр Юга прикрыл рот рукой, чтобы не засмеяться и, подпрыгнув, скрылся за верхним краем ворот.

Воины стояли в полном “восторге” от такого вечера. Герой Гринтерры только что украл дочку главного военного советника и скрылся в неизвестном направлении. Солдат, что был

вырублен Баддом, очухался и протирал глаза, когда у него между ног, не задев ничего ценного, воткнулось копье.

— Возвращаю! — послышалось удаляющееся эхо из-за забора.

Глава 1. Рождение гепарда

Два года минуло после войны, названной Краткой. Южный массив джунглей покрывал огромные территории скрываясь за горизонтом. Посреди этого зелёного рая стояло одинокое плоскогорье или тепуи, как называли подобные горы местные, напоминавшее огромный пенёк от гигантского дерева. Верхняя часть горы напоминала котлован с плодородной почвой, урожай с которой снимали несколько раз в год. На этой горе расположилась небольшая деревня, а остальное пространство плоскогорья занимали сады с множеством плодородных деревьев. Когда шли дожди, а в летнее время это происходило почти постоянно, они заполняли верхние озёра водой, что питали всю экосистему и служили населению деревни источником пресной воды. Высокие водопады с рёвом вырывались с разных сторон этого плоскогорья прямо в изумрудные кроны деревьев.

В это время суток, когда утренняя заря освещает бескрайний простор, когда просыпаются экзотические птицы и начинают своё пение, раздался детский плач. Рождение ребёнка означало новый период в жизни для молодых родителей. Забота, воспитание, любовь и много всего того, что может и должен дать каждый отец и мать своему чаду. Но разве только для родителей начинается другая жизнь? Разве только лишь с ними связана судьба каждого человека? Жизнь связала всё живое на этой планете единой мыслью и люди не стали исключением. Кто знает? Может именно это дитя станет ключом, что откроет новую эру человечества.

На краю обрыва стоял мужчина, облокотившись на ствол орехового дерева. Его тёмно-красные растрёпанные волосы уже начинала поглощать седина, появляющаяся на висках. Он был гладко выбрит. Не выпавшиеся алого оттенка глаза всматривались в горизонт, словно готовясь к схватке на смерть с неравным противником.

— Господин! — человек подлетел к старосте деревни, словно ураган, — У Вас родилась дочь...

— Я слышал, жрец! — задумчивый взор мужчины обратился к прибежавшему человеку. — Ребёнок здоров? Как себя чувствует Адеола?

— Девочка здорова и очень похожа на госпожу, — чуть улыбаясь произнёс жрец, человек, что знал и умел, лечил и исцелял, учил и был учёным. — Госпожа хорошо держалась и скоро встанет на ноги. — Мужчина умолчал своему старосте о сложностях во время родов.

— Спасибо, что сообщил. Можешь идти! — словно выдохнув произнёс староста Деревни Орешника.

Уже не самый молодой, но далеко не самый старейший мужчина уселся на землю и не мог поверить в произошедшее. Неужели он — человек, отнявший столь многое количество жизней, получил шанс для мирного и спокойного существования?

— У неё голубые глаза, словно два сапфира, от парней не будет отбоя. А как она быстро успокоилась, вы это видели? По характеру точно не в отца! — счастья молодой мамы не было предела, Адеола давно хотела детей. — Я назову её Камалия.

— Камалия Бадд, — с тихим восторгом произнёс новоиспечённый папа, входя в комнату. — Какое красивое имя ты выбрала для наследницы нашего рода.

— Как будто голубая луна смотрит на меня не сверху, а глазами этой малышки, — с

улыбкой на лице произнесла Адеола. — Ведь её глаза словно отражают собой всю её красоту.

— Надеюсь, у неё получится достойно принять те трудности, что её ждут.

— Духи Природы укажут ей путь.

Каждый день ребёнок рос и учился не по годам. Не было и момента, когда девочка давала бы заскучать своим родителям. Прошло четыре года с рождения Камалии и наступил её день рождения. До четырёх лет дети живут обычной жизнью: растут, учатся ходить и говорить; но на четвёртый день рождения Духи Природы даруют им знак анимы, знак души мира зверей. После чего человек получает часть особенностей своего знака.

— Мама, а мне правда даруют знак анимы? Правда-правда? А какой, ты уже знаешь? Это будет пантер-р-ра как у тебя? Или тигр-р-р как у папы? — молодая наследница не могла успокоиться, ведь сегодня вечером у неё пройдёт принятие знака анимы.

— Кама, дорогая, ты и представить себе не можешь как нам всем интересно это узнать. Не меньше, чем тебе. — отвечала Адеола. Попытки отца успокоить свою дочь не увенчались успехом, поэтому он положился на свою жену.

Мать с дочерью сидели на скамье в центре деревни и наблюдали начало наступления сумерек. Жители горы Тиабат заканчивали свой рабочий день, сворачивая лавки и закрывая свои заведения. Ярко зелёные кроны деревьев постепенно окрашивались оттенками заката и нагоняли зевоту.

— Мама, а нас скоро пригласят в Зал Духов?

Действительно, солнце уже почти коснулось горизонта, а они так и находились у входа в зал. Здание в форме полусферы было построено из глины и изогнутых дугой брёвен, сходящихся на вершине. Он использовался для совета языков, умнейших жителей деревни в каждой сфере жизни, а также для обрядов получения тату анимы.

— Можешь входить, — с теплом в голосе произнёс Ганджи Бадд, распахивая двери перед своей дочуркой.

Ребёнок вошёл в круглый зал, своды которого освещались лишь факелами, воткнутыми в землю по кругу. Камалия прошла в центр помещения, как того требовали обычаи и села на колени, положив на них свои маленькие ручки. Этот ритуал проходил у каждого человека в их царстве и требовал встретить вестников Природы достойно. Теперь оставалось лишь ждать. Ребёнок не знал, как это должно было произойти, кто-то из деревни говорил, что это больно, кто-то просто заснул во время инициации. Отец не говорил с ней на эту тему, армия смогла сделать его строгим, но он не стал от этого менее общительным, зато в последнее время он был полон волнения за будущее рода, и потому был слишком скован в своих эмоциях. Его дыхание за спиной, как ни странно, успокаивало. Даже повезло, что только староста имел право находиться в зале во время принятия знака.

Факела задрожали. Ветер, которому неоткуда было взяться в закрытом помещении, начал поднимать песок с пола. В маленькой канавке с водой, проходившей внутри зала по периметру, появилось течение. Камалия закрыла глаза и оголила плечи от лёгкого детского платья. Ей не было холодно или жарко, казалось, что всё её тело начало погружаться в тепло материнских объятий. Пламя с факелов начало перетекать, словно вода, от одного к другому, образуя круг. Затем огненный ручеёк отсоединился от основного потока и направился к девочке. Лёгким прикосновением он начал обволакивать её тело и комнату наполнил свет. Через минуту или две свет начал меркнуть, потоки стихий перестали циркулировать по

комнате, а на левой лопатке девочки сияло тату, остывая и постепенно становясь чёрным, как у всех людей. Ганджи подошёл к дочери и накиннул ей на плечи упавшие лямки летнего платья.

— Можешь вставать.

— Папа, мне было так тепло, так уютно. — шёпотом произнесла Камалия, боясь спугнуть Духов, если они ещё были здесь, и медленно поднималась с пола.

— Камалия Бадд твоё тату анимы, знак гепарда! — с гордостью произнёс Ганджи. На отца смотрели два разноцветных глаза, правый глаз дочери так и остался голубым, а вот левый блестел расплавленным золотом, напоминая ему огонь прошлых сражений. — С этого момента ты начинаешь свой путь воина Гринтерры!

В пять лет все обычные дети хотят резвиться на лугах или бегать по деревне и играть в различные игры. Находятся и те, кто предпочитает помогать родителям в их работе или учиться их ремеслу. Но какое ремесло может выбрать ребёнок, чьи родители далеки от обычных. Отец Камалии был в молодости анхелем рантаров, высший чин военного полевого командира, а мать всю юность училась у лучших учителей столицы Гринтерры, городе Видэон, считавшимся центром культуры и искусства всего царства. Гуляя и играя с ровесниками Кама чувствовала себя не в своей тарелке, её сверстники не проходили того обучения, что было у неё каждый день, благодаря семье. Ведь каждый из двух родителей старался передать ей лучшие из своих знаний, а потому с каждым месяцем ей всё тяжелее было общаться с местными ребятами, несмотря на близкий возраст. Но был ещё один момент, который, как показалось бы многим, делал Каму не самой обычной — это её глаза. Разный цвет глаз говорил о сложной, витиеватой судьбе их носителя, которому раз за разом придётся преодолевать все тяжбы своей врождённой удачи, ведь именно удачливыми таких людей и считали.

Когда у Камалии было свободное время, она просто гуляла по любимой ей деревне, иногда получая сладости от приезжающих торговцев, иногда наблюдая за искусной работой местного мастера кузнечного дела, Баргуса, иногда бегая по поручениям отца, доставляя послания на разные концы деревни. Такие дни казались крайне обычными, а от того, со временем, стали казаться и скучными. В один из таких самых обычных дней, когда солнце начинало клониться к горизонту и заря цвета свежего граната окрашивала крыши домов своим тёплым светом, Камалия шла по песочной дороге плоскогорья, что, извиваясь, точно змея, обвивала всю гору Тиабат.

Дом Орешника основал эту деревню более трёх сотен лет назад, ещё до самой первой Всеобщей войны. Почему Дом справедливости, как ещё называли этот малый по численности дом, обосновался именно здесь, ни один из жителей уже не помнил. Предыдущий глава этого дома умер пару десятков лет назад и с тех самых пор место старосты пустовало и все вопросы решали мудрецы деревни — языки. Дорога петляла по деревне Орешника от самого её входа и, в конце концов, упиралась в главное её здание — зал инициации, зал языков, зал предков, как только не называли эту постройку, но суть оставалась: люди со всей деревни приходили сюда со своими проблемами, вопросами и просьбами. Ганджи Бадд, отец Камалии, был выбран старостой этой деревни как сын последнего её главы. После окончания Краткой войны наследник малого дома вернулся в деревню и продолжил дело своего отца, но он был слишком не опытным во многих сферах жизни этого мирного сообщества, поэтому старался слушаться языков, чьи наставления

помогали выживать деревне всё это время, хоть и не был согласен со многими их решениями, предпочитая решать проблемы по-армейски.

Мимо зала обрядов пробегали дети, ровесники Камы, и о чём-то громко спорили. Их было около семи человек, все в потрёпанной одежде, у кого-то был фингал под глазом, а у кого-то лицо и руки были расцарапаны местными лианами — это была местная банда Колючки. Их было около семи человек, все в потрёпанной одежде, у кого-то был фингал под глазом, а у кого-то лицо и руки были расцарапаны местными лианами — это была местная детская банда Колючки. Их можно было бы прозвать беспризорниками и хулиганами, но иногда даже от них деревне случалась польза.

Камалия сидела на земле рядом со входом в зал предков, уткнувшись носом в колени и ожидала окончания рабочего дня своего папы, который, как всегда, старался выполнить свои обязанности старосты максимально ответственно.

Разговор детей не привлёк бы такого внимания разноглазой девочки, если бы не то, чем он закончился.

— ...да не слабо!

— А я говорю слабо! — самый высокий, а потому, наверное, считающийся самым сильным среди ребят подстёгивал расцарапанного лысого мальчика к очередной аванюре.

— То, что ты залез в колкие лианы, ещё ничего не значит. В нашу банду Колючки могут вступить только самые храбрые и сильные, понимаешь?

— Поэтому я должен сделать это?

— Да! — поддержали остальные. — Сделай это!

Кама приподняла голову от своих ног и внимательно посмотрела на юных хулиганов, в основном все были выше её ростом, кроме самого мелкого, расцарапанного, с пронзительными серыми глазами.

— Вызови на бой старосту Бадда и уйди живым, тогда место в нашей банде твоё! — самый высокий, Ден, смотрел свысока на Царапку; именно так Камалии захотелось назвать этого пацана с расцарапанными руками и ногами. — А если не справишься, то мы тебя побьём. Да ребята?!

— Само собой! — опять поддержали остальные хулиганы.

“Вызвать на бой папу? Эти ребята в своём уме?”

Камалия обдумывала все «за» и «против» той авантюры, которая, по её мнению, могла бы помочь храбрецу. Ей стало жалко ровесника, которого уже около недели таскала по всем закоулкам Тиабата эта шальная компания. Встав с тёплого песка и начав завязывать в хвост свои яркие, словно языки тёмного пламени, волосы, Кама привлекла внимание юных хулиганов, которые с большим любопытством и даже страхом смотрели на дочь старосты, дочь Тигра Юга, дочь героя Краткой войны — “Разноглазую” Каму, как её прозвала эта банда. Они считали, что она обо всём докладывает своему папочке, а потому и водиться с ней себе дороже.

— Ден?! Тебя же так зовут? — пятилетняя девочка сделала пару шагов в сторону главного хулигана. — Мой папа рассказывал о тебе, ты не раз вызывал его на бой. Даже сегодня ты пришёл в конце рабочего дня для вашего очередного сражения.

Банда Колючки дружно и с неким восхищением взглянула на своего вожака, который, не мог отрицать слова, произнесённые юной актрисой, не мог упасть лицом в грязь перед своими подчинёнными, но точно также он не мог и промолчать.

— Наверное, мой соперник сегодня будет крайне вымотан после работы. Засуха на

плоскогогорье и скорый приход сезона дождей заставляют его работать на пределе своих сил, потому, на сегодня, я оставлю его в покое. — главарь банды сложил руки на груди, самодовольно глядя на мелкую мерзавку, которая попыталась его унижить на глазах у всей шайки. Ему уже было десять лет, и он являлся самым сильным и умным среди своих друзей. Но не учёл наглости девочки с разноцветными глазами. Подняв правую руку, Камалия размахнулась и несколько раз громко ударила в дверь зала предков. Три громких, гулких стука в дверь вторили биению сердец, стоящих перед залом детей, дыхание которых резко замедлилось.

— КТО ТАМ?! — голос из зала предков вывел детей из объятий ужаса и их дыхание многократно участилось.

— Это я, Ден, вызываю тебя, Тигр Юга, на бой! — голос вожака маленькой банды спародировать оказалось не так уж и сложно, но кто не ожидал такого поворота, так это сам Ден.

Дверь резко распахнулась настежь, а из темноты донеслось слабое рычание. В дверном проёме послышались шаги и оттуда вышел статный мужчина с красно-рыжими распущенными лохмами волос. Красная рубаха из плотной ткани скрывала мощное тело старосты Деревни Орешника, а широкие плечи пришлось запускать в узкий дверной проём по очереди. Острые, отчасти звериные черты лица Ганджи Бадда дополнялись алыми, точно артериальная кровь, глазами, взгляд которых окутал страхом всех стоящих перед залом предков. Староста сделал несколько шагов в сторону банды Колючки, остановившись перед их главарём и чуть нагнувшись вперёд, скривив рот в жутком оскале, который в его понимании был улыбкой.

— Это ты, Ден?

Остальные члены банды сорвались с места и с дикими криками кинулись прочь, оставив своего главного наедине со страшным противником.

— Ты звал меня на бой? Так ты готов?

Ден смотрел в глаза красные, словно цветок дикой розы, и уже начинал прощаться с жизнью. Но случилось то, чего предсказать не мог даже старший Бадд.

— Не трогай его! — Царапка встал между Деном и Ганджи, лицом к лицу встретившись с тем же ужасом, что и его главарь. — Сначала сразись со мной!

— Оу... — староста выпрямился и посмотрел на детей своей деревни сверху вниз, оценивая ситуацию по-новому. Почувствовав знакомый запах со спины, он повернул голову и увидел довольную дочь, которая явно развлекалась, стоя в сторонке. — Значит, это ты затеяла, Камалия?!

Девочка застыла и хотела было сбежать, но тотчас была поймана за ворот платья.

— С вами сразиться она! — Ганджи подтолкнул Каму вперёд к мальчикам, которые с непониманием перекидывали свой взгляд с младшей Бадд, на её отца. — Сразу с двумя! Если вы, конечно, не боитесь...

Мальчики переглянулись и самый маленький поднял руку вверх, спрашивая разрешения задать вопрос.

— Да?! — с любопытством староста наблюдал за развитием ситуации.

— Я не хочу сражаться с Вашей дочерью, староста Бадд! — Царапка опустил глаза вниз, ожидая ответа.

— Значит, всё же, хочешь биться со мной?! — громовыми раскатами ударил очередной вопрос главы деревни.

— Папа мне всегда говорил, что драться нужно с теми, кто сильнее...

— Ахаха! Значит твой отец храбрый воин. И ты думаешь, что моя дочь слабее тебя? Я прав?

— Думаю, что так. — чуть уверенней произнёс расцарапанный парень.

— Ну что же... А ты, Ден, что скажешь?

— Если я выиграю у Вашей дочери, Вы меня отпустите? — со страхом в голосе спросил белобрысый главарь банды.

— Только тебя?

— Этот лысый не состоит в банде Колючка, я не обязан его защищать.

— Ну если так, то отпущу, если сможешь уйти на своих двоих. — Ганджи Бадд взял, стоящую у стены здания, трость и начертил на песке перед входом в зал широкий круг. — Тот, кто выйдет за пределы арены или не сможет больше продолжать бой, проиграл. Всем ясно?

— Да! — хором произнесли трое детей, правила девочке уже были знакомы, в отличие от её соперника.

— Тогда войдите в круг и начнём!

Дети вошли в круг. Ден, белобрысый смуглый парень, что был минимум на голову выше Камы, занял своё место с противоположного конца арены. Он демонстративно провёл большим пальцем по горлу, показывая Каме своё бесстрашие и намерение отомстить за испытанное унижение. Дети из банды Колючки, которые решили вернуться обратно и посмотреть, чем всё закончилось, выглядывали из-за углов, стоящих рядом зданий. А жители, проходившие мимо, с интересом подходили ближе, наблюдая, чем закончиться урок главы деревни.

Камалии пока нельзя было нагружать своё тело физическими тренировками, но уроки теории по самообороне от отца, а также уроки по тактике боя она выслушивала ежедневно. Стоя неподвижно и не принимая даже подобие боевой стойки, она смотрела на своего противника без особого интереса, будто его и вовсе не было. Лазурный её глаз не был замечен в начинающемся закате, но левый будто отражал садящееся за горизонтом солнце.

— Начали!

Ден сорвался со своего места и побежал вперёд на мирно стоящую перед ним Каму. И когда парень уже набрал скорость, и был в одном шаге от девочки, та сделала шаг влево, вытянув ногу.

Подножка и полёт, в который отправился глава банды Колючка смогли лицезреть все жители, собравшиеся вокруг арены. И Ден перелетел через линию, означающую край арены. Никто не ожидал такого быстрого исхода, поэтому никто даже не успел засмеяться, парень вышел против того, кто слабее, один на один, и проиграл, проиграл гордость.

— Победитель, Камалия Бадд!

Вокруг арены так и стояла непроницаемая тишина, которую нарушали только всхлипывания главаря банды Колючка.

— Ты в порядке? — Царапка протянул руку своему командиру, желая помочь тому встать, но получил по ней лишь удар ладонью.

— Ты знал. Ты знал, что она сильная! — после выкрика Дена все посмотрели на юную Бадд и грохот хохота разразился на всю деревню.

— Ха-ха-ха... А что смешного? — Камалия сложила руки на груди и надула свои детские губки. — Папа! Твоя очередь!

Но Ганджи Бадд уже сделал пару шагов и оказался на том же месте, где секунду назад стояла Камалия, приготовившись к бою с маленьким противником.

Мальчик, ростом не выше самой Камалии подошёл к краю арены. В его глазах не было страха, но читалась некая решимость. Он прошёл ещё три шага и встал напротив Тигра Юга.

— Ты готов? — Ганджи расплылся в улыбке и приготовился к рывку.

— Готов!

— Тогда начали!

Как только Ганджи закончил свою фразу и дёрнулся вперёд, Царапка выпрыгнул за край круга, в котором остался его противник.

— Я проиграл, староста Бадд! — лица присутствующих исказились в изумлении, а взгляды устремились на гордо стоящего, перед лицом непобедимого противника, мальчика. — Надеюсь на скорый реванш!

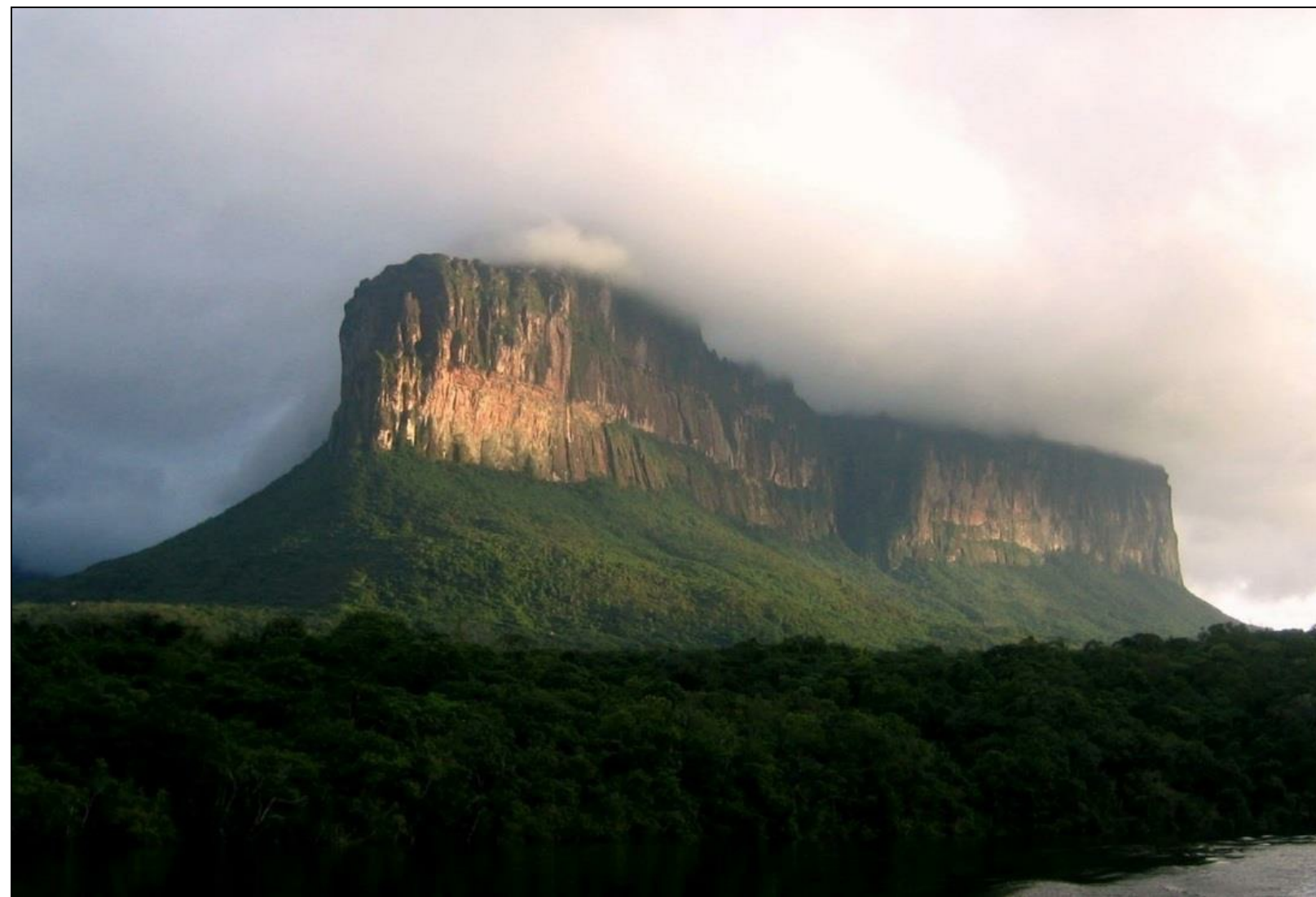
В собравшейся толпе кто-то начал хлопать, кто-то поддержал и вскоре все начали поздравлять юного воина деревни с первым поражением, даже члены банды Колючки хлопали своему новому другу и приподняли его на руки. Только Камалия не понимала всеобщей похвалы Царапки. Она подошла к отцу и одёрнула его за край рубахи.

— Отец... Я не понимаю...

— Он вышел на бой против непобедимого противника и проиграл. Но факт того, что он не побоялся выйти на бой со мной остаётся фактом.

— А почему он решил, что ты непобедимый?

Глаза Тигра Юга широко распахнулись и оценивающе, как-то по-новому посмотрели на наследницу Дома орешника.

Листья били по глазам, мешая разглядеть очередной корень дерева. И, спотыкаясь, Камалия продолжала убегать от чудовища, что гналось за ней, разламывая молодые деревья своим мощным телом. Блики его белой шкуры, просвечивающие сквозь листву, пожирали тропический лес, словно жаркое пламя, по пути к своей жертве. Знойный влажный воздух горячил лёгкие, на что те отзывались гулкой болью. Взор девочки с каждой секундой становился всё более затемнённым. Только страх стать добычей белого чудища не давал остановиться и сдаться на милость судьбе. Стволы поваленных толстых деревьев пролетали над головой, мелкие речушки, что перепрыгивала Камалия, манили своей свежестью. Жажда была беспощадна, но и тот, кто гнал свою дичь, не знал жалости.

Прыжок через овраг и тот оказывается слишком широким. Скатываясь по крутым склонам, девочка постаралась быстро сориентироваться и рванула в сторону уклона. Чудовище за спиной тоже замедлилось, выискивая свою добычу среди тысяч деревьев и судя по его ужасному рыку, это ему удалось. Камалия знала, убежать от монстра ей не удастся, никогда не удавалось, но попытаться она была обязана.

Выбежав из кустов на берег лесного озера, девочка хотела уже рвануть вдоль его берега, но отражение на водной глади, в котором должны были виднеться белоснежные облака и небо, было почему-то чёрным, настолько чёрным, что, казалось, эта тьма поглотит любого, кто осмелится шагнуть в воду. Страх помог сделать Камалии шаг в эту тьму. Круги водной

ряби, что должны были расходиться от девочки, стали двигаться в обратную сторону. Стараясь осмыслить происходящее, Кама взглянула туда, где они заканчивали свой ход. Прямо из поверхности озера, на неё смотрела пятнистая голова гепарда. Девочка должна была бы испугаться его, бежать со всех ног, но тот почему-то казался ей таким родным, привычным. Все движения головы и мимики лица гепард копировал с поразительной точностью, как если бы... Камалия нагнулась ниже, приблизился и гепард. Пока они смотрели друг другу в разноцветные глаза грохот приближающегося по лесу монстра становился ближе, а вместе с ним учащалось и сердцебиение Камалии. Вдруг, голова зверя вынырнула из воды и схватив девочку за горло утащило во тьму озера.

— Аааа!!! — холодный пот заливал лицо, а тёмно-красные волосы были мокрыми насквозь. Камалия закрыла руками своё лицо и попыталась вспомнить конец сна, что произошло после того, как зверь её анимы утащил Каму под воду. Такое продолжение сна девочка увидела впервые, и оно пугало её. Это животное считалось не столь агрессивным, как остальные представители кошачьих, а потому девочка очень обрадовалась, что Духи Природы даровали ей именно этот знак — аниму гепарда.

Анимой люди называли своего внутреннего зверя, своё имя, данное Духами Природы. Каждому человеку в его пятилетие являются Духи и даруют это имя. Но анима коварна, бывали случаи, когда человек сходил с ума и сам становился похож на животное, он не слышал голоса собственного разума и обращался в зверя. Такие случаи были редки, но всё же случались.

Тату анимы на левой лопатке девочки словно пылало огнём и Камалия была готова окунуться в реку с головой, лишь бы её знак хоть немного остыл.

Всего пять лет минуло уже с того момента как Камалия получила своё духовное имя и о подобных снах ей никто не рассказывал. Выйдя из дома, девочка взяла ведро с ледяной водой и вылила его на себя. Приятная волна свежести заставила мгновенно проснуться и вспомнить, где она находится.

Деревня Орешника стояла на одинокой горе с плоской вершиной, что возвышалась над тропическим лесом подобно каменному замку. После сезона дождей в здешних озёрах, будто в водохранилищах скапливалось много пресной воды, использовавшейся местными жителями для ведения сельского хозяйства. Урожай здесь могли собирать до четырёх раз за год, потому многое уходило на продажу в ближайшие города и другие деревни. Также гора Тиабат делилась с жителями своей железной рудой, что славилась среди кузнецов своим отменным качеством.

Будучи дочерью бывшего анхеля, одного из шести главных воевод царства Гринтерры, она хотела быть похожей на своего отца и отдавала всю себя тренировкам и обучению грамоте.

Каждое утро Камалия поднимала воду из реки Тиа, что огибала Тиабат с юга и приносила её домой. Тренировки Камы начались, как только Духи подарили ей аниму гепарда. Один бочонок вешался на лямках за спину, а второй приходилось держать в руках. С возрастом бочонки менялись на те, что побольше, а тело Камалии наливалось силой.

— Он бы мне ещё на голову бочонок поставил, — приговаривала огневолосая. — А ведь принесу, а потом тренировки и только после этого завтрак...

Круговой подъём на гору преодолевался девочкой в среднем за час и в конце подъёма, у самого входа в деревню, её встречали два дерева орешника, что сплелись своими кронами, образовав высокую арку. Символ деревни встречал путников из долгих странствий и

проводил их в путешествия. Камалия поклонилась им, словно те были гордыми старцами, стражами её дома, и скорым шагом направилась домой.

Стоявший на окраине деревни, огромный, сложенный из толстых брёвен дом мог принадлежать лишь старосте деревни, коим её отец стал после возвращения из Видэона, столицы царства. За домом находилась тренировочная площадка, где он уже три года учил её воинскому искусству, что создал, используя сильные стороны каждого боевого стиля, но джура не была похожа ни на один из них. Главное отличие джуры было в равновесии, равновесии с самим собой и с окружающим тебя миром. Простота, скорость и сила техники боя джуры позволяла максимально быстро одерживать победу над противником. Вылив воду в огромную бочку, стоявшую у входа, Камалия, наконец, смогла зайти внутрь и насладиться сладким ароматом мяса тушёного с фруктами.

Имя природы, анима, влияла на человека: на его мироощущение, характер, философию мыслей, а также и на то, чем он привык питаться. Люди с хищником на тату анимы предпочитали есть мясо, нежели овощи или фрукты, а тату с травоядным животным, наоборот, заставляло человека употреблять растительную пищу. В семье Камалии все были с хищными знаками, а потому мясо входило в их каждодневный рацион, но и без него они могли обойтись — некоторое время.

— Мама, вода у входа, я принесла!

— Ты так стараешься, сразу видно, что ты его дочка, — с любовью в голосе произнесла Адеола Бадд, мама и по совместительству самый строгий педагог по культуре поведения во всей деревне. Наверное, не было женщины прекрасней и мудрее. У неё были чёрные вьющиеся волосы, заплетённые в широкую косу. Большие изумрудного цвета глаза, словно испускали тепло и любовь ко всему вокруг. Красивая осанка говорила о её аристократическом происхождении, а кошачья грация в каждом движении позволяла быстро догадаться о кошачьем тату анимы — пантера. Она всегда одевалась в лёгкие летние платья, что отличало её от нарядов других женщин деревни, одевавшихся в более грубую и плотную ткань. Адеола была на шестом месяце беременности и не скрывала своего счастья по этому поводу, часто поглаживая животик рукой.

— А разве ты не тренировалась подобным образом?

— Нет дорогая, мне была уготована совсем другая судьба и мой отец не позволял мне даже брать в руки оружие, хоть тогда и было не простое время.

— Но ведь у тебя хищный знак анимы, почему тебя не готовили к службе в армии?

— У моего отца были на меня другие планы, он хотел выгодно выдать меня замуж, но явно не рассчитывал на выходку твоего отца.

Наверное, поэтому Камалия не видела дедушку, он просто не считает её своей внучкой, продолжательницей его рода, но спасибо и на том, что просто не пришёл к нам с царской армией забирать свою дочь обратно.

— Да, — протянула Кама. — Папа, как всегда, сам себе на уме.

— Не говори так, он герой этого царства. Кто знает, чем бы закончилась война, если бы он не победил в дуэли кронпринца империи Эйдос.

— Ну да, папа силен. До сих пор попа побаливает от его тренировок, — погладила “любимая дочь своего отца” свою пятую точку. — Мама! А как вы назовёте малыша? Это мальчик или девочка?

— Я надеюсь, что мальчик. Хватит этого домашнего матриархата, — в кухню вошёл высокий рыжий мужчина с сединой, начинающей одолевать огненные космы его головы. Он

был одет в жилет и белую рубашу с закатанными рукавами; на ногах, как и всегда, он носил тёмные тканевые штаны без обуви. Левая рука была покрыта тату изображающей разъярённого тигра, а на правой пересекалось множество шрамов с надетым серебряным браслетом на плече, изображающим цветок с четырьмя лепестками из драгоценных камней. Ганджи Бадд был среднего роста, имел мускулистое, даже мощное телосложение, не сковывающее его в бою. Алые глаза смотрели на людей как на добычу, но при этом староста Деревни Орешника имел очень мягкий характер.

— Ты готова? Или ещё поговорим о твоём братике?

— Папа! Почему ты так уверен в том, что это мальчик?

— Как тебе ответить доченька? Чувство у меня такое оптимистичное. Ну так идём?

— Да, пойдём.

Выйдя на задний двор, отец с дочкой сели на два больших камня скрестив под собой ноги, руки вытянули вперёд и направили головы в сторону восходящего солнца, туда, куда уходила, извиваясь и прячась среди листвы река Тиа. Этот ритуал позволял наполнить тело солнечной энергией живы, а в совокупности со специальными техниками дыхания, наполняло тело неизмеримой силой. Эта техника называлась «Солнечный вздох» и не пользовалась по словам Ганджи Бадда особой популярностью среди мастеров боевых искусств, но, по его словам, значение этой техники было недооценено. Небесный костёр неспроста почитали все племена с самых древних пор. Отец с дочкой встали с горячих камней и зашли в круг тренировочной арены. Он был около двадцати шагов в диаметре и имел песчаный настил, что начал нагреваться под ярким светом утреннего солнца.

— Начинаем, — прозвучал грозный голос тренера.

Стойка в джуре использовалась стандартная для боевых искусств: левая нога впереди, руки подняты на уровень плеч и чуть расслаблены. Все удары или комбинации ударов направлены на поражение таких болевых точек как глаза, горло и пах. Остальные болевые точки Камалия осваивала по ходу и по словам её отца их насчитывалось около ста восьми. Джюра скорее была ударным стилем и не имела большого количества бросков в своём арсенале, зато возможностей для развития собственного боевого стиля было предостаточно.

— Камалия, твои движения должны обтекать твоего противника как огонь облизывает своими языками поленья в пламени костра.

Кама не брезговала пользоваться преимуществом своего тату гепарда. Резкий рывок в сторону отца и облако пыли за её спиной будто взорвалось, вылетая из-под стоп. Девочка целилась в горло и пыталась использовать своё преимущество низкого роста: как только Камалия приблизилась к сопернику, она подсела под его блок и сделала апперкот в сторону шеи. Мастер еле успевал следить за ростом способностей своей дочери, ему казалось, он научил её всему, что ей надо знать, но каждую тренировку она доказывала, что ей ещё есть чему научиться. Отец отвёл верхнюю часть туловища назад, пропуская перед собой опрометчивый прыжок дочери, но Кама не остановилась. В прыжке она нанесла удар ногой в грудь своему сопернику, что не осталось без его внимания: ногу моментально схватила крепкая отцовская ладонь и повернула стопу девочки вокруг её оси. Юную воительницу развернуло в воздухе, и она упала лицом в горячий песок.

— Неплохое начало, дорогая. Но если это вся твоя прыть, то, боюсь, тебе со мной никогда не совладать. — с дерзкой ухмылкой и радостью в глазах произнёс рыжеволосый тренер. — Поднимайся и начинаем заново, мы сюда не отдыхать пришли.

Разноглазая бестия была недовольна. Ещё пару минут назад Камалия была уверена, что в

этот раз всё пройдет идеально и вот опять. Простейший захват, поворот сустава и она лежит на земле.

Вскочив на ноги, с диким рыком она начала атаковать наставника быстрыми и последовательными ударами ног; ведь по длине рук она явно проигрывала взрослому мужчине. Ганджи блокировал все удары своей дочери, отмечая прогресс в её физическом развитии: ещё вчера ей приходилось подходить ближе для атаки, а смена ног требовала много больше времени, и это развитие не останавливалось ни на день.

Прошёл час рукопашных тренировок. Кама встала и отряхнулась, слегка поправив набедренную и нагрудную повязки на загорелом теле. Ещё ни разу ей так и не удалось дотронуться до хотя бы одной болевой точки. Но солнце только начинало согревать своими лучами молодую воительницу и его лучи упали на стойку с затупленными стальными клинками. Отец всегда говорил своей дочери, что природу нужно чувствовать всем своим естеством и тогда она поделится своей энергией, и сейчас, Камалия начинала чувствовать в своих жилах не только приступ злости и обиды за бессчётное количество проигранных поединков, но и чувство спокойствия, будто она находится где-то глубоко под водой и вокруг царит тишина, нарушаемая лишь легким эхом жизни деревни.

— Папа. Ты готов? — спокойно, словно лёгкий ветер в летнюю ночь, спросила Камалия, опуская тренировочный меч перед собой в направлении мастера.

— Начинай!

Этот раз не был похож на бои до этого. Девочка двигалась медленно. Каждый шаг был простым, но одновременно с этим и продуманным. Ганджи Бадд называл это состоянием воина, когда все эмоции и чувства накалены до предела. Сознание уходило на второй план, а всё тело двигалось на одних инстинктах.

Учитель не стал дожидаться первого удара своей ученицы. Он нанёс прямой удар мечом сверху вниз, но его тут же отразили и в звоне двух клинков девочка пропала из виду. Скорость, вот, что давало хоть какое-то преимущество Камалии в спарринге с отцом и она не была намерена это упускать. Девочка кружила вокруг своего наставника нападая и отступая. Каждый раз, когда отражали её удар, она уходила с линии атаки в слепую зону соперника и атаковала снова. Звон мечей становился чаще с каждой секундой, догоняя барабанную дробь. Ганджи был обескуражен таким прогрессом. Ещё бы, он сам всему учился и доходил до вершин, сам создал джуру — стиль способный изменить ход сражения, так его прозвали люди. Но сейчас Камалия показывала то хладнокровие, которому он никогда её не учил, сейчас она была, как никогда, похожа на его собственную мать. Но поддаваться слишком долго не стоило, ведь излишняя самоуверенность на поле боя могла стоить жизни. Быстрый шаг Камы в сторону и удар отцовской ладонью в лоб повалил юное дарование.

Когда девочка пришла в себя лёжа на тёплом песке, то перед её глазами вновь всплыла улыбка отца и чувство радости от такой похвалы. Ведь папа редко улыбался в их спаррингах, становясь больше похожим на дикого зверя.

Завтрак был неотъемлемой частью каждого дня, ведь кто не ест, тот и не растёт. Из еды на столе всегда было мясо и фрукты, а также хлеб, выпеченный из семян местного вида деревьев.

— Сегодня будет праздник. Воины вернуться в деревню после месяца медитации, — глава семейства сделал паузу и продолжил. — Камалия ты должна быть рядом со мной этим вечером, не забудь, это очень важная традиция. Потом воины уйдут в царскую армию и

пробудут там десять лет.

— Отец, а этот обряд посвящения в воины, эта медитация... Это всё опасно?

— Нет, если ты подготовлена...

После завтрака Кама разрешали отдохнуть и заняться своими делами. В этот раз девочка завязала свои волосы в хвост, что стал подобен языку тёмного пламени, и отправилась гулять в джунгли. Её природные инстинкты, открытые благодаря знаку, не давали ей заблудиться и перепутать север с югом. А в джунглях было много красивых мест, открытых для изучения. Порой Камалия уходила на множество километров вглубь и возвращалась только после ужина, от чего получала по заднице жгучей травой от отца и взгляд расстроенной матери. Но сегодня её не интересовали долгие походы, а совершенно иное действо вызвало на дуэль её детское любопытство. В деревне она слышала, что недалеко видели большущего вепря размером с торговую повозку. Поверить в такое на слово Кама не могла, поэтому и решила проверить всё сама. Может ли существовать подобное существо в их лесу? Она прошла уже около семи километров вглубь джунглей. Её ноги были все в грязи, а одежду так и хотели порвать колючие лианы и ветки. Было лето и стояла высокая влажность, впрочем, как и должно быть в тропическом лесу. Под ногами было много мха и корни деревьев можно было перепутать с греющимися на солнце змеями. Лианы опутывали лес словно паутина, что ожидала свою добычу. Крупных хищников Камалия не слышала и не чувствовала их присутствия, следов их недавнего пребывания тоже заметно не было. Эти места девочка знала очень хорошо, поэтому в сказки охотников о перекормленной дикой свинке ей верилось с каждой минутой всё меньше и меньше. Она уже хотела развернуться и пойти поплавать перед обедом в реке, что протекала неподалёку, как услышала треск ломающихся деревьев. Совсем слабый шум, но джунгли очень сильно гасили звук, поэтому девочка со всех ног рванула в сторону неизвестного. Ещё чуть-чуть, каких-то тридцать шагов, и она должна оказаться на месте.

Визг со стороны соседнего векового тропического дуба и вездесущие лианы, сковавшие весь лес своими кандалами, начали натягиваться и рваться с оглушающими хлопками. Гигантское дерево, более пятидесяти метров высотой, широкой кроной начало падать прямо на молодую авантюристку. Камалия явно не ожидала такого поворота событий, но была точно уверена, что стоять на месте означает верную смерть. Глубокий вдох и рывок, десять метров Кама пробежала за три прыжка, изворачиваясь от натягивающихся лиан и падающих деревьев, но с очередным громким хлопком ногу девочки схватило что-то колючее и потянуло по земле обратно под падающее дерево. И почему она не взяла с собой нож, который подарил ей кузнец год назад. Нога вопила от боли, лиана пронзила её своими шипами со всех сторон чуть ниже колена. Кама старалась избавиться от схватившей её напасти, но порвать лианы голыми руками было невозможно. Убежать она уже не успеет, но хотя бы постарается забраться под какое-нибудь дерево, чтобы не погибнуть от веток дуба.

Над ухом просвистело что-то блестящее, и ослабшая лиана отпустила молодую Бадд, разбудив девочку от мыслей о спасении. Большой нож разрубил лиану и сейчас чьи-то руки распутывали её окровавленную ногу. Камалия повернула голову в сторону спасителя. Им был мальчик со светлыми пшеничными волосами, примерно её возраста, одетый в чёрное плотное кимоно, а на ногах были такого же кроя и цвета шорты.

— Спасайся! Что ты делаешь?! — кричала Кама, не понимая, что творит этот пацан, она точно не хотела быть виновной в его смерти. Ведь это её невнимательность привела к тому,

в каком положении они находятся.

— И кем я буду, если оставлю девочку умирать, даже не попытавшись её спасти?! — будто не понимая происходящего произнёс парень. Серые глаза смотрели с уверенностью прямо на Камалию, кого-то ей напоминая.

— Идиот! — крикнула Кама в последний момент, перед падением на них дерева. И молодой человек закрыл её своим телом.

Улетающие птицы и поднявшаяся с листьев пыль рассеивали тишину леса. Громкий рык раздался в лесном массиве. Большая тень, около трёх метров в высоту, медленно двигалась к кроне упавшего дерева. Сквозь листья и ветки, отодвигая и ломая, тень хрюкала и урчала животом. Неизвестный зверь что-то выкапывал из листвы своими клыками и громко чавкал.

В нескольких десятках шагов от неизвестного существа, слегка раздвигая упавшую листву, появилась голова молодого спасителя.

— «Идиот. Что ты делаешь?» — с издёвкой, шёпотом говорил парень, отодвигая в стороны остальные ветки, которые сковали его движения. — Ты вылезать будешь, или собралась здесь заночевать. Тебе сколько лет?

— Во... Восемь... Ты, как ты? Как ты выжил? — с огромным удивлением произносила Камалия. Парень помог ей встать и уже вдвоём они наблюдали трёхметровую волосатую приближающуюся тень.

— А мне девять. У меня знак носорога. — с гордостью в голосе сказал мальчик. — Для меня эти ветки, что дикобразу иголка. Неприятно, конечно, но я толстокожий. А вот как мы будем с этим любителем желудей справляться, я не знаю.

— Нам нужно залезть обратно и переждать. Нам он не по силам. — рассудительно и с болью в голосе прошептала Кама, забираясь обратно в листву дуба и стараясь вспомнить, откуда она знает этого странного блондина.

— Я, конечно, пошутил насчёт ночёвки здесь, но не могу с тобой не согласиться. — ответил он, увидев гигантского кабана, выходящего из клубов пыли. Парень залез в листву и сел на лежащий на земле жёлудь, как это сделала его подруга.

— Меня Обирон звать, Обирон Эмек. — протянул свой кулак вперёд спаситель.

— А меня Камалия, можно просто, Кама, — чуть с улыбкой произнесла девочка, стукнувшись своими костяшками об его. — Из рода Бадд.

— Я знаю, кто ты. Пару лет назад ты меня спасла, заставив пересмотреть свои взгляды на общение с местной шпаной.

— Так, всё-таки, это был ты, тот парень, лысый, что проиграл моему отцу?

— Да, я. Тогда я был лысый, потому что волосы в смоле измазал, вот меня батя и постриг.

— Ахаха! Да... Здорово ты тогда моего отца надул, он до сих пор вспоминает. Но я тебя давно не видела в нашей деревне. — Кама ужаснулась собственным мыслям. — С того самого случая!

— Мы с отцом живём у подножья горы, он часовой, ходит в ночные патрули. До Краткой войны он служил рантаром, ему не хватает сражений, а так хоть “пользу приносит”, как сам говорит, — с задумчивостью сказал Обирон.

— Оби! Значит, твой папа был рантаром? А чин?

— Десятник...

— Да он же следующий по званию после анхеля, Оби! — разноцветные глаза Камалии распахнулись, отражая удивление своей хозяйки.

— Обирон, но, всё равно, лучше зови Оби.

Шум с диким хрюканьем над ветками пропал, и они выглянули наружу. Кабан переросток ушёл в неизвестном направлении, оставив после себя лишь шляпки съеденных желудей. Сколько они уже сидели в листве и ищут ли их, Оби с Камой не знали, но были уверены, что пора выдвигаться в Деревню Орешника.

Путь обратно был не близкий. Оби сказал, что тоже искал этого кабана, так они и пересеклись. Вот уж и правда, воля случая. Он нёс её на спине всю дорогу, и ей лишь оставалось уворачиваться от летящих в лицо веток и расспрашивать мальчика о его тренировках. Так они и подошли к плоскогорью.

Оби донёс Камалию до самой двери, несмотря на её мольбы этого не делать. Парень знал, что хоть кровь и перестала течь из ноги девочки, это не значит, что можно сразу напрягать мышцы, не давая зажить ранам. Из открывшихся дверей дома вышел отец и увидев окровавленную ногу дочери мгновенно оказался рядом. Из-за его спины вылетела бледная Адеола, начав ощупывать и осматривать дочь.

— Спасибо! — заботливым голосом произнёс Ганджи, беря на руки Камалию. — Обирон? Мы же не были представлены друг другу.

— Господин Бадд, мы с Вами уже виделись, и я Вам проиграл. — с армейской выучкой сказал парень.

— Ааа... Ну да. — улыбнулся ему Ганджи. — Жаль, что нет времени видеться чаще с твоим отцом. Как дела у Эобара?

— Здоровы и сыты. Отец с гордостью рассказывает о дружбе с Вами.

— Что ж, тогда я надеюсь и на вашу дружбу. — посмотрел мужчина на расцарапанную дочурку. — Я не забуду твоей помощи. Заходи к нам в любое время. Помогу, чем смогу.

— Спасибо! — поклонился старосте растрёпанный юноша.

— Это тебе спасибо, пацан. Приходи сегодня с папой на чествование новых воинов. — кинул Ганджи через плечо, удаляясь в сторону дома.

— Пока! — крикнула Камалия, почувствовав себя неловко на руках отца. — И мы теперь друзья, не забудь!

Кама скрылась с родителями за тяжелыми дверьми, а Обирон Эмек так и стоял в поклоне. Неужели у него появился первый друг. Улыбка не сходила с губ молодого человека.

— Пока!

В тёплом как домашний очаг закате пели и плясали жители Деревни Орешника чествуя воинов, вернувшихся с новой силой из Ущелья Ветра. Староста деревни сидел с семьёй у края поляны, на которой в больших ритуальных масках танцевали люди под быстрые удары барабанов. В середине поляны горел огромный костёр, который каждый из воинов перепрыгивал по многу раз за танец, будто проходя между миром живых и миром мёртвых. Местное вино лилось рекой, еда подавалась поварами нескончаемым потоком, а песни под ударные звуки инструментов рассказывали о подвигах предков.

— Мама, эта мазь правда поможет? — Камалия сидела, вытянув вперёд раненую ногу, на которую был намотан длинный лист какого-то растения, а из-под него виднелось бело-зелёное лекарство.

— Твой папа научил меня готовить эту мазь, как только мы пришли жить в деревню. Я не была приучена к местному быту и получала много травм и царапин, вот и приходилось всё время готовить новые порции этой чудо мази.

— Ах-ха-ха! Я помню, как ты, Адеола, пришла в кровать обмазав ей всё лицо. Такое зрелище было, никогда не забудешь! — вытирал свои слёзы подвыпивший муж.

— Ха-ха... Зрелище было, когда ты выпрыгнул в окно после этого и на следующий день рассказывал, что видел духа. — издевалась жена.

— Ты же мне сразу не сказала, что это была ты!

— Так было веселее.

И всё семейство дружно рассмеялось.

Камалия наблюдала за танцующими воинами и один из них направился прямо к ним. Большая маска из тисового дерева с вырезанным на ней лицом, похожим на женское, закрывала лицо воительницы. Девушка подбежала и села на колени перед старостой, снимая с себя тайну.

— Нисса! — закричала Кама и кинулась на шею молодой негритянке. — Целый месяц по тебе скучала!

Девушка обняла свою маленькую подругу, словно младшую сестру.

— А я уж думала, забыла. Целый месяц не могла отделаться от мысли, что ты на меня из кустов выскочишь. — отстраняя от себя Камалию, девушка протянула маску воина девочке. — Хочешь поносить?

— Ого! — лицо Камалии расплылось в улыбке счастья, но та медленно начала улетучиваться. — Я не могу её одеть. Я не заслужила. Вы их целый месяц вырезали из великого дерева Ущелья Ветра, следуя воле духов природы, — девочка протянула маску обратно Ниссе. — Когда-нибудь я вырежу свою, и моя будет больше, чем у тебя, — Кама показала язык и вновь воссияла улыбкой.

— Вы растите достойную дочь, староста Бадд.

— Спасибо Нисса. Поздравляю с прохождением испытания, надеюсь твой род будет прославлен тобою в царской армии, и вы получите свою фамилию.

— Буду стараться изо всех сил! — Нисса встала с колена и убежала к остальным молодым воинам деревни.

Из теней, что откидывали дома от света костра, к счастливой семье приближалось два светящихся в темноте глаза. Адеола резко схватила Ганджи за руку, а на лице мужчины выступили капельки пота. Камалии же показалось, что она начинает терять сознание от чувства страха. Музыка перестала играть, а воины прекратили свои танцы. В тёмном плаще, ведя за руку ребёнка, к семейству Бадд приближался седой мужчина. Его волосы были собраны в низкий хвост, а глаза напоминали два горящих факела, оббегающих непривычную праздничную суету.

— Эобар! — Ганджи подскочил со своего места и протянул руку своему старому другу.

— Ты приглашал Бадд, вот и пришёл. Наши дети наконец познакомились, и я решил тебя навестить. К тому же и случай выдался.

— Я хотел бы с тобой поговорить Эо, но не в столь людном месте.

— Хорошо. Обирон, побудь здесь и на этот раз постарайся без происшествий. — взглянув на своего сына с укором, Эобар скрылся вслед за старшим Баддом. А праздник продолжился будто ничего и не произошло.

— Что-нибудь слышно в последнее время? — Ганджи жевал тростинку, сидя на краю обрыва.

— Ничего особенного, лишь кучки разбойников, что грабят торговые караваны, но

сведения о них уже переданы в ближайшую крепость Гринтерры, — закуривая трубку отвечал бывший сослуживец.

— Как поживает Изая? Я слышал от торговцев, что его сын растёт полной копией, таким же невозмутимым и хладнокровным.

— Его сын взял только лучшие черты своего отца, но есть в нём что-то пугающее даже меня...

— Да ладно? Неужели есть кто-то, кто тебя пугает?

— Не пойми неправильно, Бадд. — повернувшись к своему другу Эобар заглянул ему в глаза полные улыбки и радости жизни. — В этом парне есть то, что я боюсь увидеть в Оби, одиночество и боль. Изая показывает сыну слишком много... боли.

— Я сожалею, что оба ваших сына остались без своих матерей.

— Жалость — это не твоё, Бадд. Мне сразу становится стыдно за тот проигрыш, — подавился дымом ветеран многих боевых действий. — но жалость не то, что нужно испытывать к нашим детям. Я, думаю, всё решает любовь.

— Это ты глубоко копаешь, стал слишком сентиментальным? — плечом подтолкнул своего друга Тигр Юга.

— Стал старше, Бадд.

После неловкой паузы, разбавляющейся только музыкой барабанов и песнями жителей деревни орешника, Ганджи поменялся в лице и вновь возвратил привычный серьёзный вид.

— Ты сделал то, о чём я тебя просил?

— Да, его лук в надёжном месте. Никто не найдёт. Изая спрятал его слишком усердно, всё-таки он тоже твой десятник.

— Хорошо если надёжно, но есть у меня подозрения, что всё не так прозаично.

Глава 3. Тяжело в учении, легко в бою

Уже прошло около полугода со дня знакомства Обирона и Камалии. На небе светились два спутника планеты, Луна, отражавшая свет поднимающегося за горизонтом солнца, и Данай, что сиял оранжевым диском независимо от своего положения на небе. Первый спутник делал оборот вокруг планеты около тридцати дней, что называли месяцем, а Данай проходил свой путь за неделю. Это и многое другое Камалия узнала от мамы, которая занималась с ней каждый день чистописанием и арифметикой, историей и культурой, танцами и игрой на флейте. Последнее Кама любила сильнее прочих уроков, ведь столько эмоций могла донести флейта до людей, столько оттенков настроения было у этого инструмента, будто сам ветер рассказывал свою историю через неё. Чистописание же давалось с определённым трудом: первая строчка писалась слева направо, а следующая уже справа налево, и так они меняли друг друга, сохраняя порядок, в котором писались буквы. Если рассказывать вкратце, то каждые две строчки повторяли движение солнца, которое раз за разом, рассвет за рассветом появлялось на востоке и исчезало на западе, проходя днём над горизонтом, а затем и под ним в обратную сторону.

Адеола Бадд во время преподавания нянчила сына, но, как ни странно, тот был очень спокоен и редко плакал. Брата Камалии называли Ракдай, Ракдай Бадд. Мальчик был внешне сильно похож на отца, лишь волосы были чёрного смоляного цвета, но те же черты лица и тот же неугомонный характер, которым Камалия прославилась на всю деревню, муштруя местную шпану. С уроками юная Кама справлялась совсем неплохо, но после того, как Эобар Эмек попросил Адеолу взять в ученики своего сына, Оби, детей было сложнее настроить на учёбу. Старому Эобару было некогда заниматься обучением своего сына, а его жены уже давно не было на этом свете. Зато он выкладывался на полную во всём, что касалось тренировок сына. Ганджи Бадд, отец Камалии, даже стал приглашать Оби на спарринги с Камой и на таких тренировках дети выкладывались на полную, стараясь не уступать друг другу.

В этот раз Камалия стояла у вертикального подъёма на гору Тиабат. Отец поручил девочке каждое утро до рассвета подниматься по крутому склону до вершины. Подниматься по склонам тепуи, к которым относился и сам Тиабат, не представлялось сложным для атлетично сложенной девочки, а рисунок камня, что больше напоминал решётку, выгравированную по всему склону, позволял сделать подъём на триста метров более безопасным. Рядом с ногами девочки текла река Тиа. Река пыталась разбудить Каму ото сна и настроить на нужный рабочий лад.

— Бррр...Теперь в такую рань каждый день вставать... — Камалии явно не нравилась эта идея. — Но надо так надо, папа сказал, дочка сделала, кошка лазает по деревьям, Камалия по скалам. Конечно! Чего мне стоит преодолеть вертикальный подъём в Тиабат. Не гора же! Так, холмик с ручейком вокруг...

Закончив свой монолог, юная Бадд приготовилась к прыжку, но громкий хлопок или скорее взрыв воды отвлек её от мыслей. Поднявшаяся волна окатила девочку ледяной водой и окончательно испортила настроение на день. Небольшая тень приближалась к поверхности и приковала к себе недовольный взгляд Камалии.

— Привет! — вынырнул с бессменной улыбкой Оби Эмек. — Ты чего мокрая такая, купалась? Ты тоже закаляешься? Давай вместе?

— Ты! Ты! Ты самый несносный парень из тех, что я знаю!

— И много ты знаешь?

— Ты один такой в округе. И вообще... Ты меня отвлекаешь! Мне до восхода на гору надо забраться, а тут ты, да ещё и облил. — Кама пустила слезу, ведь её утренний настрой и так был ни к чёрту.

— Не расстраивайся ты так. Давай я с тобой полезу? Хочешь?

— Хочу! — крикнула девочка, хотя понимала, что Эмеку этот подъём дастся намного тяжелее, чем ей.

— Ну, тогда ты ползи первая, а я полезу следом. — сказал Оби и улыбнулся. Странно, но его улыбка очень успокаивающе действовала на юную Бадд, чего она не понимала и что её даже немного бесило.

— Смотри, не отставай! — чуть надменно произнесла Кама и запрыгнула, зацепившись пальцами за выступающие края горы.

Камалия не первый раз занималась лазанием по скалам и подъём бочонков на Тиабат явно дал пользу физическому развитию. Она перепрыгивала и перехватывалась за выбоины и уступы, будто была в своей родной стихии. Чего нельзя было сказать о младшем Эмеке. Парень полз очень медленно, не уверенно и осторожно. О том, чтобы перепрыгивать с уступа на уступ не было и речи. Камалии даже показалось, что если бы на скалу пытался забраться молодой бычок, то выглядело бы это, наверное, также...

— Оби! Ты уверен, что доползёшь до вершины?! — крикнула девочка уже высохшему и начинающему потеть Эмеку.

“Доползу, ещё как доползу.” — говорил про себя Оби. — “Ох... Хоть бы доползти. Ну как она это делает? Обезьянка...”

Тиабат готовился встречать рассвет, когда два скалолаза, две маленькие точки на крутом склоне, медленно двигались вверх. Камалия не могла оставить друга одного, наедине с трудным испытанием, коря себя за пылкий характер, заставивший Оби карабкаться с ней. Иногда камни откалывались из-под пальцев Эмека и летели далеко вниз, где падали в реку, разрывая водный поток. В такие моменты у носителя анимы носорога останавливалось сердце, и он клялся себе под нос больше никогда не совершать подобных опрометчивых поступков. Когда до конца подъёма оставалось всего каких-то десять метров Камалия ускорила и её руки и ноги словно заскользили по горной породе.

Мышцы болели, в конце подъёма пару раз девочка думала, что сорвётся, но она не сдалась своим мыслям. Присев на ветку близстоящего дерева Камалия начинала встречала утреннюю зарю. Бардовая, словно лицо залезающего наверх младшего Эмека, она окрашивала облака в разные оттенки розового и настраивала на продуктивный день. Из-за края обрыва слышался лёгкий свистящий стон, и рука от его источника уже показалась. Оби заполз, с него стекали ручьи пота, но он это сделал. Парень был крупнее Камы, намного мускулистее, и, хотя упор в его тренировках в основном делался на выносливость, его тяжёлое дыхание разнеслось по тихой зелёной полянке у обрыва, будто работа кузнечных мехов у мастера Баргуса.

— Ты молодец! Почти догнал. — съязвила дерзкая девчонка.

— Что... Что ты... Что ты сказала? — парню заложило уши от повысившегося давления, и он уже не понимал, что происходит вокруг.

— Ну ладно... Отдохнули и хватит. Теперь настал черёд подъёма воды. Жители деревни ждали твоей помощи. — продолжала издеваться Кама, улыбаясь своему другу. Она

знала, что его отец приказал сыну поднимать по маленькому бочонку каждому дому в деревне.

— Полежу чуток... И... И пойду... — не мог отдышаться Эмек. — Ты иди, иди. А я... Я догоню...

Шорох в кустах заставил девочку напрячься, а Оби резко вскочил на ноги. Камень, размером с небольшой орех, пролетел в том месте, где только что было правое плечо Камалии, которая лишь чудом успела отвести его назад. Затем ещё один и ещё. Дети уворачивались, ловили их и тут же отбрасывали в сторону, не имея времени кинуть в ответ. С разных сторон летела гранитная щёбёнка, то и дело оставлявшая на руках и ногах своих мишеней синяки и ссадины.

Оби доставалось больше всего, так как он не обладал той ловкостью и грацией, что его подруга, потому идея, что пришла ему в голову не была лишена смысла. Эмек выпрыгнул вперёд Камы, отчасти скрыв её своей спиной от нескончаемого потока из камней и кинул себе под ноги несколько из тех, что успел поймать.

— Кидай, я прикрою, — обаятельная улыбка в пронзительных серых глазах уже не отражала той усталости, что была минутами ранее.

— Дурак...

Камень за камнем из-за спины Обирона в разные стороны полетели ответные снаряды, а за ними послышались и крики шпаны, что не упускала шанса поиздеваться над безумной парочкой.

— Бежим! — около десяти мальчишек побежали прочь из кустов напрямик в деревню. Но один из голосов Камалия узнала сразу, это был Ден. Рывком из своего укрытия разноглазая бестия вылетела за своим обидчиком. В беге Кама мало кому уступала в деревне, потому догнать свою цель ей казалось плёвой задачей, но разница в возрасте тоже давала о себе знать. Лидер банды Колючка убегал со всех ног, петляя между домов. Каждый раз, когда носительнице тату гепарда казалось, что она вот-вот его догонит, откуда-то со стороны в неё прилетал очередной камень или из-за угла ей выставляли подножку другие члены детского бандформирования. Эмоции начинали брать верх над разумом и внутри девочки что-то проснулось, она ощутила поток, который не видел препятствий в виде домов или деревьев, он проходил сквозь всё, что она видела или слышала, но самым странным показалось то, что Камалия его почувствовала. Как люди чувствуют прикосновение пальцев рук к холодному потоку реки, как чувствуют тепло материнского голоса, так и юная наследница Дома Орешника ощутила нескончаемый поток энергии, проходивший сквозь её тело. Всего секунда, которую заняло осознание этого волшебного чувства, заставившего отрешиться от реальности, и тяжёлая ветка, горизонтально опустившаяся ей на лоб, стала для Камы большой неожиданностью. Ноги подлетели вверх, а гулкий удар спины оземь ознаменовал конец погони. В голове всё гудело, а ссадины от камней, начинали ныть с новой силой. Шум в ушах гасил шорохи вокруг и Камалия постаралась открыть глаза и встать, но этого сделать не смогла. Земля будто шаталась, уходила из-под поставленных в упор конечностей и притягивала к себе зазнавшуюся юную воительницу.

— Что, разноглазая, земля не держит? Ахаха! — гордыня главаря банды готова была вырваться наружу. — А мы то всё думали, как вам отомстить за тот случай на рынке, когда ты со своим дружком сдала нас купцам. Те пряники ей было ни за что не продать в таком количестве, поэтому мы просто решили облегчить ей ношу.

— Поэтому вы взяли целых две корзины? — Каме было всё ещё тяжело подняться, но

она не оставляла попыток сделать это. Подступившая к горлу тошнота грозила вырваться в любой момент, но девочка пыталась сдерживать рвотные позывы изо всех сил.

— Это не тебе решать сколько нам нужно было их брать! Ты не староста, а только его дочь. Ещё раз сунешься и мы... — Ден подошёл ближе и уже занёс ногу для удара, когда со спины ему в плечо прилетел каменный снаряд. Камень был значительно больше тех, что использовались раньше и потому вой главаря был слышен на весь двор. Взрослые в это время уже уходили работать, поэтому услышать его не могли.

— И вы что? — из-под тени деревьев в шортах с оголённым торсом медленно выходил Оби. Его тело было изрядно потрёпано: ссадины покрывали руки, ноги, спину, они кровоточили и болели, проявившаяся синева от ударов камней раскрасила носорога в леопарда. В глазах не было слёз или жалости к себе, но их холодная ярость чувствовалась на расстоянии.

— Скотина! Ты хочешь со мной драться? — Ден держался за своё плечо и скорее с обидой, а не злостью смотрел на своего обидчика.

— И что вы тогда сделаете? Ты не закончил... — Обирон встал между главарём Колючки и подругой, в очередной раз закрывая её своим телом.

— Мы... Мы... Мы вас побьём! Да ребята?! — белобрысый парень поднял руки вверх пытаясь найти поддержку среди своих подчинённых, но те лишь молча смотрели на побитую двойку ровесников.

— Ну так бейте... — Оби выпрямился в полный рост и встал в боевую стойку, но поймал лишь недоумённые взгляды окружающих. — Не хотите?

Банда завертела головами, желающих выйти на бой с девятилетним воином не было.

— Тогда Ден, ты остался один... — пару шагов вперёд и мощный удар в нос обрушился на двенадцатилетнего пацана будто камень, прилетевший с минуту назад ему в руку. Кровь фонтаном брызнула из сломанного разом носа, чей хозяин корчился на земле закрывая его руками. — И вы всё ещё бегаете за этим дуралеем? Тьфу... — Оби сплюнул на траву и пошёл по направлению к Камалии. — Ты как? — он приподнял её под руку, но у той в глазах стояли слёзы унижения.

— Я должна была сама с ним закончить. — Кама сдерживалась, чтобы не перейти на крик и крепко стискивала зубы. Её разноцветные очи, покрытые солёной влагой, что делала их ещё прекраснее, заставили своего защитника чуть смутиться.

— Успеется тебе... Идти можешь?

— Немного.

— Это да или нет?

Камалия оттолкнула своего спасителя и выпрямила спину. Её рука скользнула вдоль глаз смахивая нахлынувшую слабость, а взор окинул стоящую вокруг картину.

— Хм! — и это всё, что смогла выдавить из себе юная Бадд, глядя на валяющегося на траве Дена. — Оби, нам ещё бочонки с водой поднимать. Идём.

После своей утренней тренировки с подъёмом на гору, доставкой воды от реки к дому и спарринга с отцом ей остался лишь завтрак. Что может быть проще, думала девочка. Но ложка вываливалась из рук Камы, как бы она не старалась ей воспрепятствовать.

— Сразу видно, что не халтурила, — сказал за завтраком старший Бадд. Он не стал спрашивать откуда у его дочери столько синяков, но был уверен, что будь это что-то серьёзное, то она бы ему непременно сказала. — Ты успела до рассвета?

— Да, папа.

— Хорошо. Под жаркими лучами солнца твой подъём стал бы намного сложнее.

Волосы Камалии начали темнеть, а знак анимы менял некоторые элементы её внешности, что происходило со всеми людьми, жившими на континенте Гринтерры. Но внутри юная Бадд была всё ещё обычным ребёнком, который воспринимает окружающий мир как данность, не беспокоясь о том, что может ждать её впереди.

Удар, ещё удар. Большое дерево, из которого торчало множество игл, что были в половину роста человека, страдало день ото дня от множества ударов маленького воина. Иглы были очень прочными и служили естественной защитой дерева от посягательств на вкусные плоды игольника, что росли на верхних ветках. Оби бил кулаками и ладонями по толстым кольям, растущим в самом низу, отбивал по стволу дерева серии и отрабатывал захваты, словно пытаясь вырвать дерево с корнем из влажной земли. Дневная тренировка заставляла его потеть, и он бежал пару тысяч метров к реке, чтобы окунуться и тренировать дыхание и стойку, вставая против течения Тиа. Мускулатура юного воина была выше всяких похвал, в возрасте всего девяти лет, он мог посоперничать в силе с подростком, не говоря о ровесниках. Только одна девочка была ему не по силам, только её он так и не может одолеть. Камалия Бадд — это имя не было ему противно, но оно заставляло Оби тренироваться всё упорнее. После реки парень возвращался к игольнику и продолжал тренировки с ножом и мечом, не брезговал использовать и щит. Эобар Эмек был очень строг с сыном и каждый день на вечернем спарринге давал понять синяками и фингалами, что тому ещё есть куда расти. Отцовская любовь, что может быть приятнее. Спарринг с младшей Бадд был назначен на послеобеденное время, когда солнце уже начинало клониться к горизонту и Оби, как всегда, ждал своего шанса на реванш.

— Пожмите руки в знак дружбы и разойдитесь по краям круга! — Ганджи проводил уже не первый спарринг этих двух детей, но всегда становился очень серьёзным, когда видел взгляд молодого Эмека перед началом боя. Это был тот же взгляд, что и у Эобара, та же жажда победы любой ценой. — Можете начинать!

Оби встал в оборонительную стойку и поднял руки на уровень плеч, левая нога стояла впереди, а взгляд был сконцентрирован на противнике. Он уже далеко не один раз проигрывал этой малявке, а ведь он её на целый год старше. Камалия же, напротив, была крайне расслаблена. Казалось, что на противника она смотрит лишь как на облако дыма, и её ни капли не волнует настрой её соперника. Это крайне забавляло старшего Бадда, но, она продолжала побеждать.

Кама подняла руки к животу и расслабила запястья. «Надо быть как огонь». Девочка сделала пару быстрых шагов с места и набрав скорость ударила вытянутой ногой в область живота противника. И хоть Оби и успел заблокировать руками этот мощный удар, тот заставил его пошатнуться назад. Того то и ждала соперница юного Эмека. Несколько ударов ногами в область головы меняя стойки с правой на левую и обратно, подсечка и нога уперлась в голень Оби, словно во вросшее в землю дерево. Кама отпрыгнула и сразу же ей пришлось уклоняться от руки своего противника. Кулаки Оби били под разными углами пытаясь поймать голову, а ноги дополняли их безумный ритм. «Как огонь» — пронеслось в голове у Камы, и её нога словно язык пламени обогнула руку Обирона снизу вверх целясь в висок. Громкий хлопок и ступню Камалии остановил судья у самой головы не успевшего защититься бойца.

— Довольно! — прокричал Бадд. — Ты победила. Оби защищай голову, если бы Камалия попала в висок, то могла бы тебя и убить.

— Неплохо царапка, я даже начала тебя бояться.

— Спасибо за бой! — Оби поклонился и убежал обратно к своему ненавистному дереву, которому быть может суждено сгинуть в небытие под ударами своего ученика.

— Опять в своё дерево дубасишь? — было уже за полночь и Эобар всегда знал, где может найти сына.

— Она опять выиграла, отец, — Оби не прерывался в своём занятии и сбитые в кровь ноги и кулаки его не останавливали. — Ты говорил мне, что ОГР была взята на вооружение в царскую армию, но джура почему-то всегда побеждает. Значит джура сильнее?

— Сильнее или слабее может быть только воин и не важно какое боевое искусство он практикует, важна лишь его подготовка и его дух, а также его разум. Не забывай про своё тату на груди, оно делится с тобой силой, которую ты не используешь... Камалия знает свою силу и живёт в гармонии с собой, поэтому джура для неё лишь инструмент, в то время как для тебя ОГР должен выигрывать все сражения. Измени ход своих мыслей и может тогда это дерево станет для тебя соперником, а не грушей для битья, ведь для него иглы лишь инструмент для защиты своих плодов.

Каждый следующий день казался повторением предыдущего. Спарринги Камалии и Оби становились всё интереснее. ОГР используемый молодым Эмеком начинал расцветать. Как-то раз Эобар прогуливался по ночным джунглям любуясь их красотой и особенной тишиной, в которой мелькали тени ночных хищников и дошёл до дерева своего сына. Обнаружив, что некоторые плоды с верхних веток были сбиты на землю, а некоторые иглы на пути к ним были либо согнуты, либо обломаны.

— Ты станешь умелым воином сын! И когда-нибудь это дерево станет твоим верным союзником. — Эобар усмехнулся и пошёл дальше гулять по ночным джунглям, где среди деревьев могли поджидать враги. — Если оно, конечно, доживёт... Хе-хе...

Глава 4. Нисса

Прошло три года с момента знакомства Оби и Камалии. Их схватки становились ожесточённые, а останавливать их было всё сложнее, но старший Бадд умело справлялся с этой задачей тренера. После завтрака, также как и все женщины Деревни Орешника Кама спустилась вниз, к подножию плоскогорья. Женщины с рогатинами в руках рассредоточились по мелководью реки Тиа в ожидании рыбы.

Два раза за один сезон, словно следуя лунному календарю, морская рыба верг пересекала по этой реке континент. Такие дни назывались рыбными или четвергами, так как они были чаще всего четвёртыми из семи дней оборота Даная, небесного брата Луны. В такой четверг все женщины спускались и ловили рыбу, кто в корзины, а кто-то, накалывая её на рогатины. Рыбные косяки были многочисленны и улов был крупным как у взрослых, так и у детей.

Камалия стояла рядом со своей мамой и старалась попасть остриём палки в извивающуюся зелёное тельце рыбы. Было жарко и запах пойманной добычи распространялся на многие версты вокруг. Хищники, любившие полакомиться мясом этой рыбки, иногда осмеливались подойти к людям, но это случалось крайне редко.

— Мама! Смотри! У меня уже десятая!

— Если ты не перестанешь так усердствовать, то папа перестанет влезать в свои штаны.

— Но она же вкусная...

— И даже так, в тебя столько не влезет. Зачем убивать живое существо, которое ты не собираешься есть?

— Но если не я её съем, то кто же тогда? — Девочка взглянула исподлобья на Адеолу, надув свои пухленькие губы.

— Уж поверь, найдутся те, кто это сделает с большим аппетитом. А не как ты, после шестой рыбки даже встать не можешь. А ямка за домом, становится твоим пристанищем на ночь.

— Ну, извини! — Кама откинула рогатину в сторону берега и медленно пошла поперёк течения в джунгли.

— Ты куда?

— Если ловить верга мне не даёшь, значит пойду собирать фрукты.

Адеола провожала взглядом своё подрастающее дитя, за спиной у которой виднелись из корзины три оставленные для себя рыбные тушки.

Юная рыбачка отошла от реки всего на пару километров и развела костерок из сухих веток. По дороге от берега Камалия сорвала несколько крупных листьев дикого салата и сейчас заворачивала в них рыбок. Рыба верг отличалась от своих собратьев отсутствием чешуи и поэтому её любили кушать все, так как не было заморочек с чисткой. Когда верги были завёрнуты и насажены на деревянные шампура, они сразу же отправились на костёр. Дикий салат отдавал свою соль рыбки и при этом плохо горел. Рыбка коптилась, обёрнутая листом, и запах готовой пищи расходился по всей округе. Нужно сказать, что аромат зажаренного готового верга напоминал запах приготовленного кабана, поэтому его часто называли речным свином.

Кама сидела на стволе поваленного дерева и разноцветными глазами поедала речную рыбу, накручивая одну из двух своих косичек на указательный палец. Кушать Камалия

любила очень, тренировки выматывали девочку до предела, и лишь редкие праздники вроде этого, давали огневолосой передохнуть.

Недалеко от Камы, впереди, прячась в высоких кустах, пошевелилась тень. Девочка почувствовала горький запах тины и разлагающейся плоти. Из-за ствола дерева показалась маленькая тёмная голова животного с чёрными бусинками глаз. Большая выдра, которую часто называли речным волком, обошла дерево до конца и привстала на задние лапки изгибая шею то влево, то вправо, рассматривая желаемый деликатес.

— Какой ты милый! — Трогательной сцене дикого животного не умилился бы лишь бесчувственный и безжалостный. — Хочешь рыбки? Я с тобой поделюсь, но только одной.

Кама сняла один из шампуров с костра и развернув, положила подальше от себя. Когда девочка повернула голову обратно, то увидела лишь исчезающий хвост хитрого создания и отсутствие двух шампуров на костре.

— Эй! — Девочка хотела дернуться за наглым вором, но как только она оказалась возле зарослей, на неё смотрело десять пар бусинок побольше. Кама сделала пару шагов назад. Шипящие речные волки медленно окружали свою добычу.

— Рыбкой я поделилась. Больше не дам! — Охотница осматривалась по сторонам чётко видя острые маленькие зубы в голодных ртах речных животных.

— Они тебя не будут слушать, мелкая! — На ветке сверху сидела чернокожая девушка в зелёном гринтерском мундире.

— Нисса! — Кама глянула вверх, но очередное порывание рядом заставило её вернуть своё внимание обратно. — Как ты здесь оказалась? Ты же состоишь на службе.

— Отпуск, мелкая. Обычная увольнительная, — кареглазая девушка спрыгнула с дерева и сунула наконечник своего копья в костёр. Когда пламя охватило навязанную на конец копья ткань, Нисса в пару прыжков оказалась рядом со своей подругой. Она была на несколько лет старше и считалась очень опытной охотницей деревни. — Убивать их не будем. Они голодны. Большое количество рыбы не доходит сейчас до их заводи из-за обмеления реки в это время года. Поэтому...

Рык и крик одновременно оглушили опушку леса. Выдры сделали шаг назад, а Нисса начала беспорядочно размахивать огненным орудием. Кама села на землю и огненное копье пролетало прямо над её головой. Тату бабуина придавало особую ловкость и злость движениям своей хозяйки. Речные волки пару раз пискнули что-то лишь им понятное и разбежались в разные стороны, спрятавшись в зелёных зарослях.

— Как ты меня нашла? — девочка встала в полный рост и обняла свою спасительницу.

— Ты слишком вкусно пахнешь. Ведь это я тебя научила так готовить верга, — Нисса поцеловала в темечко свою маленькую воительницу. Кама не один раз выслеживала охотницу в лесу и той ничего не оставалось, кроме как брать юную Бадд с собой.

— Рыбка, это вкусно и полезно.

— Конечно! Только оставаться ближе к взрослым тоже полезно. Особенно если местные хищники не могут найти себе пищи.

— Так я же рядом!

— Рядом это как сейчас со мной, а не в двух верстах от взрослых. — черноволосая гринтерка щелкнула пальцем в лоб своей подопечной. — Пойдём, я отведу тебя в деревню.

— А ты к нам надолго?

— На пару недель, я думаю.

— Только на пару недель?! — Камалия отпрыгнула от Ниссы и развела руки в стороны,

растопырив пальцы.

— Если ты продолжишь выпендриваться, то я не возьму тебя с собой на охоту вниз по течению.

— Нет! Ты не можешь так поступить!

— Тогда догоняй! — Черноволосая негритянка прыгнула со своим копьём в изумрудные заросли и Кама ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Кареглазая гринтерка была не на шутку быстра. Ловко перепрыгивая с одного корня дерева на другой, затем, цепляясь за зелёные лианы, и перелетая речку, всего за несколько секунд она преодолела один из узких речных бродов Тиа. Кама старалась не отставать от своей названной сестры. Сила её ног вырывала мох прямо из-под детских стоп и раскидывала его по джунглям. Девочка не была также ловка в лазании по деревьям как Нисса, но уже по земле сравняться в скорости с ней мог лишь папа-тигр.

Сидя за большим семейным столом, Ганджи выслушивал лепетания своей маленькой десятилетней дочки и юной воительницы.

— Папа! Я буду как у тебя за пазухой рядом с Ниссой!

— Староста! Заботиться о безопасности Вашей дочери моя первая из двух задач на этой охоте! — девушки были похожи на двух маленьких подружек, пытающихся уговорить родителя разрешить им лечь спать попозже.

— Нисса. Когда ты успела получить звание листа в армии? Ещё чуть-чуть и будешь тысячницей. — Старший Бадд рассматривал металлический браслет на правом плече негритянки. Такие знаки отличия выдавали самым выдающимся воинам из отряда в десять человек. Начиная с тысячника в браслет инкрустировались драгоценные камни квинзали, названные так, потому что были похожи на бирюзовые яйца одноимённой птицы. Камни с ростом звания рисовали на браслете четырёхлистный цветок, центр которого инкрустировался лишь с получением звания «первого».

— Старалась изо всех сил ради старосты своей родной деревни! — склонила голову девушка с двумя заплетёнными косичками, свернутыми на затылке, словно спящие змеи.

— Льстить тебя там же научили, да? — усмешка скатилась с уст Бадда, и он махнул рукой в сторону двери. — У вас три дня.

— Яррр!!! — девушки взвизгнули от радости и вылетели через дверь, чуть не сорвав её с петель.

— Бедный Оби... Ему же придётся эту хулиганку всю жизнь из неприятностей вытягивать.

Девочки ушли на много километров вверх по течению реки, на запад от Тиабата. Меньше чем за сутки они добрались до шалаша, служившего одним из опорных пунктов для местных охотников. Шалаш был около восьми шагов в диаметре и небольшие стволы деревьев, толщиной около четырёх дюймов служили надёжной защитой от диких зверей. Щели в стенах закладывались мхом, маскируя и утепляя временное жилище. Вход закрывала массивная дверь из связанных между собой коротких стволов узких деревьев и после своего закрытия, притягивалась лианами ко внутренним древесным отросткам, крючкам, чем надёжно запирала единственный ход. Через верхушку лесного строения выходил едкий черный дым засмоленных влажных дров. Девушки лежали на взятых с собой шкурах и разглядывали мерцающие искрами своды своего пристанища.

— Мама мне рассказывала, что звёзды, это искры солнца, которые разлетаются в

тёмном дыму ночного неба. Ты думаешь это правда?

— Я думаю, что нет костра ярче и теплее, чем солнце. Когда оно уходит и гаснет небесный костёр, людям становится неуютно и страшно. Даже в столице местные жители расходятся по домам и запирают свои двери на замки и засовы, ожидая злого умысла, скрытого в тени.

— Ты видела в столице царей?! — Камалия перевернулась на бок и посмотрела на лучшую подругу, в свету языков пламени казавшуюся едва отличимой от собственной тени.

— Только главнокомандующего, когда я пришла в Видэон. Он обращался ко вновь поступившим на службу в армию и пришедших в училище.

— А он сильный?! — Кама раззадорила её и её голос колокольчиком ударил по ушам воительницы.

— Сильный не то слово. Он могучий воин. Даже твой отец признаёт и уважает его силу. Царь-главнокомандующий носит тату дракона не для красоты. Его анима, имя его вытатуированного зверя, ужасает всех его врагов.

— Значит, сильный, — юная гринтерка улеглась на шкуры поудобнее, согреваясь в тёплом меху и быстро засыпая.

— Ты тоже станешь сильной, быть может сильнее, чем твой отец.

— Не спугни его...

— Не спугну, если не будешь мне под руку говорить...

— Да кто тебе под руку говорит? Стреляй давай...

Пальцы отпустили тетиву и с лёгким свистом, пролетая сквозь заросший кустами участок утреннего леса, смерть догнала ещё одно живое существо этого мира.

— Прямо в яблочко! — Камалия не могла нарадоваться своей добыче, маленький кабанчик лежал на боку, так и не заметив, охотившихся хищников.

— Если бы я тебе руку не поправила, то фиг бы ты попала ему в глаз. — Приближаясь к добыче сестрёнки причитала Нисса.

— Не бузи, краснопопая! — Нелюбимое прозвище чернокожей, данное ей Камой, порезало кареглазой слух.

— Ах ты! Мелкая! — Девушка погналась за сестрёнкой, еле поспевая за юным спринтером.

— Краснопопая-краснопопая! — Девочка оббежала очередной ствол дерева и споткнулась о тёмное, лежащее на поваленном стволе дерева, тело. Перекувырнувшись несколько раз, с треском переламывая сухие опавшие ветки, Кама подняла голову вперёд, лёжа на спине и старалась разглядеть источник своей неудачи.

Дымчатая фигура чёрного кота, выдернутая из сна ударом ниже рёбер, искала своего обидчика жёлтыми, как свет Даная, глазами.

— Ой-ёй... — Тело Камалии начинало цепенеть от страха.

Ягуар выцепил вертикальными зрачками ярких яблок свою цель, чуть оскалив клыки с запёкшейся кровью ночной охоты.

— Бьяяр!!! — Между зверем лесным и человеческим детёнышем приземлилась девушка одетая в, закрывающие причинные места, лоскуты ткани. — Ты как?!

— Нормально, но... — Большой лесной кот начал двигаться по кругу, недовольно рыча.

— Сейчас, ты медленно встаёшь и по моей команде бежишь в шалаш, запирая за собой дверь... Он тебя не догонит, — стальной наконечник копья Ниссы блестел в,

пронизывающих кроны, лучах весеннего солнца.

— А ты?

— Я сразу за тобой, — ягуар остановился и приготовился к прыжку. — Раз... Два... Беги!

Камалия бросилась бежать в сторону от своей, возможной гибели. Хищник хотел было среагировать на человеческого детёныша, но сорвавшаяся на крик девушка перед ним, выкинула вперёд копьё, слегка задев левый глаз, расслабившегося представителя кошачьих. Несколько прыжков и удар мощных лап с острыми, как наточенные кинжалы когтей встречали сопротивление в виде древка копья. Раненый глаз причинял огромное неудобство дикому зверю и с очередным прыжком он скрылся из виду листа армии Гринтерры, Ниссы.

Охоту можно было бы назвать удачной, если бы раненый котик не унёс с собой тушу убитого молодого кабана. Девушки направлялись домой, пережёвывая собранные дикие фрукты. Камалия чувствовала свою вину за произошедшее и не могла отделаться от мысли, что в случившемся была только её вина. Ниссу же беспокоила лишь возможная смерть её младшей сестрёнки. Ещё один такой раз она не хотела допускать даже в мыслях, что читалось Камой в её грустном и одновременно напряжённом лице. Голубой и янтарный глаза юной Бадд медленно наполнялись слезами, но она сдерживалась, чтобы не причинить дискомфорт своей названной сестре ещё больше.

— Ты меня теперь не возмёшь с собой... — глотая слёзы вместе с кисло-сладким соком киви выдавила из себя медноволосая девочка.

— Кама, понимаешь...

— Я так и знала! — бросившись забегать на подъём Тиабата крикнула Бадд. Копьё пролетело совсем рядом и вонзилось в землю перед Камалией.

— Ты ничего не знала и не знаешь! Ты думаешь только о себе, не заботясь о безопасности людей вокруг! Если бы ты погибла, твой отец бы мне голову открутил... Нет... Я бы просто не смогла вернуться... Не смогла бы смотреть в глаза твоей семье... Я просто бы умерла где-то внутри, пока бы моё тело ещё источало жизнь... — девушка сомкнула руки на груди и слёзы градом полились из её глаз. Эмоции запоздалого отчаяния наконец вырвались на свободу и залили лицо Ниссы. Кама заревела в ответ и обняла свою старшую сестру как никогда крепко.

— Извини... Я правда не подумала...

— Ты представить себе не можешь ценность каждой жизни в этом мире. Нет ничего ценнее неё, помни это, когда тебе придётся у кого-то её забирать. — Лист армии положила свою руку на плечо названной младшей сестре и с некоторой игривостью посмотрела ей в глаза. — Есть ещё одна вещь, которую я хочу тебе показать.

Девушки шли по чаще леса пока не вышли на опушку, посередине которой росло огромное толстое дерево. У него не было коры или даже её подобия, а трава и мох переставали расти уже в нескольких метрах от дерева. Крупные попугаи разного цвета сидели на ветках близстоящих зарослей и с любопытством рассматривали гостей опушки. На самом “голом” дереве, как прозвала его Камалия, росли странные фрукты, они напоминали те, из которых делали фруктовый ликёр, но при этом они были намного темнее. Плоды голого дерева Кама не встречала в джунглях и потому ей стало жутко интересно каковы они на вкус.

— Даже не думай, мелкая, — Нисса не сводила взгляда с дерева, что-то выискивая среди его высоких ветвей.

— Ты о чём? Сама же привела показать новый вид фруктов.

— Это да. Но эти фрукты не совсем те, которые может есть человек, — гринтерка сняла одну из обычных лиан со свисающих вниз ветвей и начала вязать какой-то узел.

— Что значит “их нельзя есть”?

В ответ Нисса лишь раскрутила получившуюся петлю и закинула на один из плодов.

— Прячься! — Нисса схватила Каму за плечи одной рукой и зашла за ствол одного из деревьев, одновременно дёрнув за петлю лианы, заставив её слегка сжать плод. Взрыв, грохот, разлетающиеся в небо попугаи и осколки какой скорлупы, что пролетела мимо ствола дерева, за которым прятались девочки.

Когда Камалия вышла из-за дерева опушка уже опустела от восседающих на ветвях птиц и была видна лишь дымка какой-то кислоты, разъедающая землю под веткой только что взорвавшегося фрукта.

— Теперь я их точно есть не буду.

— Это бум-бам фрукт, так его называют. При взрыве от расплёскивает свой сок, что является кислотой, и на несколько десятков метров раскидывает свои семена, что пробивают даже кожаную броню. — Нисса всё так же не сводила взгляда с дерева, чем насторожила Камалию ещё больше. — Осторожно! — Девушка оттолкнула Каму за соседнее дерево, а сама спряталась за лежащий рядом камень.

Очередной взрыв опасного плода потряс лес, показывая не знающим животным силу дерева бум-бам.

Глава 5. Первое задание. Часть 1

Скорость, с которой она бежала, была невозможна для многих людей. Ещё бы. Ведь сегодня прибыл торговый караван, а с ним, как всегда, приезжали сладости. Купцы привозили много всего интересного, но сладкие кубики Камалия не могла забыть. Девушка уже была рядом с Тиабатом, как почувствовала разнообразные, редкие для этих мест запахи.

— Они уже здесь! — закричала девочка и стремглав начала забегать по дороге в деревню.

В самом поселении же начался настоящий ажиотаж: жители продавали торговцам ещё не поспевшие плоды марулы, фрукта, из которого делали вкуснейший ликёр, на вкус он был похож на цитрусовую сливу с привкусом чего-то молочного. Их доставляли до городов в неспелом виде и продавали за большие деньги владельцам таверн и различных лавок. Жители торговали также различными украшениями, сделанными из местных деревьев, шкурами и конечно стальными прутьями, что выплавлялись из железа, добытого в недрах Тиабата. Как не странно деньги с продажи железных заготовок для оружия и брони шли не в казну Гринтерры, а делились между шахтёрами и кузнецами, что только прибавляло прыти в его добыче.

— Макото, ну сделай ты мне скидку на свиток с новыми технологиямиковки! Мои мечи всегда были одними из лучших! — не унимался кузнец Баргус. Торговец приезжал в Деревню Орешника раз в несколько месяцев на одну или две недели в зависимости от продаж. Он был всегда одет как представитель общества маргеналов: старый плащ, похожий на лохмотья, сандалии из сгнившей кожи и широкая шляпа, которая, как кажется, защищала только от солнца, а в дождь протекала как дуршлаг. Но несмотря на свой внешний вид торговец Макото был крайне жаден к деньгам и почти никогда не делал скидок на свои товары.

— Друг мой, Баргус, товарищ, брат Вы мой названный! Нет денег — идите лесом. — сказал старый и умудрённый жизнью в столице Макото, отбирая кожаный тубус.

— Да что же мне сделать? — умолял кузнец. — Хочешь подковы свои лучшие отдам? Хочешь ножи из кузни острейшие? Только скажи!?

— Ну что же... Раз так... У меня телега сломалась, вон стоит! Нужно колёса новые сделать, эти уже совсем сносились...

— Хорошо! Прямо сейчас возьмусь, материалы какие-то остались, что смогу, всё сделаю! — Баргус сорвался с места и пошёл быстрым шагом к разваливающейся повозке из сгнивших досок, называемой телегой.

Прогуливаясь среди торговцев по главной улице и неся в руках небольшую корзину со сладостями, Камалия услышала этот разговор. Когда-то мастер Баргус сделал для неё нож, как подарок на день рождения, да и вообще он всегда был с ней добрым стариком, пусть и с некрасивыми выпирающими передними зубами, с которых часто стекала слюна, перемешанная с угольной пылью кузницы. Размышления прервала тяжёлая ладонь, опустившаяся на плечо девочки. Человек, которому принадлежала эта рука, казалось, услышал её мысли и сейчас думает о том же, о чём и она.

— И как бы его проучить? — Оби был недоволен случившимся, ведь кузнец всегда делал скидки для приезжающих торговцев и подковывал их лошадей почти бесплатно, среди этих торговцев всегда был и Макото.

— Надо бы рассказать отцу, но он ничего не сделает. Как он говорит «торговля, есть торговля». — отсутствие справедливости раздражало Камалию.

— У меня есть идея. — Оби посмотрел на Каму и в его взгляде читалась очередная детская шалость. — Ты со мной?

И в ответ он лишь увидел разгорающиеся угли разноцветных глаз.

Торговцы готовились к раннему отправлению утром: кто-то осматривал оставшиеся товары, кто-то подсчитывал вырученные деньги с продаж и среди этого утреннего спокойствия и тишины будил деревню утренний петух.

— Дерьмо собачье, да чтоб вам провалиться. Как? Кто это сделал? — Макото прыгал и бегал словно макака, что была изображена на его тату. — Кто украл подковы с лошадей?

На утреннее шоу вышла посмотреть вся Деревня Орешника.

— Баргус! Мастер Баргус! — старик подбежал к кузнице, поднимая пожилого кузнеца с кровати своим криком.

— Чего орёшь Макото? Раньше самых ранних птиц всю деревню будишь. Телегу я тебе починил, не уж то сломалась?

— Да какая телега?! Кто-то своровал подковы с лошадей, а караван уже почти готов к отправлению. Выручай Баргус!

— Нет...

— Как нет?! Я же тебе говорю, что караван уже отправляется, времени нет.

— А я что могу сделать? — кузнец сладко зевнул и улыбнулся торговцу. — Пока я умоюсь, пока зарядку сделаю, пока кузню разогрею, караван уже и уйдёт.

— Я тебе больше заплачу, чем обычно!

— Ахаха!!! — кузнец разразился хохотом, а вместе с ним и все жители, слышавшие вчерашний разговор.

— В полтора раза.

— Рука затекла, не знаю даже...

— В два раза больше.

— Ой... Пока телегу твою делал вчера кажется спину надорвал... — Баргус нагнулся к торговцу и прошептал ему что-то на ухо, на что глаза Макото расширились от удивления.

— Сколько?! Да это же как всех лошадей каравана подковать, да ещё и без скидки!

— А ты что думал, быстрая и качественная работа стоит соответствующе.

— Ох... — Макото засунул руку под плащ и вынул большой мешочек с монетами.

— Веди своих лошадей. — ухмыльнулся мастер и увидел двух улыбающихся детей, хлопнувших друг другу по ладони.

После утренней тренировки Ганджи Бадд построил перед собой Камалию и Оби, оценивая взглядом их телосложение.

— Вам уже одиннадцать и двенадцать лет. И сегодня я дам вам двоим тренировочное задание, которое будет для вас первым подобного рода и на котором вы сможете показать всё чему научились. Вы готовы выслушать вводные?

— Так точно!

— И так. В нескольких сотнях километров от нас, на востоке, по течению реки Тиа есть деревня. Она называется Торгейн. Ваша задача достать знамя этой деревни и принести мне. Желательно не попасться при выполнении задания. Вызволить вас будет задачей не из

лёгких. Вам всё ясно и понятно?!

— Так точно!

— Тогда удачной дороги. Приступать можете немедленно. Разрешаю взять нашего скакуна. — старший Бадд показал рукой в сторону конюшни и увидел заходящего туда малыша. — Ракдай! Туда нельзя! — заботливый папаша сорвался с места и словно стрела пролетел до лошадиного дома.

Первым делом дети запаслись провизией, путь предстоял не близкий, и деревня Торгейн вряд ли собирается делиться с воришками едой. Конь был счастлив выйти на долгую прогулку и хоть Ганджи Бадд выводил его погулять, эта порода лошадей была выведена для постоянных военных переходов рантарских отрядов, поэтому запас её сил был просто огромен.

— Чур, я заберусь на флагшток и стырю флаг, а ты на стрёме. — Камалия сидела впереди за поводьями и вела лошадь по дороге вдоль берега реки.

— А почему мы не можем просто его завалить и с заваленного флагштока забрать флаг?

— Потому что тихо сделать надо, глупый...

За весёлыми разговорами и лесными ночёвками проходили дни. Камалия и Оби не забывали упражняться в боевых искусствах, но старались отдохнуть побольше.

В одну из ночей Оби плохо спалось и проснувшись от странного шороха в кустах он увидел беспокойство лошади, в глазах которой читался ужас. Языки пламени рисовали на листве деревьев страшных чудовищ, а ночные птицы издавали устрашающие вопли. Обирон потянулся к деревянной заточенной рогатине, что он сделал в дороге для ловли рыбы. Всего лишь длинная палка, раздваивающаяся на конце в два заточенных ножом острия, но с таким оружием в руках Эмеку стало чуть спокойнее.

— Кама... — шёпотом парень попытался разбудить подругу, но, судя по счастливой мордашке, этой чертовке, похоже, снился слишком сладкий сон.

В темноте сверкнули два жёлтых глаза. “Ягуар” — подумал Эмек. Он аккуратно сел на корточки и приготовился к бою. Ночное пения птиц прекратилось, а сверчки затихли, затаившись в траве. Лёгкий ветерок зашелестел листьями и в это мгновение огромная тень выпрыгнула из кустов в направлении спящей Камалии. Всего пара шагов отделяла Оби от подруги и это расстояние он преодолел как никогда быстро. Кошка напоролась на остриё рогатины, и оружие вошло ягуару в грудь. Хищник яростно взвизгнул, и махнул острыми когтями в сторону молодого защитника.

Проснувшись от громких звуков, глаза девочки расширились от открывшегося ей зрелища. Кровь стекала по лицу лучшего друга, левая сторона лица которого была расплосована тремя параллельными ранами от виска до подбородка, а дикий зверь неподвижно висел на заточенной рогатине. Руки молодого парня крепко сжимали оружие, но он не шевелился.

— Оби! — Камалия начала расталкивать друга, но тот сидел на одном колене, словно замерший памятник охотнику. Девочке было страшно вставать, ноги, словно ватные, отказывались её слушаться. Всего секунда отделяла её от возможной смерти, и этот мальчик успел ей воспользоваться. — Оби! Ты так меня никогда не победишь! Очнись! — молодая Бадд ещё раз ударила друга в плечо, что было сил, и парень пошевелился. Рогатина выпала из его рук и туша поверженного зверя свалилась на землю.

До самого рассвета Кама обрабатывала рану своего спасителя. И в голове вертелась

всего одна мысль:

“Почему он всегда меня спасает?”

Эмек очнулся с восходом солнца и обнаружил лист какого-то растения на своём лице и лёгкое жжение от нанесённой мази. Над ним склонилась его подруга с благодарным и озабоченным взглядом. Их приключение только начиналось, а вместе с ним и первые неприятности. Обмотав тряпкой левую половину лица, Оби был готов продолжить путь.

Несколько раз дети останавливались на перевязку раненого носорога. Левый глаз Оби не пострадал, а лекарство, как ни странно, быстро восстанавливало разодранное лицо. Всего через пару дней ребята начали подходить к окраинам деревни. Но несмотря на близость к людскому поселению, они не встречали торговцев на дороге, что было как минимум странно.

Уйдя с дороги в лес, ребята начали пробираться сквозь чащу. Конь ступал за ними по пятам, то и дело озираясь по сторонам в поисках ещё одного ягуара. Уже смеркалось как дети подошли к холму, с которого открывался вид на огромную дыру прямо посередине джунглей, это и была деревня Торгейн. Заночевать решили здесь же, и легли меж высоких кустов, образующих естественную маскировку. Лошадка была привязана рядом. Решено было напасть в ночи, а Камалия вызвалась нести ночное дежурство пока Оби будет спать.

Проснулся носитель знака носорога так же внезапно, как и заснул. Камы рядом не оказалось, что насторожило парня ещё сильнее.

“Куда она пропала?” — поднявшись из кустов, Оби услышал лёгкий свист, усиливающийся в его направлении. Парень пригнулся и над головой пролетела стрела. Ещё один свист и Эмек совершил прыжок с кувырком за дерево.

— У нас гости... — шёпотом произнёс Эмек, но знал, что подруга не ответит. — “Если человек способен видеть в такой темноте, значит его знак анимы из ночных животных, а его промахи связаны лишь с неопытностью.” — Оби вышел из укрытия и поднял руки. — Я сдаюсь!

Из темноты в нескольких десятках метров послышался голос:

— А ты легко сдался, признаёшь поражение? — голос звучал надменно, с лёгкой хрипотой, этот человек явно не любил проигрывать, но вот было одно «но». Голос был детским, он явно принадлежал ровеснику Оби и Камалии.

— Да... А что делать? Если не сдамся, ты меня на свои летающие шампурки насадишь.

— Смышлёный. Что здесь забыл? Ты тоже за луком пришёл одноглазый? Чего тряпку на голову нацепил?

— Конечно за луком. Что же мне здесь ещё делать, если не за луком приходиться. Может отпустишь и расскажешь, где он спрятан? А то сам я делать не умею, вот и решил в ночи себе один стырить.

— А ты ещё и наглый... — голос был будто севший и в такой темноте навеивал страх.

— Ну так мне для храбрости прятаться не надо, — с издёвкой произнёс Эмек. — Ты бы показался что ли, представился!

Камалия двигалась бесшумно среди деревьев, по голосу она определила нужное направление и не касаясь веток и листьев деревьев кралась в сторону говорящего неизвестного. В темноте виднелся силуэт человека, висящего вниз головой и зацепившегося ногами за ветку. Свист и стрела прилетела аккуратно у ноги девочки. Он увидел её? Услышал? Кама не знала, но была уверена, что сей промах точно случаен, ведь она уже хотела атаковать и стрела должна была попасть точно в ей в голову. Оттолкнувшись ногами от

земли в сторону дерева, а от него ещё одним прыжком девочка достигла свою цель и ударила ногой. Удар пришёлся по лицу противника, и Кама перехватила у него оружие. Незвестный враг начал падать вниз, но уцепившись за косичку девочки утянул её за собой. Приземление было жёстким, Бадд чудом успела вывернуться и приземлиться на все четыре конечности, а вот лучник упал плашмя и сейчас потирал рукой свою красную щёку.

— Ты как меня нашла? — спрашивал поверженный противник с медными волосинками в другой руке.

— Тоже мнемышь летучая, вниз головой висел и балаболит. Как ты целился то?!

— Какой знак, такие и способности, сама что ли не знаешь? — ворчал мальчик.

Оби связал лианой парня и осмотрел его ещё раз. Пацан был худым, но крепким, с сильными связками и сухожилиями. Чёрные густые волосы закрывали его лицо и судя по движениям головы и пустому взгляду парня, Оби понял, что тот был, скорее всего, слепым.

— Значит, анима летучей мыши, да? — спросил Эмек.

— Ты сама догадливость... — парень явно не имел желания разговаривать, но вот Оби это желание совершенно не волновало.

— Как зовут тебя человек-мышь?

— Зак меня зовут, Зак.

— Зак. Сам расскажешь о плане деревни и её постах или тебе помочь? — Камалия явно стала агрессивнее.

— Кама не заводись. Пусть без твоих попыток всё попробует рассказать, а если не выйдет, то делай с ним что хочешь. — спокойно произнёс носорог.

— Я обычный патрульный, но вам видимо, что-то нужно в моей деревне, вопрос: что? — улыбка расползлась по лицу слепого стрелка. — Не уж то вы пришли за знаменем взвода легендарных лучников рода Вимур? Ахаха... Если так, то оно ваше, но при одном условии.

— Ты ещё условия ставишь? Ну и что же ты хочешь? Так, ради интереса, позволь узнать? — Камалии уже становилось жалко этого беднягу.

— Деревню Торгейн захватили, если поможете мне её освободить, я обещаю отдать вам знамя.

За тяжёлым столом в зале дома старосты под вечернее пение птиц сидело две девушки. У одной была заплетена широкая, длинная коса, тёмная как смола угольного дерева, а у другой карие глаза смотревшие на женщину напротив с восхищением и ожиданием чего-то особенного — того, что смогло бы разнообразить скучные дни армейской вольности.

— Госпожа Адеола, говорите. Вы можете просить меня о чём угодно. А если это дело касается Камалии, то можете доверять мне на все сто! Она опять сбежала?

— Нет, Нисса, нет. Дело в другом, но суть всё та же. Понимаешь, Ганджи... Староста дал своей дочери задание. Задание вдалеке от дома. И если Ганджи и раньше подвергал её риску, то именно сегодня у меня плохое предчувствие...

— Первое задание? Это же здорово!

— Да-да. Но он не посоветовался со мной. Собственно, как и раньше, но это не играет сейчас роли. Важно то, что моё сердце подсказывает мне, что что-то должно случиться, что-то нехорошее.

— Староста наверняка всё предвидел прежде, чем отправлять куда-то свою дочь.

— Нисса! Если с Камалией... Я не знаю, что буду делать... — слёзы Адеолы впервые за

много лет текли по её румяным щекам, непреодолимое чувство страха и беспомощности заставляло её предпринять хоть какие-нибудь попытки для безопасности своей дочери.

Глава 6. Первое задание. Часть 2

“Согласилась! Конечно согласилась! А какие у меня были варианты?” — думала Нисса, двигаясь по дороге вдоль реки Тиа в сторону восходящего солнца.

В армии Гринтерры все воины должны были пройти должную подготовку. С самых первых дней девушка была примером для остальных сослуживцев и будь то бег или рукопашный бой, или бой с оружием, почти всегда выходила победителем. Бывшие рантары, как называли воинов, кочующих между крепостями, городами и деревнями, не один раз останавливались посмотреть на её спаринги. А туда раньше набирали лучших воинов, хоть и с запятнанной репутацией. Именно полк рантаров под командованием Ганджи Бадда остановил вторжение Эйдоса двенадцать лет назад на Берегу Лун.

Нисса знала, что пока не смогла достигнуть их уровня, но ни на один день не прекращала свои тренировки. Пробежав целый день без отдыха и преодолев пару сотен километров, девушка всё же решила отдохнуть. Хоть знак её анимы был уже на третьей стадии развития, она хотела как можно скорее открыть и четвёртую, что было огромной редкостью среди листьев армии. Ведь на четвёртой стадии тату можно выходить за пределы возможностей своего внутреннего зверя и тогда преодолевать большие расстояния не будет проблемой для сдачи экзамена на тысячника армии Юга.

“Ягуар? Они убили ягуара? Того самого, который напал на Камалию. Эти дети впечатляют.” — негритянка ходила по остаткам лагеря юных воинов. — “Совсем не замечают следы, даже не пытались. Но в данном случае, это даже хорошо.” — Нисса заночевала в этом же месте, уплетая вкусного представителя кошачьих. — “Если его ещё не съели дикие звери, значит дети совсем близко. Нужно торопиться!”

Тьма сгущалась и поглощала весь лес своим холодом и мраком. Ребята спускались с холма, что возвышался над деревней Торгейн. По дороге Зак рассказал своим новым товарищам о захвативших пару дней назад деревню бандитах. Их главарём был некий Алатас и у него был знак бизона, где-то на четвёртой стадии развития. Командовал он шайкой из пятидесяти человек и был талантливым тактиком, но вот спасти всех своих солдат при захвате деревни он не смог. Староста Торгейна вместе с жителями оказали достойное сопротивление нападающим, и убили чуть менее сотни бандитов. Заку приказали уйти из деревни на патруль перед самым нападением, и тот не был схвачен. Хоть Зак и был слепым, его анима летучей мыши даровала ему способность к эхо-локации — это как будто видеть то, что слышишь. Несомненно, это делало его потрясающим лучником. Он видел противников в радиусе ста пятидесяти метров вокруг себя и был метким в своих выстрелах, но вот лесистая местность не позволяла ему стрелять на большие расстояния, поэтому при нападении на деревню было разумнее ждать помощи извне или перебить врагов по одиночке, тех, что идут на охоту или в патруль. Зак обходил вокруг деревни много раз, запоминая маршруты бандитов и занимался поиском слабых мест в обороне. И, наконец, он нашёл ту иголку в стоге сена, где планировал проникнуть этой ночью, чтобы освободить своего отца и остальную деревню. Но в его планы вмешались Камалия и Обирон.

— И так, ты планировал пройти в тот промежуток времени, когда меняется караульный у обрыва? — Камалия пыталась расспросить Зака обо всех подробностях его плана. Ребята залезли на дерево, что стояло недалеко от одного из спусков в деревню, и спрятались в его

листве. Спуском конечно это можно было назвать с натяжкой. Скорее это было одно из мест, в котором вдоль всего обрыва росли лианы. Но Алатас продумал и этот момент, поэтому нужно было очень тихо и быстро пройти место, где стоял постовой и незаметно опускаться вниз.

— Я думал, что пойду один, а нас уже трое... Это несколько усложняет момент проникновения. — ответил Зак.

— Кама проскочит быстрее, чем кто-либо. А вот нам придётся постараться и не дать себя обнаружить, — повреждённое лицо Оби слегка ныло от обжигающего действия восстанавливающей мази, и он в очередной раз поправил повязку.

Постовой стоял лицом к джунглям с копьём в правой руке и всматривался в каждую тень, что внушала подозрения. Свет от факела освещал лишь небольшую часть листвы перед ним, а глаза мужчины не могли подстроиться под темноту южного леса. Поэтому он и не увидел, как три тени прошмыгнули сбоку и затаились за большим камнем на самом краю пропасти. Постовой устало зевнул, подходил конец его смены, и он хотел закончить её пораньше. Он в последний раз посмотрел по сторонам и... Стрела пролетела с лёгким свистом пронзив шею неприятеля. Мужчина хотел было закричать, но из его горла издавался лишь хрип с булькающей кровью, выплёскивающейся из горла. Оби закрыл рукой рот Камалии, чтобы та не вскрикнула. Дети впервые увидели смерть человека.

— Это было не обязательно... — хотел было наехать Эмек на нового друга.

— Он бы нас не пожалел, поверь мне. Либо тебя убьют, либо убьёшь ты, таков закон войны. — бесшумно Зак подбежал к убитому постовому и поднял одну из его ног. — Вы будете помогать или нет?

Когда тело было спрятано в зарослях, Зак вынул стрелу из его горла и убрал обратно в колчан. Камалия подняла копьё и повертела его в руках как привыкла делать с посохом на тренировках.

— Теперь спускаемся... — скомандовал слепой гид и двинулся к обрыву. Его обогнала темноволосая девочка, и с копьём на перевес прыгнула с обрыва вниз головой. В полёте намотав на копьё одну из лиан, она медленно останавливала своё падение, а древко оружия начало дымиться.

— Она всегда так делает? — глаза Зака, казалось, начали видеть.

— Нет, лишь когда очень волнуется, как сейчас. — Оби взял одну из лиан и начал медленно спускаться спиной вперёд, его обогнал человек летучая мышь, обмотавший лианой ногу и свесившийся вниз головой, держа лук на изготовку.

Ноги девочки опустились на твёрдую песчаную поверхность, и она поняла, что оказалась за одним из жилых домов.

— Кто здесь? — из-за угла вышел высокий мужчина с мечом в руках, но после очередного свиста стрелы, его тело, издав глухой звук, опало на землю.

— Будь аккуратнее, их здесь ещё не меньше тридцати, и они не разговаривать с тобой будут. Они пришли сюда убивать. — свисая вниз головой, лучник доставал очередную стрелу. — Нам нужно освободить жителей, среди них есть бывшие воины, которые будут рады нам помочь. Я слышал, как их заводили в зал собраний. После того как мы освободим их и нашего старосту — песенка Алатаса будет спета...

Дома Торгейна были построены на стенах ущелья и на дне. Те, что находились достаточно высоко, соединялись между собой верёвочными мостами и лестницами, создавая паутину надземных проходов. Какие-то дома служили предбанниками перед входом в шахты,

какие-то были домами местных жителей или лавками торговцев.

Дети выглянули из-за угла. По всем улицам деревни стояла тишина. Свет от масляных факелов освещал улицы и бросал жуткие тени на дома деревни-пропасти. Прошмыгнув мимо пары патрулей, спасатели достигли своей цели. Ребята поняли, где держат жителей, но вот попасть в зал собраний было нереально. Его охраняло пять человек, один из которых был полностью одет в кожаную пластинчатую броню коричневого окраса.

— Видимо офицер... — Заметил Зак.

— Может мы поднимем шуму в разных концах деревни?

— Шум подниму я. — твёрдо ответила Кама и быстро вышла из тени прямо перед пятью охранниками. — Эй, бестолочи! — Кама сунула обмотку под лезвием копья в масло факела и тряпка вспыхнула алым пламенем.

— Девчонка?! Вы двое! — офицер указал на двоих охранников. — Схватите её и бросьте к остальным!

— Какие вы грубые, на одну девочку двоих мужиков натравливаете. — Кама рванула по деревне как можно дальше от центрального здания. Догоняя её, обнажали свои мечи двое бандитов. Петляя под домами и запрыгивая на крыши, Камалия заставляла выдыхаться своих преследователей. — Поднажмите слабаки! Какие нынче бандиты медлительные, даже за девочкой угнаться не могут!

Остановка и бросок. Копьё Камы с огненным наконечником взлетело вверх и упало на один из домов с соломенной крышей, в котором расположилась остальная банда Алатаса. Спасаясь от огня, мужчины выбежали из дома и увидели девочку, за которой бегало уже порядка десяти разбойников.

— Эх, перевелись бандиты в Гринтерре! — смеясь и чуть не плача от страха Кама водила за нос толпу мужчин, иногда забегая в какой-нибудь дом через дверь и выпрыгивая в окно, или проскальзывая у запыхавшихся разбойников между ног, когда тем удавалось её окружить.

Увидев, как загорелся ещё один дом. Офицер у зала взял одного постового с собой и побежал к пожару. Всего один воин теперь охранял зал обрядов. Зак выпустил стрелу и меткий выстрел из тени дома поразил оставшегося охранника в шею. Из рта мужчины полилась кровь и с мерзким хрипом он сначала сел на колени, а затем и обмяк на земле.

— Никак не привыкну к этому зрелищу... — сморщился Оби, глядя на лужу растекающейся алой жидкости.

— Путь свободен. Иди в зал, я прикрою вход. — скомандовал Зак.

Оби подбежал к массивному зданию, обошёл мертвое тело охранника и медленно открыл дверь. В помещении было около сорока человек, мужчины, женщины и дети.

— Староста здесь? — крикнул Оби.

— Его забрал Алатас! — ответил кто-то из жителей.

— Нам нужна ваша помощь! Нас всего трое. Моя подруга сейчас отвлекает часть бандитов на себя, но она не сможет делать это долго. Вы можете сражаться?

— Да, но, если вы освободите старосту, наши шансы на победу значительно вырастут. — вышел из толпы мужчина.

— Хорошо, тогда выводите свои семьи и пробивайтесь к выходу из деревни, а мы попытаемся освободить вашего старосту.

— Изая, ты же меня знаешь. Я держу своё слово. Где ты спрятал родовой лук

Вимуров? — вокруг решётки, с прикованным к ней мужчиной, ходил двухметровый громила.

— Алатас, коровья ты башка. Я тебе уже сто первый раз повторяю, луком ты пользоваться не сможешь. — у прикованного мужчины были чёрные длинные прямые волосы, а глаза были закрыты. Всё лицо было в синяках и кровоподтёках, что не мешало ему выглядеть спокойно и уверенно. — Твоя гордыня, да и, собственно, все остальные твои качества мешают тебе взять пятую стадию анимы, поэтому ты никогда не получишь из моих рук наш родовой лук.

— Я сожгу всю твою деревню вместе с жителями! — перешёл на крик Алатас. По длинной неряшливой и грязной бороде стекали слюни, от приходящего в бешенство разума.

— Валяй, простофиля. Увы, лука ты так тоже не найдёшь. Ни ты, ни твоя свора недоумков. Если бы не то странное облако пыли, что вы использовали, у вас не было бы и шанса. — усмехался Изая Вимур.

— Ты не оставляешь мне выбора десятник! — Алатас начал выходить из себя, будто бык, увидевший красную тряпку. — Значит ты тоже больше не будешь стрелять из своего лука, калека...

Атаман поднял свой двусторонний топор и одним взмахом перерубил правую руку пленника выше локтя. Кровь брызнула фонтаном из худого тела. Разрубленные кость, мясо и мышцы, всё было видно в месте, где только что была цельная конечность. Обрубок остался висеть прикованным к решётке с вытекающей из него кровью. Лицо пленника было озарено гримасой боли, но из его уст не вырвалось не единого звука.

— Раньше ты был прекрасным воином, но теперь ты лишь инвалид, что никогда не сможет взять в руки своё излюбленное оружие. — с этими словами Алатас закинул топор на плечо и пошёл прочь из туннеля, в котором он держал старосту деревни-пропасти. Разговаривать с ним больше не было смысла.

Так как Торгейн был шахтёрской деревней, в нём было множество туннелей, что начинались из самого поселения и уходили глубоко под землю, какие-то были природного происхождения, какие-то были выдолблены шахтёрами. По одному из таких туннелей сейчас и шёл главарь бандитов, размышляя над словами своего заказчика.

“И где этот Изая мог спрятать столь ценную вещицу, неужто её и правда нет в Торгейне. Тогда лук должен быть на Тиабате.”

Туда Алатас никогда не решится сунуться. С Тигром Юга он сталкиваться не хотел. Если Изая Вимур был просто заставлен врасплох, то сделать тоже самое с анхелем Баддом было невозможно, этот воин был не по силам Алатасу и он знал об этом. Атаман бандитов смог победить старосту этой деревни, бывшего десятника рантаров, только за счёт той странной гранаты с пылью астромарина и преимуществе в количестве воинов.

Витая в облаках волосатый северянин вышел из пещеры и увидел хаос, творившийся в деревне.

— Что здесь происходит? — спросил бизон у пробегающего с ведром воды подчинённого.

— Девчонка какая-то! Появилась из ниоткуда, начала оскорблять личный состав и подожгла один из больших домов, что Вы определили для отдыха.

Подчинённый убежал дальше, а главарь остался в недоумении.

“Девчонка какая-то? Откуда? Все жители давно сидят в зале собрания. Тогда кто же она такая?”

Алатас направился в сторону криков и ругательств, что разносились эхом по всей

деревне-пропасти, а горизонтальные зрачки начали искать незваную гостью.

Двухметровый бородатый громила бежал по канатному мосту, приглаживая рукой свою сальную, чёрную как смоль гриву и бороду. Алатас никогда не любил носить доспехи и одевался в обычные штаны и кожаные сапоги, сверху носил тёмную рубаху и чёрный плащ с погонами, на которых красовалась буква «А». Атаман вспоминал прошлое в рядах рантаров. Тогда его боялись и уважали. Никто не смел высказать ему своё недовольство, кроме анхеля Бадда и его десятников. С Ганджи ещё можно было свыкнуться, да и вариантов не исполнить поставленную им задачу не было вовсе, Тигр Юга внушал некий животный страх одним своим взглядом, но вот Вимур был единственным, кому Бадд разрешал слишком многое. С чем это было связано Алатас не знал, да и причина была не столь важна. Просто по мнению сотника Алатаса все солдаты должны быть равны в лице командования, не исключая офицерский состав. Жёсткая дисциплина. И даже когда Алатас стал атаманом, его люди жестоко карались за провинности вне зависимости от занимаемого ими ранга.

— Что у вас тут за бардак, Люциус? — спросил атаман у одетого в кожаную пластинчатую броню бандита. Люциус был в ранге десятника бандитов и считался доверенным лицом главаря.

— Командир! Эта девка... — десятник указал рукой в сторону девочки, убегающей от толпы солдафонов. — она тут дома поджигает и вообще шороху навела, это конечно плохо... Да. Но Вы посмотрите, как она гоняет наших новобранцев. Мне даже делать ничего не надо. Вы же хотели, чтобы я их погонял?

— Не продолжай... И столько шума подняла одна десятилетняя девочка и половина оставшихся солдат не может её схватить?! — атаман начинал приходить в ярость. Алатас приложил пальцы к переносице. — “К чёрту эти объявления о наборе в банду. Что бы я ещё раз таким занимался? К чёрту лесному эти современные способы рекрутинга. Только жёсткий отбор боем и никак иначе.”

Тем временем Зак с помощью эхо-локации пытался найти отца. Это должен быть человек, скованный кандалами или прикованный к чему-то очень тяжёлому. Но сколько сын не искал своего родителя, видел лишь бандитов, стягивающихся к потасовке, устроенной Камалией. Оби заглядывал в окна домов и разных амбаров со складами. Не попадаться охране было сложной задачей, всё-таки Кама не отвлекла на себя все патрули, но тем не менее облегчила задачу. Мальчики встретились в условленном месте за одним из складов, где было меньше всего охраны и освещение оставляло желать лучшего.

— Ты нашёл отца? — спросил Эмек своего нового товарища.

— Нет... Его не видно ни в одном из домов или улиц Торгейна... Но он точно здесь... — сиплым голосом ответил владелец анимы летучей мыши. — Тихо!

В поле слуха Зака попал большой человек с топором, шагающий по верёвочному мосту в направлении пожара. Мужчина ругался и казался намного сильнее остальных бандюганов.

— Я нашёл Алатаса...

— Где он, там и староста. — уверенным голосом произнёс Оби. У него начало открываться второе дыхание.

— Тогда иди за мной...

Две тени пробежали по лестницам, ведущим к дому, из которого вышел Алатас. Внутри они увидели вход в одну из шахт.

— Почему здесь нет охраны? — Оби был сбит с толку. Он явно не ожидал, что можно

оставить самого сильного воина без надзора, хоть тот и был закован.

— Отец впереди, я вижу его. — Зак бросился бежать со всех ног по пещере, а Оби только и оставалось, что бежать следом.

В одном из тупиков шахты детей ожидало то, к чему они ещё не были готовы. Несколько жителей деревни были распотрошены прямо на земле, под ногами своего старосты, прикованного к решётке с толстыми и мощными прутьями. Изая Вимур был похож на смерть в самом страшном её воплощении. Бледная кожа от малого количества крови в организме, где-то следы вырванных с корнем волос на голове, кровоподтёки и синяки, вырванные ногти на руках и ногах, а также отрубленная конечность, болтающаяся на решётке со стекающей из неё кровью. Этого человека явно пытали очень долго, но, судя по всему увиденному, он так ничего и не рассказал.

— Отец! — неожиданно громко крикнул Зак и кинулся освобождать мужчину. Ключи были опрометчиво оставлены на столе недалеко от пленника.

— Изая Вимур? — ко рту Оби подступала тошнота. Он не был готов увидеть такую жестокость.

— Да, да, знаю... Не лучшим образом выгляжу... — извлёк из себя Изая, облачиваясь на своего сына. — Ты, наверное, младший Эмек?

— Папа, не говори, тебе нужен лекарь.

— Ох... Я и не в таких переделках бывал... — улыбнулся краем рта Изая.

— Я Обирон Эмек, сын Эобара. Вам нужна помощь, но для этого нам нужно вывести Вас отсюда. Стоп... Откуда Вы меня знаете?

— Как же давно я не видел этого бессмертного старика... — попытался засмеяться старший Вимур. Парни взяли старосту под руки и пошли на выход из пещеры.

— Извините, что спрашиваю. Но Вы сказали «бессмертного старика»? Вы имели в виду моего отца?

— Ну да... Кх... Кх... — закашлялся Изая. — Этот офицер всегда возвращался без ранений со всех боёв... Меня это всегда поражало... Даже Ганджи получал случайные царапины, но вот Эобар даже из гущи сражения выходил невредимым...

Ребята вышли из шахты и начали спускаться по крутой лестнице. С каждым шагом староста шёл всё тяжелее.

— Дети... Идите к своей подруге... У неё определённо проблемы... Помогите ей. Не перед этим. — староста нагнулся к своему сыну и прошептал на ухо. — Зак, принеси мне мой лук, только быстро...

— Но отец, твоя рука... Как ты будешь... — палец Изаи лёг на губы мальчика, и староста улыбнулся.

— Просто сделай.

Зак побежал в неизвестном для Оби направлении, и они с Изайей остались вдвоём.

— Оби, да?

— Так точно, господин Вимур.

— Беги со всех ног к своей подруге и вместе с ней спасайтесь отсюда... Расскажите Бадду о случившемся, а я постараюсь спасти выживших...

— Но как же Вы? Вы выживете? — Оби очень хотел помочь Каме, но оставлять старосту Торгейна одного в таком состоянии ему не позволяла совесть.

— Я не твоя забота, пацан... — улыбнулся Изая и подтолкнул Оби в сторону пожара. — Беги! Спаси Камалию!

Оби не понял, почему он так быстро победил в сторону потасовки, как будто это было его сокровенное желание, которое он наконец может исполнить.

Изяя Вимур облокотился на стену одного из домов с теневой стороны. У него оставалось не так много сил. Мимо пробежал один из людей Алатаса и заведя освобожденного узника, ринулся в атаку. Шаг в сторону и зацепившись оставшейся рукой за горло противника, старый воин сломал врагу кадык. Единственное, что удерживало его в этом мире это желание защитить Зака.

“Кто бы мог подумать, что он заберётся так далеко, чтобы спасти своего отца. А то совпадение, что мы, старосты Торгейна и Деревни Орешника, решим провести совместную тренировку тогда же, когда на деревню нападут. Как же интересно судьба плетёт наши нити жизни.” — размышлял старший Вимур, осматривая свою деревню с помощью эхолокации. — “Вот бы вернуть те времена, когда Алатас ещё служил в армии, я бы его четвертовал. Кх... А это кто такая?!”

- Ну вот, наконец то! — пробасил главарь бандитов. — Всего то и надо было с холодной головой за дело взяться! И где вас балбесов рожают?! Люциус, опять ленишься? Ты то мог её поймать в два счёта.

— Командир, пусть новички бегают за детьми. Я в такие игры не играю.

— Вы посмотрите на них! Маленькую девочку поймали и хвалятся! Пока ваш главарь не пришёл, бегали за мной как бараны за пастухом! — не могла успокоиться Камалия. — “Это же надо было так попасться. Как жалко, что я не могу бегать ещё быстрее. Тогда бы меня даже окружить не смогли, но, как говорит папа, после драки кулаками не машут.”

Удар. Пощёчина хлестнула Каму по лицу. Один из бандитов не выдержал и ответил на оскорбления, после чего тяжёлый топор приземлился на его голову.

— Не порть товар! — Алатас вытащил оружие из головы подчинённого.

Остальные разбойники переглянулись и с ужасов посмотрели на своего командира.

“У него с башкой совсем туго? Своих же людей убивает!” — девочка была в шоке от происходящего безумия.

— Товар портить не надо. — Алатас подошёл к связанной девочке и схватил её своей мощной рукой за челюсть, — Ты дорого пойдёшь на рынке рабов. Даже жаль немного такую красавицу продавать. — и отшвырнул её в толпу подчинённых. — Привяжите её к столбу. Завтра выдвинемся в Порт-о-Сент. Там продадим что здесь нашли и пойдём гулять в таверну.

— Да. — неуверенно согласились остатки банды.

Пока главарь со своей шайкой праздновали за ещё не пропитое богатство, охрана и патрули вокруг деревни, а также внутри неё тихо исчезали. К Атаману с приспешниками стягивались тени, но возгордившийся бизон не чувствовал опасности. Первая стрела освободившихся селян полетела в офицера и попала точно в щель между пластинами брони, Люциус упал замертво, стрела торчала точно из-под левой подмышки, пронзив сердце. Следующие вестники смерти полетели во врагов, находящихся на внешнем круге, постепенно смещаясь к внутреннему.

— Прячьтесь за укрытиями! — кричал атаман, но его никто не слышал. В панике бандиты пытались убежать, ложиться, но на каждого солдата приходилась ровно одна стрела, будто цели уже заранее были закреплены за каждым из стрелков.

Алатас кинулся к девочке назад, но наконечник копья упёрся ему в глотку.

— Лучше не двигайся, мерзавец! — Нисса подоспела вовремя, кто знает, что могло

случиться если бы она не смогла этого сделать. — Тронешь её хоть пальцем, и я откушу тебе всю руку!

— Такая дерзкая. Я не помню таких среди пленниц.

— Такие как я, лучше сдохнут, чем попадут в плен.

— Ааа... — заметил мужчина браслет на плече девушки. — Ты лист из армии Гринтерры. Ну давай посмотрим, чего стоит лучший воин в своём отделении против бывшего сотника рантаров.

Алатас сделал сильный вдох и из-под его плаща пошёл белый дым. Нисса отпрыгнула назад.

— Жалкая девка в лохмотьях угрожает мне какой-то зубочисткой! Ахха! — Глаза атамана стали серьёзнее. — Ну давай покажи, что ты можешь?!

“Он бывший сотник рантаров?!” — Нисса увернулась от вертикального удара топором, но двустороннее оружие незамедлительно полетело в её сторону вторым лезвием. Прыжок вверх и девушка, поджав ноги, пропустила оружие под собой. Инерция тяжелого оружия не могла дать воину той скорости, которая была у копья. Резкий выпад и копьё упёрлось в толстый плащ на спине атамана.

“Он и не думал останавливаться!” — Нисса не успевала отойти. Алатас разворачивался и, используя инерцию своего оружия от второго удара, ускорил свой топор ещё сильнее. Девушка не могла отпрыгнуть, поэтому прижалась к земле, пропуская тяжёлое орудие над собой. Мужчина перехватил топор левой рукой, вгоняя его в землю под углом, а правой схватил и кинул темноволосую воительницу за шею в воздух. Лист Гринтерры ещё никогда не билась с настолько сильным противником. Алатас был не просто огромным и сильным, он оказался опытным воином, использовавшим свои слабые стороны. Его медлительность стала оправдана продуманностью его ударов. С большим замахом левой руки и ударом кулака в грудь бывший капитан рантаров отправил молодую воительницу в полёт. Копьё выпало в момент удара из её рук и тут же оказалось в ладонях победителя. Нисса, с хрустом переламывающейся спины, влетела в стену позади связанной Камалии.

— Хорошее копьё, девчонка. — Алатас прокрутил древковое оружие в руке и кинул в след хозяйке.

Когда острие вошло в грудь Ниссы, пригвоздив её к зданию, из лёгких молодого листа армии Гринтерры вышел последний воздух, а сердце маленькой Камалии сжалось в комок. Паника, ужас, отчаяние, безумие, страх — все чувства разом стиснули грудь и не было тех сил, которые смогли бы её разжать. Дикий крик, переходящий в рваный стон от сорванного горла, оглушил поле боя.

— НИССА!!!

— Подружка твоя что ли? — Алатас обернулся к девочке и увидел, как какой-то пацан перерезает ножом верёвки, удерживающие его подругу. Удар ноги атамана отшвырнул Оби в сторону, явно переломав тому несколько костей.

— Нет!!! Не-ет!!! — Кама пыталась вырваться из верёвок, но те слишком крепко её держали. — Оби!!!

— Ничего страшного, милочка. Там, куда ты попадёшь, друзей нет.

— Как же давно я этого не делал... — Изая Вимур взялся левой рукой за рукоять лука. — Надо бы вспомнить как мы дурачились...

Староста Торгейна взял зубами стрелу из колчана и положил её на тетиву. Есть всего

одна попытка, и нет шанса на промах, даже в таком плачевном состоянии. Изая замер в одном положении, прислушиваясь к окружению, затем повернулся в направлении пожара, поднял свой лук и Зак почувствовал энергию, что стала стекаться к его отцу, а затем перетекать в лук. Странные символы загорелись на оружии и освещать его золотом. Пятая стадия тату анимы, последняя, уровень монстров. Таких людей, с пятой стадией, называли чудовищами этого мира, они могли делать невозможное. Вот и сейчас, после долгих пыток и с отсутствующей рукой, Изая целился из лука, для использования которого обычно нужен целый отряд воинов. Хлопок тетивы и стрела, объятая золотым свечением, полетела на другой конец деревни почти параллельно поверхности, разгоняя тьму, пролетая между всеми препятствиями, чудом не задевая дома и скрываясь в дали.

— Вот я и вернул долг, Алатас! — Ухмыльнулся Изая и упал на землю без сознания.

Алатас повернул голову в сторону странного света и его глаза медленно увеличились в размере.

— Рога в глаза... Как он смог? — атаман откинул от себя Камалию подальше и замахнулся топором. — Так, как там кронпринц Эйдоса сделал? — Алатас ударил топором, держа его правой рукой. Четвёртая стадия развития анимы, дала ему много сил, без неё звание сотника в рантарах не давали. Яркий взрыв ослепил и оглушил находящихся неподалёку людей. От столкновения золотой стрелы и плоскости двустороннего топора, оторванная правая рука главаря бандитов улетела в сторону, всё ещё сжимая рукоять тяжёлого оружия.

— Аргх!!! Чёртов Изая!!! — держался Алатас за открытую рану уцелевшей кистью. Остальные разбойники были уже расстреляны или старались убежать, спасаясь от неминуемой гибели. Атаман схватил Камалию за шкирку оставшейся рукой и побежал к одному из домов.

Пока бывший сотник рантаров находился в деревне, он приказал удлинить одну из шахт и вывести её наверх. Получив пару стрел вдогонку, он захлопнул дверь и закрыл засов. Теперь он хоть и остался без своей банды, но сможет продать эту дрянную девчонку и хоть что-то сделать с тем, что осталось от его правой руки.

Глава 7. Порт-о-Сент

Покинуть деревню Торгейн не составило проблем. Широкое продолжение шахты вывело главаря мертвых бандитов наверх, в гущу джунглей. Алатас хорошо ориентировался в здешних местах. Когда-то он под руководством анхеля рантаров Бадда патрулировали регионы Гринтерры много лет и теперь атаман знал здесь почти каждое дерево. Девчонку Алатас вырубил ещё в шахте, он не хотел, чтобы преследователи смогли ориентироваться по её крикам. Пробежав пару десятков километров без остановки, мужчина сбавил темп бега до лёгкого. Кровь из-за полученной травмы остановить было очень тяжело, ещё в шахте он прижёл остаток правой руки факелом. Конечность отсутствовала почти по самое плечо.

“Можно сказать повезло, что меня не разнесло на клочки.” — думал новоявленный калека. Путь до Порт-о-Сент был не близкий, не меньше семи сотен верст. Провизии Алатас не взял, да ещё и пленницу надо подкармливать. Оставалась лишь фляга из-под рома, висевшая на поясе, да и она быстро закончилась, когда бандит обрабатывал раны, полученные от задевших его стрел.

— Пол дня быстрого бега и мы выйдем в саванну. Там то уж точно есть чем поживиться. — размышлял он в слух. Перейдя снова на быстрый темп, он всё быстрее удалялся от места, которое девочка называла домом.

Как и говорил волосатый и бородатый носитель знака бизона, они вышли из джунглей прямо в саванну к небольшой речке. Заполнив флягу до краёв и сразу её опустошив, Алатас скинул с себя девку на берег.

— Просыпайся, детка! — пробасил мужчина. — Если сейчас не попьёшь, то сдохнешь ещё до Порт-о-Сента.

Камалия быстро пришла в себя. Связанные руки и ноги не позволяли ей встать. Голова раскалывалась от удара, полученного в шахте, и мысли не могли прийти в порядок. Смерть Ниссы вновь и вновь вставала перед глазами её названной сестры. Хруст от переламывающихся костей Оби до сих пор стоял в ушах, будто несколько часов назад переломали не только его кости, но и всю её судьбу.

“Если сейчас не попью, то точно умру.” — девочка присела на колени с большим трудом и, изогнувшись вперёд, пыталась пить воду. Словно животное она жадно давилась каждым глотком, тело болело от нескольких ударов Алатаса, которыми он одарил её по пути сюда за попытки сбежать. Цель, что сейчас перед собой поставил её разум была самой естественной для всех живущих — выжить, выжить любой ценой и отомстить за смерть Ниссы, той, что не побоялась выступить против превосходящего её соперника, той, что защищала Каму до последнего вздоха.

Отражение в воде начало подрагивать, всё сильнее искажая быстро бегущие в речке облака. Пыль под ногами слегка подлетала вверх и снова оседала на сухую землю саванны. Подняв голову, разноглазая пленница увидела широкую тёмную линию на горизонте. Земля, казалось, вибрировала словно кожа, натянутая на огромный барабан. Когда тёмная линия стала ближе, Кама смогла разглядеть несущееся стадо косматых зверей, что смогла узнать лишь из-за картинок в учебнике мамы. Это были антилопы гну. Эти парнокопытные животные неслись огромной волной в сторону пришельцев и, казалось, никто и никогда не сможет прервать бег темного потока, несущего смерть всем, кто попался ему на пути.

— Кхм... — Алатас сплюнул на землю и внимательно оглядел приближающихся гну. —

Гляди ка... Косоногие. Ахаха...

— Они нас сейчас сметут! — Камалии не на шутку стало страшно от той мощи, что двигалась в их сторону, набирая скорость.

— Ой-ой-ой! Посмотрите, кто испугался! Ха-ха! И ты себя называешь воином?!

— Я пока не воин!

— И не станешь, если будешь бояться каких-то коз переростков.

Бывший сотник рантаров выпрямился во весь рост и вытянул вперёд левую руку, его пальцы были сложены в какой-то знак, напоминающий бычьи рога. Стадо бежало по саванне, сотрясая землю ударами копыт по направлению к странной парочке. Атаман начал медленно наклонять голову на бок, одновременно поворачивая руку вокруг оси. Камалия не понимала, что он делает, он казался сумасшедшим перед ликом смерти. Ни одна мышца на его лице не дрожала, он не боялся. Этот мерзавец, к которому Кама не испытывала ни капли уважения, и, правда, не боялся того надвигающегося ужаса, что к ним двигался. Антилопы гнули лишь молча набивали копытами барабанную дробь, то вздымая головы вверх, то опуская свои рога на уровень низких кустарников, как вдруг, одно из бегущих животных резко завалилось на бок, а за ней последовали остальные, словно повинувшись неслышимой команде. Те из парнокопытных, что не упали сразу, начали спотыкаться о своих собратьев, так и не добежав до своей цели. Туши рогатых животных начали формировать холм из своих тел, не давая пробегать остальным антилопам.

— Напилась, трусиха? — недовольно прохрипел Алатас, поднимая уцелевшей рукой Камалию с берега. — Всё! Водопой закончен. Следующая остановка Порт-о-Сент.

— Что ты с ними сделал? — девочка не понимала, что произошло. Это не вписывалось в рамки того, что она знала.

— Природная энергия, разноглазая. Лежи молча или закончишь также как твоя подруга.

— Не смей говорить про неё. Ты...

— Я что? Должен бояться девчушки, которая даже травоядных зверей боится?

Камалии закусил губу до крови. Настолько ей было обидно услышать эти слова от такого подонка, как Алатас.

Спокойным бегом бизон мог пробежать большие расстояния, но вот человек, носитель анимы бизона, мог пробежать по истине огромные территории с подпиткой природной энергии живы. Атаман бежал сквозь сухую траву, иногда срывая более свежие ростки и засовывая их в рот.

Девочку потряхивало на плече громилы и больно покалывало в животе. А также огромное чувство горечи не покидало её сердце.

“Нисса. Ты не могла так просто умереть, ты не могла оставить меня одну.” — мысли о смерти названной сестры не давали ей покоя. Камалии будто разрывали сердце изнутри. По щекам стекали слёзы, что вскоре превращались в пар на сухом ветру саванны.

— Я отомщу тебе... — процедила Кама сквозь зубы.

— Что ты сказала, чертовка? — не расслышал бандюган её хрипа.

— Я сказала, что убью тебя! — прорычала Камалия и укусила мужчину за ухо, изо всех сил сжав челюсти.

— Мерзавка!!! — провопил бандит и поднял девочку над собой левой рукой, тем самым оставив в её зубах часть его уха. — Тебе повезло, что я добрый и по зубам оценивают качество рабов на рынке. Иначе ты осталась бы без них. — Алатас заткнул девочке рот обрывком жилетки и завязал его верёвкой. — Теперь не покусаешься, собака!

Главарь завалил девочку обратно и продолжил путь, который предстоял не близкий.

— Наконец-то пришли... — выдохнул Алатас. Он не спал уже несколько дней. Слишком боялся погони из Торгейна. И теперь мог вздохнуть спокойно.

Порт-о-Сент представлял из себя портовый город, полный пиратов, разбойников и работорговцев. Чёрный рынок здесь процветал за счёт удачного месторасположения в ущелье между двух скал. Сколько бы не громила армия Гринтерры этот город, тот восставал из пепла и всё начиналось по новой. Десятки тайных входов и выходов. Из-за скал было не видно стоящие в порту корабли с рабами и другими запрещёнными товарами. Перед входом в город Камалия заметила множество вырезанных на брёвнах изображений дерева, что она видела только на картинках, кажется, оно называлось ель. Изображения ели можно было заметить почти на всех строениях. Дома здесь строились из разбившихся или ограбленных кораблей разных форм и размеров. Мачты с парусами использовались как навесы над торговыми лавками или над другими, разного рода заведениями. Городок был вытянут между двух скал, а жизнь здесь текла беспрерывно и днём, и ночью.

— Эй, Жарго! — крикнул Алатас толстому мужику, закутанному в пурпурный плащ. — Сколько дашь за девку?!

— Алатас, друг мой. Смотрю, эта добыча далась Вам тяжелее прочих. — сказал работорговец, осматривая то, что осталось от правой руки бывшего сотника.

— Не надо лишней болтовни Жарго. Сколько дашь за девчонку? — скинув на стол Камалию пробасил громила.

— Ммм... Отборный товар, мой друг. — развязал рот девочке работорговец и осмотрел зубы и глаза. — Я думаю, триста серебряных будут достойной оплатой за твои старания. — ехидно улыбнувшись произнёс толстяк.

— Дурить меня вздумал?! У неё глаза разного цвета, эта редкость дорого стоит! — прикрикнул Алатас. — Четыреста, четыреста серебряных и не одним меньше.

— Хмм... — задумался работорговец. Ему не хотелось злить этого бугаря, тем более что тот всегда поставлял ему хороший и дорогой товар. — Четыреста, так четыреста, Алатас. Считаю это достойным залогом нашей дружбы. — Улыбнулся Жарго и отдал мешок со звонкими монетами двухметровому бородачу. — Приходи ещё, если будет что продать.

— Ага. Конечно... — высыпав на стол монеты рядом с новоявленной рабыней, разбойник принялся их пересчитывать.

Когда главарь закончил подсчёт, Камалия перекувырнулась через горсть монет, набрав себе в рот пару штук и сразу их проглотила. Остальные монеты рассыпались на землю и, проходящие мимо, люди с криками кинулись их подбирать.

— Стоять!!! — Гаркнул Алатас. Люди отпрянули назад. — Мелкая чертовка! — Мужчина схватил пленницу за верёвки и поднял обратно на стол. — В клетку её посади и кляп побольше в рот засунь, она ещё и кусаться умеет!

— Конечно, мой друг. Спасибо за помощь. — толстяк схватил Камалию за шею толстыми пальцами, надел на руки железные кандалы и бросил в близстоящую клетку, закрыв дверь на ключ и накрыв большим куском ткани. — “Дурак! Даже знак анимы не посмотрел. У неё же тату гепарда, очень редкий знак. Она стоит не меньше пары тысяч серебряных.” — ухмыльнулся торговец и встал обратно за свой прилавок. — “Теперь главное не попасться тёмной королеве с этим товаром и можно будет здорово обогатиться.”

Бывший анхель рантаров сидел на краю горы Тиабат и вглядывался в даль восточных земель. Могло показаться, что он витает где-то в своих мыслях, думает о чём-то своём, но, наблюдающая за беспокойным отцом, Адеола знала — Ганджи волновался за свою любимую дочь. Его гордыня дала ему повод, возможно, слишком рано отправить своих учеников так далеко от дома. Всё, казалось, должно было быть просто: Камалия и Оби проверяют сына Изаи и его подготовку, а затем, если смогут, забирают фальшивое знамя роты лучников Вимур. Но... Но. Было какое-то чувство у бывшего сумасброда гринтерской армии, которое можно было бы назвать по-разному: интуиция, дополнительный расчёт, беспокойство отца за дочь; и это чувство не давало покоя душе седеющего командира.

Поднимая ветер и разгоняя крыльями мощные потоки воздуха, рядом с воином, которого раньше кликали Тигром Юга, приземлился большой чёрный ворон. Кого-то, возможно, удивила бы та деталь, что этот вид птиц не обитал в этих краях, но Ганджи Бадд знал, что этих пернатых разводил его хороший друг, староста деревни Торгейн, десятник рантарской армии и лучший лучник из тех, кого знал Ганджи, Изаия Вимур. Этот человек был одним из тех, кто, по мнению Бадда, принёс победу в Краткой войне. Его хладнокровие хоть и играло, порой, с ним странную шутку, но, в частности, позволяло решать многие проблемы заранее. Знак летучей мыши, который унаследовал его сын Зак. Позволял видеть Изае на пару километров вокруг себя и безошибочно определять местонахождение врагов. Только из-за этого доверия к старшему Вимуру, Ганджи всё ещё сидел и не двигался с места, оставляя Камалию и Оби на попечение старого друга. И всё бы было в порядке, но чёрный ворон заговорил:

— Кар! Ганджи! Кар! Напал Алатас! Кар! Твоя дочь в опасности! Кар! Изаия Вимур проиграл!

Прошли сутки с момента продажи Камалии работорговцу. Жарго был очень хитрым торгашом и созданный им образ толстого лысого доброго дяди был лишь для прикрытия его истинной натуры. Девочку покормили и напоили, если кусок зачерствелого хлеба и миску с грязной водой можно было считать едой и питьём. Камалия слушала, как и что говорил работорговец клиентам, порой улавливая наречия, которых раньше никогда не слышала. А иногда, поднимающийся подол пурпурного плаща оголял ноги Жарго, где на икре Кама увидела знак самого злого зверя на континенте, медоеда.

“А так ведь и не скажешь.”

Из разговоров Жарго с клиентами и поставщиками Камалия узнала, что сегодня ночью её и остальных рабов отправят кораблём в Адаид. Портовый город, что находится на противоположном берегу Каменного моря. Мама рассказывала, что всего есть девять великих городов. Один из которых Видэон — столица Гринтерры, а один из восьми оставшихся назывался именно Адаид. По рассказам мамы, девять великих городов древности располагались в разных частях континента, и лишь положение двух из этих городов утеряно в веках истории. По слухам, только те, кто бывал в Адаиде смогут прийти туда снова.

Камалия знала, что отец непременно пойдёт её спасать, но, когда он узнает о пропаже дочери, она скорее всего будет очень далеко от границ Гринтерры. Задача у юной Бадд стояла всего одна — выбраться из плена, а если удастся это сделать, то месть Алатасу не заставит себя долго ждать.

“Нисса, не знаю как, но я отомщу Алатасу за твою смерть...” — ...и принесу твоим родителям голову убийцы их дочери! — прорычала Камалия.

— Ух... Со нравом товар продаёшь. — сказал один из клиентов лавки.

— А то. Приезжай в Адаид и может даже сможешь перекупить на аукционе. — разговаривал с очередным клиентом работорговец в своей мерзкой дружелюбной манере.

Наступила ночь, и луна освещала ночное небо. Данай скрывался за облаками и не хотел смотреть на связанную наследницу рода Бадд.

— Переводите рабов! Быстрее! Скоро армия эйдов будет здесь! — кричал какой-то мужчина грубым голосом.

“Армия Эйдоса? Они опять решили напасть на Гринтерру?!”

Камалии развязали ноги, чтобы она смогла идти сама, а общая цепь связывала её и ещё пару десятков рабов. Лёгкий морской бриз ласкал измазанное грязью и пылью лицо, освежая лёгкие в нос рвался прохладный морской воздух — в этой части континента было значительно холоднее, от чего кожу Камы покрыли мурашки, а по телу начинал пробивать озноб. Всех рабов Жарго под удары плети заводили в трюм небольшого корабля, что называли шлюп. На носу этого судна красовалась фигура в капюшоне без лица, что была вырезана из дерева. «Призрак» гласила надпись по борту. Команда этого корабля, по прикидкам Камы, вряд ли превышала тридцать человек. Но этого было достаточно для управления таким малым судном. На корабле было две мачты и около десяти орудий с каждой стороны. «Призрак» казался довольно старым и, кажется, видел лучшие времена.

— Эту! — указал Жарго пальцем на Камалию. — В отдельную камеру. Не дай богиня, попортят мне эти твари хороший товар. — Косился он на остальных пленников.

— Вас понял, капитан. — ответил юноша, что даже с некоторой жалостью посмотрел на маленькую девочку, закованную в цепи.

Всех рабов рассадили по клеткам, где девочке определили отдельную, довольно просторную камеру. Вскоре после этого все, кто был в трюме из членов команды «Призрака» поднялись на палубу и продолжили готовиться к отправке. Перед тем как Камалию бросили за решётку, с неё сняли кандалы, и она наконец смогла размять связки и мышцы, затёкшие от столь долгого бездействия. Тело плохо слушалось, но через некоторое время девочка смогла сесть на шпагат, а когда связки были достаточно разогреты она стала изгибаться всем телом. Заставив одного из заключённых исторгнуть из своего рта содержимое желудка.

“Мда... Мягкотелый народ.”

— Отдать швартовы! — услышала Камалия крик капитана с палубы. — Полный вперёд!

Камалия почувствовала под ногами движение воды и поняла, что корабль пришёл в движение. Теперь она сама за себя, теперь ей точно предстоит долгий путь домой. Но перед этим она отрубит голову Аталасу и принесёт её родителям Ниссы, нанизанную на лезвие копья.

Глава 8. Корабельные забавы

Идти по Каменному морю до Адаида предстояло не одну неделю. «Призрак» пробивал волны и шёл чётко по курсу, что установил рулевому капитан Жарго. Находясь пару дней в трюме, у Камалии начало создаваться ощущение, что корабли построены не так просто, как казалось поначалу. Всё судно будто извивалось на волнах, маневрируя меж водных потоков. Морской вал бил по корпусу отзываясь глухим эхом в изолированном от внешнего мира трюме. Каждое движение рулевого колеса, скрипом резало неподготовленный слух и, извиваясь словно змея, корабль подчинялся воле своего командира. Такие суда юная Кама видела лишь на картинках книг или рисунках, что делала Адеола для своей дочери. Гринтерцы покоряли моря уже не одно столетие, но лишь империя Эйдос развила это умение, достигнув вершин изобретательского искусства в этом деле. Папа рассказывал Камалии о длинных ладьях с гребцами вдоль всего корпуса, о том, как множество таких кораблей проходили по Каменному морю сквозь шторма и бури, и что лишь в таком судне можно почувствовать всю мощь морской стихии, а корабли империи Эйдос упростили морякам задачу, освободив их время для безделья.

Рабы, что были приведены с Камой, сидели очень тихо и были похожи скорее на живые трупы, но никак не на здоровых людей. Мышц почти не было видно, кожа бледная как у чаек перья, а по глазам этих несчастных становилось ясно, что они уже смирились со своей судьбой и обречены ей на вечные страдания. У многих рабов на ногах были заметны шрамы в районе сухожилий.

“Наверное, их перерезали, чтобы они не сбежали.” — размышляла юная гринтерка. Но больше всего её пугал ожог, как от раскалённого металла. У всех он был в форме буквы “Р”.

— Чего смотришь? Такой же хочешь? — спросил пленницу мужчина в соседней клетке. — Попроси. Думаю, не откажут.

— Извините... — отвернулась Кама. — Что означает эта буква? — спросила она шёпотом.

— Жопа! — ответил какой-то раб из той же клетки, и почти все страшно захохотали голосом, больше похожим на крики, плач и стоны живых мертвецов, нежели на обычный человеческий смех.

— Это клеймо, девочка... — прошептал мужчина, к которому обращалась Камалия с самого начала. — Клеймо ставят в форме буквы “Р”, что означает раб. Здесь почти у всех есть такое.

— Простите... Я не знала...

— Ничего. Ещё узнаешь... — ответил своим мерзким голосом раб из другой клетки.

— А ну! Тихо там! — крикнул один из матросов с палубы.

— Дяденька... А как Вас звать? — шёпотом спросила Камалия седого мужчину, кто единственный из всех ответил на её вопрос.

— Сион. — произнёс мужчина и отвернулся закрыв глаза для сна, а потом тихо добавил. — Ой как нехорошо, что такая малышка сюда попала...

Юная Бадд легла на сгнившее сено, что было разбросано по полу клетки и попыталась уснуть. Скрип древесины, хлопанье парусов на мачтах, всё это будто вгоняло разум в некий транс, и сон не заставил себя долго ждать.

Утро застало Каму громкими ударами сапогов о ступеньки лестницы. Дверь клетки

отварились и грохот железной двери о прутья разбудил всех жителей трюма. К Камалии подошёл крупный мужчина с круглым лицом, покрытым щетиной и уродливым шрамом на правой щеке. В его глазах играл какой-то пугающий азарт, а его рот — его гадкий, мерзкий, в местах беззубый рот, искажала гадкая ухмылка. Своей лапой, что у обычных людей можно было бы назвать рукой, он взял девочку за волосы, и молча потащил её по влажному полу к выходу на палубу. Всю голову обожгло острой болью, что всё сильнее растекалась от висков к темечку. Чем громче кричала Камалия, тем сильнее этот зверь закручивал её волосы в своей лапе.

— Стойте! Я не раб! Зачем так жестко! Ай! Волосы! Вы их оторвёте! — крики гринтерки были слышны на весь трюм, но никто из пленников не произнёс и слова в защиту Камы. Но тут здоровяк резко остановился и с размаху ударил ей по лицу.

— Фингала не останется и товар не испорчен. — спокойно произнёс он.

Боль, что прошла по лицу Камалии, заставила её замолчать. Казалось, ещё чуть-чуть и её лицо покроет один огромный синяк. Перебирая ногами и руками, чтобы снизить нагрузку на волосы, девочка выбралась на палубу под крики трёх десятков человек.

— Капитан! Это мы за эту сучку две тысячи получим? Или ты нам соврал? — крикнул один из стоявших.

— За эту, Родриго! — ответил Жарго, стоявший возле какого-то котла, из которого шёл дым. — Веди её сюда Геккель, сейчас мы поставим ей клеймо.

— Нет! Не надо! — Камалия попыталась вырваться, но Геккель крепкой хваткой держал её за волосы. — Я не раб! — у Камы потекли слёзы, но она не оставляла попыток вырваться.

— Ещё нет... — нежно и с улыбкой сказал Жарго. — Но мы это исправим. Поверни её спиной Гек и поживее. Угли остывают.

В несколько движений Геккель подвёл новую рабыню к котлу, перехватил руки с волосами девочки в одно целое и поставил её на колени. Всё тело начало коченеть от холодного морского ветра и слёзы пропитывали испачканную кровью ткань.

— Замечательно! — лысый носитель знака медоеда взял из печки раскалённое до красна железное клеймо. — Хватит сопротивляться милая, а то, если не выйдет с первого раза, придётся второе ставить на другом месте.

— НЕТ!!! — Камалия заливалась слезами. Никто. Никто не придёт ей на помощь. Она одна. Совсем одна. В этом забытом богиней море.

Под крики девочки раскалённый металл коснулся кожи в районе поясницы. В разноцветных глазах гринтерки помутнело, а все мысли смешивались и сводились к всепоглощающей боли. Она уже не пыталась сопротивляться, конечности как будто онемели и отказывались двигаться. Пошёл дождь. Первые капли скатывались по телу новоиспечённой рабыни и остужали рану от ожога. Небо, будто, оказывало ей своё сочувствие. Её мир никогда не будет прежним. Такая жестокость была для Камалии чужой, но она была настоящей, самой реальной, будто вся предыдущая жизнь была лишь сладкой сказкой.

— Геккель. Отрежь ей волосы по плечи. Не хочу, что бы у неё жуки завелись по пути в Адаид. — сказал Жарго, кладя раскалённый кусок железа обратно в печь. — Как с ней закончишь, веди остальных не клеймённых, по одному. Только быстрее, дождь начинается.

— Как скажешь, кэп! — произнёс с ухмылкой мужчина со шрамом. Он достал нож из-за пояса и быстрым движением отрезал темно-красные локоны Камалии под тем местом, где их держал. И та рухнула на палубу, еле успев подставить, ещё плохо слушавшиеся, руки. Мощная лапа снова схватила её за оставшиеся волосы и поволокла обратно в трюм. На этот

раз сил сопротивляться у девочки не было, и она молча, ещё не отойдя от болевого шока, волоклась за первым помощником. Перед глазами мелькал бесконечный простор с тёмными водами бескрайнего моря. Если бы Кама увидела его раньше, в то время, когда они вместе с Оби проводили своё свободное время, резвясь в окрестностях Тиабата, то её восторг невозможно было бы описать словами, но сейчас... Сейчас Каменное море представлялось для юной Бадд лишь глиняным стаканом с эмоциями восхищения, стоящим в огромном котле, с кипящими бедами мира.

После того как рабыню бросили в клетку, она слышала крики тех, за кем пришёл Геккель, а также стоны людей, которых он возвращал обратно.

“Если это преисподняя, о которой мне рассказывала мама, то почему я попала сюда? За что?”

Слёзы лились ручьём из глаз, не было сил орать или даже скулить. Желание жить дальше медленно угасало.

— Не сдавайся так быстро, крошка. — произнёс Сион из соседней клетки. — Как только сдашься, последняя надежда на возвращение прошлой жизни будет потеряна. Неужели все дела в этой жизни у тебя уже закончены?

Камалия в ответ не могла произнести даже слова. Разум девушки был в тумане и мало-помалу её одолевал сон.

Следующие несколько дней девочка лежала на влажном полу своей клетки. Пустой взгляд её глаз, лишь иногда подавали признаки жизни. Сиону даже показалось, что она пыталась не дышать, но у неё ничего не вышло. Разум не позволял совершить самоубийство так легко. Шрам от ожога начал заживать и только лёгкое покалывание на пояснице напоминало о клейме.

На палубе же матросы наслаждались жизнью. Игры у них были самые разные, начиная с борьбы и ставками на победителя, заканчивая азартной игрой в кости.

— Ты продул, Геккель! — смеялся удачливый матрос в лицо первого помощника.

— Твоя удача помогает тебе только с игрой в кости, Патрик. — здоровяк был явно недоволен очередным проигрышем, а его руки то и дело тянулись к ножам, висевшим на разных частях его одежды. — Если бы не приказ капитана, я бы давно тебя отправил на корм рыбам.

— Не сердись так, Гек. Не повезло в игре, повезёт в любв... — быстрое движение и короткий клинок уже торчал из глаза удачливого матроса.

— Только капитан может меня так называть. — медленно проговорил первый помощник и посмотрел в глаза стоявшим вокруг матросам. — Всем понятно?!

— Да, Геккель! — закивали мужчины на палубе.

— Закончили на сегодня с играми. И уберите Патрика к рыбкам.

— ГЕККЕЛЬ! — Жарго орал как ненормальный. — Ты какого чёрта убил ещё одного матроса?! Ты думаешь они размножаются почкованием прямо на корабле?!

— Нет, кэп. Извини. Не сдержался.

— Не сдержался он. Твои ножи от тебя прятать надо, как только ты на борт «Призрака» поднимаешься. Иди на мачту сядь, за горизонтом следи. И подумай сколько твоя баранья башка могла бы приносить пользы, если бы ты работал головой почаще.

Мясистый верзила полез на мачту и половину дня его не было слышно — пока не начался шторм.

Рулевой еле удерживал штурвал. Сверкали молнии, вспышки от которых были видны

даже в трюме. Ливень шёл такой, что море было видно только на несколько метров за борт. Волны били в корабль одна за одной, возвышаясь над водной гладью словно пасти огромных змей, пожирающих друг друга. Со всех сторон на корабль напирал водный вал. Капитан Жарго орал, что-то неразборчивое, а из нижнего трюма доносились крики какого-то матроса о треснувшем форе. Камалию кидало от стенки к стенке, оставляя синяки и ссадины после ударов о металлические прутья клетки. Девочка ничего не ела после того, как её прижгли рабским клеймом. Сил держаться за прутья, как это делали остальные узники, у Камы не было, но тонкая рука обхватила девочку после очередного удара о решётку.

— Сион... — простонала маленькая Бадд.

— Держись за меня или я не удержу. — раб просунул вторую руку между прутьев и обхватил девочку за талию с другой стороны. — Ты совсем ничего не ела, вот и сил нет. А ведь ты должна выжить. У тебя вся жизнь впереди, малышка.

— Ты слишком добрый... — прошипела Камалия и ухватилась за его немощные руки похожие на ветки умирающего дерева.

Шторм начинал стихать и несколько матросов, возглавляемых Геккелем, спустились к кильсону, чтобы осмотреть повреждённые в шторм части корабля. Кама даже услышала новые для себя слова с нижнего уровня.

“Даже папа так не выражался, когда я вместо яблока дала ему дикого лука.” — начала успокаиваться девочка вместе с погодой, что яркими лучами солнца ознаменовала конец бури.

Спустя ещё неделю плавания Геккель убил ещё одного матроса, из-за чего окончательно пал в немилость капитана Жарго. Было ясно, что работорговец избавится от своего первого помощника при первой же возможности. За эту неделю Камалия попыталась отъесться и набраться сил. Делала стандартные упражнения своей утренней зарядки и пыталась отрабатывать серии ударов из джуры в узкой клетке. Сион вставлял свои комментарии о том, что вообще не понимает как Кама оказалась в таком положении. На что девочка протестно отвечала фразой, которую часто произносил Ганджи Бадд своей жене, когда та начинала бытовые разборки.

— Это не мы такие, это жизнь такая. — в очередной раз произнося злосчастную фразу, кривила уголком рта Камалия.

— То, что жизнь то такая, это ясно... — задумался раб. — А вот каким местом она к тебе повернулась, что ты здесь оказалась? Вот этот вопрос вполне хороший.

— Всем известным местом.

— Не скажи... Не скажи... Ведь как говорил один мудрец. Всё, что не делается с нами в жизни, всё к лучшему.

— Я не согласна с этим “мудрецом”. Но я отсюда выберусь и когда я выйду, то освобожу и тебя, Сион.

— Ох... Бежала бы ты побыстрее домой, если тебе удастся сбежать... — сказал дружелюбный раб и с задумчивым лицом повернулся к стене.

Седые волосы старика спускались до плеч и Камалия увидела на них несколько маленьких косичек, что были продеты через один и более разноцветных камней. Камни переливались, но почему-то вызывали некую грусть.

— Можно тебя спросить? — Кама подползла к решётке разделяющей камеры. — Что у тебя за косички с камнями в волосах? Это что-то значит или просто украшение?

— Это на удачу...

— Что-то не сильно помогает.

— Как сказать... — произнёс старый раб и провёл по своим грязным от пота и крови волосам. — У моего племени есть традиция, мы заплетаем по одной маленькой косичке за каждый раз, когда должны были умереть.

Камалия начала считать косички и перестала после двадцатой.

— Тебя слишком часто спасала богиня...

— Поэтому я и не боюсь смерти, ведь никто не бессмертен и довольно часто я отсрочивал неизбежность.

— Можно я тоже буду следовать традиции вашего племени?

— Хаха... А кто сможет тебе помешать? Старый дряхлый раб? Ахах... Надеюсь у тебя будет намного меньше косичек, чем у старика Сиона... Кх-кх...

Кашель мужчины вызвал лишь ещё большую грусть, но тоску прервал крик с палубы:

— ТУМАН! — закричал человек, сидевший на мачте.

— Мы на месте! — крикнул капитан и заменил собой рулевого. — Пол паруса! Распределитесь по бортам и смотрите в оба глаза! В этой бухте полно скал, торчащих из воды.

Матросы скрутили половину парусов, отвечающих за скорость судна и разошлись по бортам ближе к носу корабля, выискивая в тёмной глади бухты злосчастные каменные копыя. А корабль лишь издавал лёгкий треск, разносившийся сквозь тишину в тумане.

— Много кораблей здесь разбилось... — прошептал сам для себя Жарго, слегка поправляя штурвал корабля и направляя его по течению бухты.

Языки пламени вздымались навстречу ночному небу, а дым от погребальных костров таял и растворялся во тьме дикого леса, окружающего деревню Торгейн. Молодая девушка лежала лицом вверх, держа в руках орудие своей смерти и, казалось, даже огонь не смел портить её местами ещё детское лицо.

— Как она умерла? — Ганджи Бадд стоял поодаль рядом с человеком, временно исполняющим обязанности старосты деревни.

— Атаман пронзил её грудь копьём. Мгновенная смерть. Думаю, даже не успела ничего понять.

— Нужно доложить о смерти молодого листа и о нападении Алатаса в ближайшую к нам крепость.

— Мы уже отправили воронов, но, боюсь, ответа будем ждать слишком долго. — мужчине поднесли какой-то кровавый свёрток ткани и тот сразу протянул его Бадду. — Это правая рука Алатаса. Наш командир смог выстрелить стрелой солнца, даже лишившись своей руки.

— Хах... Другого от вашего командира я и не ожидал! — Ганджи взял свёрток ткани и поднёс ближе к носу. Мерзкий запах алкоголя, табака, мужского пота, который, словно рекой стекал по телу этого озлобленного на весь мир, дегенерата. — Там ещё должен был быть парень, Оби Эмек. Что с ним?

— Несколько сломанных рёбер, множество ушибов и рана, после которой скорее всего останется шрам на левой стороне лица. Очень похоже, что Ваши подопечные прорывались к нам через бой с ягуаром, это его отметина.

— Понятно... Значит жить будет.

— Как только он поправится, мы отправим его с торговым караваном на Тиабат.

— Благодарю.

— Благодарить нас не за что. Вашу дочь, командир, мы так и не смогли спасти. Этот отморозок, Алатас, слишком быстро слинял из деревни.

— Благодарю, что смогли сделать даже то, что сделали. Изая жив и даже смог отправить несколько воронов, только жаль, что его выстрелы не смогут больше прикрыть мне спину. Его помощь в этом деле мне бы не помешала.

— Десятник Вимур сейчас спит и восстанавливается. Прошу простить нас за то, что не можем Вас к нему пустить. Его сын, Зак, и местный жрец стараются оказать ему посильную помощь. — заместитель старосты, пожилой мужчина с длинной седой бородой, повернулся к Ганджи и заглянул тому глубоко в его янтарные глаза, стараясь уцепиться в них за что-то приземлённое, что-то всё ещё цепляющееся за этот мир. — Прошу простить меня, анхель, но разрешите высказаться?

Ганджи Бадд взглянул на него протерев глаза кончиками пальцев.

— Я уже давно не анхель, друг.

— Вы ошибаетесь! По законам рантаров Вы всё ещё командир рантарского полка, пускай отчасти и расформированного. Вам нельзя совершать необдуманных действий!

— Моя дочь в опасности!

— Я понимаю Ваши опасения, но...

— Не понимаете! — сильной хваткой Тигр Юга взял за грудки заместителя старосты и прижал к себе настолько близко, что они ударились лбами, а глаза только что спокойного мужчины исказились непередаваемым страхом. — Вы не понимаете! Если с ней что-то случится... Если я не смогу спасти собственную дочь! Какой же я после этого анхель рантаров?! Какой же я после этого отец?!

Глава 9. Адаид

В штормовом небе, за тремя огромными скалами, что возвышались над водой словно головы огромных волков. Виднелись высокие стены древнего города. Корабль начинало кидать из стороны в сторону, словно куклу. Морские дочери Природы, сирены, не могли поделить между собой новую игрушку. Водные потоки смешивались и закручивались, образуя жуткие очертания водоворотов, до центра которых не доходил свет. Со стороны казалось, что сама бездна раскрыла свои врата перед незванными гостями. Штурвал «Призрака» удерживало трое людей во главе с капитаном Жарго, что стоял в центре и твёрдо удерживал рулевое управление, лишь по ему одному ведомому курсу.

— Это Врата Цербера! Он нас не пропускает! — паника одного из матросов взяла верх над страхом умереть от руки первого помощника. — Он нас проглотит! Мы все станем его едой! — обезумевший моряк носился от одного человека к другому, хватая их за ворот или за руки, пока одна из волн не забрала его с собой в морскую пучину.

— Одного ему хватит! Аха-ха! — Жарго не часто приходилось бывать в этом месте и каждый раз, эти жуткие оскалы волков-гигантов, будто бы сводили с ума какого-нибудь самого слабого духом матроса. Судно проходило по краям водоворотов, и начало плавно огигать центральную голову Цербера, насытившегося очередной мерзкой и трусливой душонкой.

Когда ужасающий страж города остался позади и вой воды перестал терзать слух смертных, впереди начали предстать величественные стены города-крепости Адаид. Чья история осады ни разу не была омрачена новостью о его взятии. Оборонительные башни из тёмного, почти чёрного в сумраке, гранита уходили высоко за облака, и множество пар глаз дозорных сопровождали прибывший корабль работорговцев.

В том направлении, куда двигался «Призрак», меж стен, виднелась огромная арка, рассчитанная на проход кораблей, сильно превышающих по размеру рабовладельческий шлюп. По краям прохода висело множество огромных цепей, созданных чтобы остановить полномасштабное морское наступление любой из крупнейших стран континента, но в данный момент эти цепи были опущены глубоко в воду и не представляли опасности для прибытия новой партии рабов.

— Харон... — тихое приветствие с поклоном от Жарго и вот уже несколько человек кидали монеты прямо в водную гладь хранителя города.

Причал для кораблей поразил бы любого моряка своими масштабами. Словно высеченная из скалы, длинная платформа встречала у себя множество судов с разных частей континента. Здесь стояли корабли всевозможных форм и размеров, а расцветка парусов многое могла рассказать о владельцах своих судов. Жарго даже сглотнул слюну, когда увидел пришвартованный фрегат империи Эйдос, что был окрашен в белый цвет с синей линией вдоль всего корпуса судна. Его парус был и вовсе тёмно-синего цвета с золотым листом клёна по середине.

— А эйды что здесь забыли? — сказал кто-то из матросов.

«Призрак» плавно проходил вдоль всей стоянки судов, пока не начал швартовку у место отмеченного белым флагом.

— Геккель! Бери пятерых людей и начинайте доставать рабов из трюма. Поведём их караваном по второму маршруту. Девчонку накройте чем-нибудь. Тёмная королева будет не

рада торговле детьми.

Когда Камалию вывели на свет факелов, её взгляду предстал, потрясающий её воображение, вид. Чёрные стены вокруг города будто вырастали из скал и уходили так высоко, что высота Тиабата показалась уже не столь величественной как раньше, но когда Кама повернула голову в сторону широкой горной пристани и дороги ведущей в город, то её рот ненароком открылся. В сумраке виднелось очертание тысяч каменных построек, из труб которых выходил сизый дым, сливаясь с ночным туманом, а в центре, возвышаясь словно господин над своими подданными, выросал бастион. Множество мостов вело к нему, но большая часть из них уже были обрушены или разобраны. Огромная крыша в форме широкой каменной ели накрывала бастион сверху, словно щитом, закрывая правителя города от света солнца.

— Пошевеливайся малявка! — Геккель подтолкнул юную Бадд по трапу вниз и, сковав её одной цепью с остальными рабами, накинул на неё плащ.

Девочка начинала привыкать к подобному обращению. Словно маленький котёнок она могла лишь огрызаться, шипеть и показывать свои клыки обидчикам, но не более того.

Судя по зданиям и количеству времени, что должно было уйти на постройку всего города, даже маленькой девочке становилось понятно — этот город с очень древней историей, по сравнению с которой её жизнь лишь искра из огромного многовекового костра Адаида. Широкая дорога выходила на огромную площадь, вымощенную гранитной брусчаткой. А в центре площади же возвышалась пышная высокая малахитового оттенка ель, возвышающаяся над всеми зданиями вокруг площади.

На площади собралось множество людей разного сорта: наёмники, торговцы, полураздетые девушки и женщины, матросы со стоявших в гавани судов. Среди них выделялось четверо мужчин, направляющихся к вечнозелённому дереву, одетых в кожаные доспехи с пришитыми к ним стальными пластинами. Между ними уверенно шагал лысый покрытый морщинами мужчина с козьей бородкой и густыми бровями, его глаз не было видно в сумраке туманного вечера, а под веками были нанесены толстым слоем чёрные тени. С его пояса свисала оголённая сабля, и там же виднелось несколько разной формы кинжалов. Тело хоть и было худым, но отличалось отлично развитой мускулатурой, а часть плеч и груди была покрыта татуировками с изображением ветвей хвойного дерева.

Мужчина с сопровождением подошёл к мощному стволу ели, к которому был привязан человек. Посмотрев ему в глаза, он плюнул перед ним на землю, выказывая своё неуважение пленнику. Воины козлобородого окружили дерево и повернулись лицом к галдящей толпе. Оратор же, разведя руки в стороны, обратился к населению города-крепости.

— Все вы знаете, что недавно группа матросов во главе с этим капитаном напала на ближайший к нам форт Эйдоса, «Сонм Зверя», чем нарушили наш с эйдами договор с ненападением. Солдатам империи удалось перебить большую часть нарушителей, но остальным повезло скрыться с этим мерзавцем! — козлобородый повернулся к пленнику и взял его за мощный подбородок. — Роберт Яз! Расскажи нам, что заставило тебя — лучшего рулевого из тех, что я знаю, нарушить договор между тёмной королевой и лордом-защитником «Сонма Зверя»? Ты же прекрасно знал о последствиях!

— Да пошёл ты, Хейч! — кровавый плевок из разбитого лица попал оратору на татуированную грудь. — Да пошли вы все! Слабаки! Труссы! Дом Ели стал слабым! И вы, вы все! Сдохните вместе с ним! И в особенности ваша грёбаная королева, дельфин ей в русло!

Остриё клинка в мгновение ока оказалось возле глаза пока ещё живого пленника и

медленно начало входить в глазное яблоко под дикие крики Роберта Яза.

— Не смей оскорблять королеву в моём присутствии, червь! — Хейч, кажется, разозлился не на шутку и еле сдерживал себя, чтобы не закончить это представление немедленно. — Ты не стоишь даже одного её взгляда, не говоря об остальном...

Недовольный представитель местной власти сорвал одну из иголок ели, длинной около одного пальца, и, повертев её в руках, вонзил в грудь пленника, вызвав у того очередной крик.

— Казнь называется «Еловый ёж»!

Он начал срывать иголку за иголкой с веток дерева и вгонять их до упора в тело провинившегося. Камалия несколько раз хотела отвернуть голову, но Геккель схватил её за подбородок и заставлял наблюдать за всем представлением, кривя свой гадкий рот в ухмылке.

— Посмотрели и хватит! — жирная харя Жарго растянулась в слащавой улыбке от созерцания ужаса на лицах рабов. — Если попробуете сбежать, то эта смерть вам покажется лёгкой.

Работорговец повёл свой караван дальше через город под светом алых фонарей. С каждым шагом к горлу девочки подступал тяжёлый ком. Её разноцветные глаза привлекали взгляды проходящих мимо мужчин и женщин, позволяющих себе разнообразные нецензурные высказывания в её направлении. Пройдя почти весь город и петляя по узким переулкам между сложенных из камней домов, вереница не то людей, не то животных подошла к огромному зданию, построенному из крупных обработанных камней, имеющих дополнительный каркас в виде обчищенных брёвен, с вырезанной снизу информацией для продавцов и покупателей рабовладельческого аукциона.

Камалия стояла за высокой и длинной ширмой, скрывающей её от покупателей. Зал освещался множеством факелов, висящих на стенах, а на сцене стояли широкие железные блюда с горящим в них маслом. В зале был слышен смех и гомон взрослых мужчин и вскрикивания молодых представительниц древней профессии. Запах тлеющей травы с примесью каких-то едких ароматов резал чуткий нос юной рабыни. Ожог от рабской метки на спине уже не болел, но тем не менее, Камалия поглаживала его рукой, дотрагиваясь до затвердевших слоёв восстанавливающейся кожи.

Перед тем как поставить товар за ширму на сцене, её отмыли здешние служанки, которые, видимо, находились здесь с возраста Камалии. Вместо тех грязных обвязок, что были на ней с Тиабата, на неё надели чистую белую хлопковую рубаху до колен. Кама пару раз пыталась сбежать, но все двери оказались заперты, и в узком помещении она ничего не смогла противопоставить вооружённым стражникам.

“Эти воины не те олухи, что были под руководством Алатаса. Если бы им приказали меня убить, то зарубили бы и не повели носом.”

Распущенные короткие волосы, свисающие до подбородка, зачесали назад, дабы показать разного цвета глаза и красивое загорелое лицо молодой рабыни, но Кама всё равно стряхивала их вперёд, выводя из себя здешнюю прислугу. Тем временем на сцену вышел Жарго, одев на голову оранжевый тюрбан, в цвет своему новому халату.

— Господа и дамы! Из далёкой Гринтерры, из этой страны прошлого, из страны Д’Видеонов я привёз вам новый товар. Множество препятствий стояло на моём пути к вам, но, как и всегда, я не мог подвести своих любимых покупателей! — работорговец выводил на

сцену раба за рабом, но те живые мертвецы, что плыли с Камалией в соседних клетках не смогли собрать должного количества денег, и это всё больше становилось заметно по голосу жирного продавца. Дело дошло и до Сиона. Этот старый раб оказывается знал наречия южных островов, что находились южнее Каменного моря. Его купила какая-то женщина. Странно, но после её окрика о повышении цены, больше никто не захотел перебивать эту ставку.

— Последний лот на сегодня, изюминка моего похода, вишенка на торт сегодняшнего аукциона! — Жарго начал обтекать холодным потом. Она была здесь. Тёмная королева собственной персоной посетила его аукцион. Любой торговец бы обрадовался подобной чести, но не тот, кому уже не единожды делали предупреждение за нарушение правил Великого дома Ели. Глава города уже знала о девочке и скрывать её было уже бесполезно. Камалию вывели на сцену, закованную в кандалы по рукам и ногам, и поставили рядом с работорговцем. — На вид девочке около одиннадцати лет, отлично сложена, редкий цвет волос из сочетания рыже-красного и чёрного, а также обратите внимание на её глаза, такое случается крайне редко. Правый глаз голубого цвета, а левый отликает расплавленным золотом. Эта рабыня имеет знак гепарда, один из редчайших знаков континента. Первая ставка — тысяча серебряных! — Жарго закончил представление рабыни, а гул в зале вырос в разы, Кама определённо произвела впечатление на здешнюю фауну.

— Тысяча сто!

— Тысяча четыреста пятьдесят!

— Тысяча пятьсот!

— Две тысячи серебряных! — довольно громко произнесла женщина лет шестидесяти с длинной курительной трубкой во рту. Она была хороша собой: её халат был из тонкого тёмно-зелёного шёлка и слегка сползал вниз, оголяя бледные плечи, длинные волосы, сдерживаемые нефритовой заколкой, не смотря на возраст женщины, были чёрными как смоль, а ухоженное лицо и дикий взгляд тёмных янтарных глаз с маленькими вертикальными зрачками с лёгкой заинтересованностью был направлен прямо на Камалию.

— Две тысячи сто! — руку поднял мужчина с зачёсанными назад белыми волосами. Он пил из глиняного стакана фруктовый ликёр; Камалия почувствовала знакомый сладковатый аромат. Мужчине было около сорока лет, а сидел он словно аристократ. Рядом с ним был мальчик примерно того же возраста, что и Кама, и всеми силами старался не смотреть на сцену. Мужчина окинул зал взглядом и, не услышав других ставок, решил подняться и забрать свой товар. Подойдя к юной рабыне, что стояла на сцене, он схватил её за цепи на руках и потянул к себе.

Кама среагировала молниеносно: оттолкнувшись от деревянного настила сцены, она быстро закинула ноги на шею своему покупателю. Мужчина хотел было перехватить её за лодыжки, но юная рабыня тут же обхватила цепью его шею и начала её натягивать. Жарго не ожидал такого стечения обстоятельств и, схватив плётку, что всегда висела у него на поясе, начал хлестать распоясавшуюся девку. Когда неудачливый покупатель начал уже задыхаться, не имея возможности вырваться из смертельных объятий сильных ног девочки, женщина, что всё это время мирно сидела, куря трубку с табачной смесью, сорвалась с места. В один прыжок она оказалась рядом с Камалией и, схватила девочку за горло, немного сжала свои костлявые пальцы. Нажатия хватило, чтобы Кама отпустила свою жертву и начала терять сознание.

— Я предупреждала тебя Жарго! Торговля детьми в моём городе запрещена, тем более такими дикими гринтерками как эта. — женщина держала обмякшую рабыню на вытянутой руке, продолжая выпускать едкий дым сухой травы. — А ты, Нурмурот, решил перекупить у своей тёти её товар?!

Мужчина начал медленно подниматься, сильно откашливаясь и бросая недовольный взгляд на властную женщину.

— Коджи... Кх-кх... Ты, как и всегда перегибаете.

— Ты уступишь её мне. — улыбнулась женщина, взглянув на племянника, и кинула Камалию одному из своих людей. — Отнеси её ко мне в кабинет и сними кандалы! — затем, повернув голову к работорговцу и до конца выдохнув, накопившийся в лёгких, дым, произнесла. — Моё терпение кончилось Жарго, утром тебя не должно быть в городе или пеняй на себя.

— Я продал её господину Нурмуроту за две тысячи сто! — дрожащим голосом проговорил лысый, потеющий от страха толстяк, в след уходящей королеве, и та лишь с лёгкой ухмылкой откинула голову на бок.

— А я называла две тысячи серебряных и, думаю, тебе этого хватит, чтобы уйти живым. Не испытывай моё терпение.

Жарго чуть не провалился сквозь сцену от такого унижения на глазах у стольких людей, но ему нечего было противопоставить. Аукцион закончился немедленно.

Камалия очнулась в комнате с бамбуковыми стенами и тёмно-бардовыми занавесками. У неё болела голова, а горло всё ещё чувствовало прикосновение той жуткой женщины. Кама лежала на зелёном диване из резного тёмного дерева с вышитыми узорами на мягкой части, и осматривала хоромы, в которых оказалась, всё больше изумляясь миру за пределами окрестностей Тиабата. В комнате было много резной деревянной мебели: письменный стол, стулья вокруг него, шкафы с книгами и комоды, ширма и большая кровать, стоящая за большими занавесками в углублении стены. Девочка встала и начала осматривать богатую обстановку. Она никогда не видела ничего подобного, но больше всего её внимание привлекло количество книг в шкафу. У неё дома их было всего штук пять, но здесь, в столь огромном собрании, одна из них привлекла больше всего внимания. Большая толстая книга в красной кожаной обложке с надписью «*Великие и малые дома континента*». Взяв книгу с полки, Камалия уселась обратно на диван и начала листать. Окон в комнате не было, а бежать через дверь не было смысла, у двери стоял охранник, чей резкий запах изо рта девочка могла бы учуять и за десять верст. В книге были описаны все известные дома континента, был там и Дом Орешника, к которому относилась Кама. В описании было

написано одно слово «Справедливость».

“Мда... Только вот где же эта справедливость?”

Гербом дома были, как ни странно, два дерева, кроны которых сплелись сверху, образуя арку, в которой находилась связка из трёх орешков, средний из которых был расколот пополам.

— Знакомые деревья. Кажется, это они растут при входе в нашу деревню. — Кама листала страницу за страницей и наконец нашла то, что искала. Название гласило — «Великий дом Ели», а снизу красовался герб с изображением одноименного дерева. В описании же было написано:

«Этот дом контролирует весь преступный мир континента, ни одна крупная торговая сделка не может обойтись без участия этого великого дома, ни один крупный пиратский рейд не может обойтись без согласия на то Великого дома Ели. Не смотря на чёрный статус, этот дом считается великим, поскольку область жизни, что он контролирует, играет огромную роль на политической арене континента. Не стоит забывать о истории его создания, когда род Ренней взял главенство над городом-тюрьмой Адаид, а затем подчинил своей воле и остальные. Именно с того момента вся тёмная сторона мира стала подвластна лишь тёмному роду Ренней. А не контролируемая, до того момента, криминальная сторона крупных городов по-настоящему начала бояться лишь этого дома.»

Камалия закрыла книгу и поставила её на место. У девочки болела спина от ударов того работорговца, но она всё равно решила размяться на мягком ковре.

“Значит эта женщина из Дома Ели. Зовут её, Коджи и она страшно сильна. Стоит быть с ней настороже. Она явно не последний человек в этом городе, если не в мире.”

Замок в комнату начал проворачиваться, и дверная ручка повернулась. В комнату зашёл тот самый козлобородый мужчина, что был на площади и казнил пленника — Хейч.

— Ты! — указал он пальцем на, от ужаса вжавшуюся в диван, Камалию. — Иди сюда и без фокусов!

Хейч вытолкнул рабыню из комнаты. И не имея желанья злить такого человека, Кама шла вперёд подталкиваемая лысым мужчиной. На вид ему было около пятидесяти лет. Сухой поджарый торс оголял его рёбра, но под бледной кожей всё равно виднелись плеяды мышц, внушающих Камалию уважение.

“Довести своё тело до такого идеального состояния? Этот Хейч должно быть сильный воин.”

Петляя каменными коридорами, они в конце концов вышли в большое шумное помещение, заполненное людьми всех сортов. Здесь были богатые торговцы и попрошайки, наёмники и проститутки, пираты и солдаты в синих мундирах. Люди стояли в несколько ярусов на разных этажах, окружая высокую клетку, возвышающуюся над бойцовой ямой, внутри которой дрались подростки. Зрители брызгали слюной и напитками, разнообразие запахов сбивало Камалию с толку, но, похоже, всем здесь было плевать на местные ароматы и контингент, люди пришли сюда придаваться своим самым низменным чувствам. Проведя девочку сквозь всю эту толпу на один из этажей, связанных лестницами. Хейч подвёл юную рабыню ко входу в комнату, одна из стенок которой выходила на решётку арены.

— Заходи и веди себя прилично с госпожой Ренней! — Хейч отворил рукой дверь и подтолкнул Каму во внутрь.

Коджи Ренней, также известная как тёмная королева, сидела, развалившись на красном бархатистом диване, попивая алкогольный напиток кровавого цвета из стеклянного бокала.

Раздваивающийся язык изредка облизывал края стеклянного изделия, чем вызывал неоднозначную реакцию у наблюдающей за этим Камалией.

— Оу! — женщина явно обрадовалась приведённой рабыне. — Ты произвела на меня настоящий фурор. Первый раз вижу такой дикий нрав у простой рабыни из Гринтерры!

— Я — не рабыня!

— Конечно-конечно... Только вот метка на твоей пояснице говорит обратное. — Коджи налила из бутылки странный напиток во второй бокал и протянула девочке. — Держи и расслабься. Теперь ты моя игрушка и я остаюсь в праве убить тебя в любой момент. — В янтарных глазах черноволосой женщины читалось, что она не лжёт, она действительно была готова убить свою новую игрушку, не задумываясь ни на минуту. И Камалия быстро выхватила странный стеклянный стакан, в одно мгновение опустошив его до дна.

— Ты поэтому схватила меня за горло тогда, на аукционе?

— А ты думала, что все остальные спустят тебе с рук такую выходку? Могу отдать обратно, узнаешь, что бы могло быть. — увидев, что девочка замялась и поджала губы, королева решила продолжить. — Если ты до сих пор не догадалась, то я всё-таки представлюсь: глава Великого дома Ели, Коджи Ренней! — сделав ударение на своём имени, властная женщина подмигнула Камалии и, не дав ответить, продолжила. — Если ты станешь чемпионкой на этой арене, то я сотру твою метку рабыни навсегда. Тебя ведь устроит такой вариант?

Глава 10. Старый знакомый

Никогда ещё ему не было так страшно, как сейчас. Ганджи Бадд взял коня, что дети так опрометчиво оставили в лесу неподалёку, и скакал на нём без остановок по саванне, придерживая свой двуручный меч на поясе. Любой скакун давно бы уже выдохся, но рантары умели вливать в своих лошадей живую и те могли бежать множество дней, лишь иногда подкармливаясь на редких стоянках. След своего бывшего сотника Ганджи взял с оторванной руки и уже понимал, что должен прийти в Порт-о-Сент. После прилетевшего ворона, оставив Эобара охранять Деревню Орешника, Ганджи через пару дней непрерывного движения был уже в деревне Торгейн.

“Победить Изаю Вимура с его отрядом лучников честным путём у Алатаса не было ни

шанса, но всё же он как-то смог это сделать. Изая, будто сквозь сон, сказал беречься от дыма без запаха гари. Астромариновая пыль — лишь она могла сделать беспомощным даже обладателя пятой стадии анимы, но откуда этот придурок мог взять такую редчайшую вещь. Даже мой меч стоит целое состояние, хоть и содержит лишь на очень малую часть этот редкий металл. Как так совпало? Как совпала тренировка юных воинов наших деревень с нападением на Торгейн?”

Не теряя ни секунды Ганджи выбежал из деревни-пропасти по запаху бывшего подчинённого, оторванная рука стала отличным способом взять след этого ублюдка.

“Я тебя на куски порву, сукин сын!”

Светило полуденное солнце, а саванна заканчивалась и вдалеке стало видно Каменное море. Ганджи был уже измождён. Он не мог есть, еда просто не лезла ему в рот. А воду срочно нужно было заменить чем-то покрепче. Среди скал на берегу он заметил множество столбов дыма с запахом горелого мяса и подогнал коня бежать быстрее. Но конь устал не меньше, чем его наездник и потоки живы уже не могли перебороть накопившуюся усталость. На большой скорости передняя нога скакуна задела небольшой камень, лежащий на пути у сумасшедшей погони, и подвернулась. Дальше его голова полетела вниз, переламывая шейные позвонки о твёрдую землю, а с седла полетел всадник, кто, как и конь, не смог избежать столкновения с твердью. Скакуна перекинуло через голову, окончательно переламывая шею, и его дыхание стихло. Ганджи поднялся на ноги и взглянул на своего друга, служившего ему верой и правдой уже очень много лет. Останавливать погоню для его похорон не было времени и старший Бадд просто поцеловал того в запылённый саванной лоб.

— Спи спокойно, мой друг. Твоя дань жизни не будет забыта.

И бывший анхель рантаров, отряхнувшись, продолжил бег в направлении чёрных столбов дыма, принадлежащих знакомому поселению негодяев.

Порт-о-Сент был укреплён пуце прежнего. Высокий забор из толстых брёвен с большими крепкими воротами несколько метров в высоту. Когда полк рантаров патрулировал эти земли, то это поселение каждый раз разносилось ими в щепки, из-за проводившихся сделок работорговцев и продаже частей тела различных редких зверей, что в избытке водились в этих окрестностях. Но в этот раз поселение выглядело значительно фундаментальнее, а на флагштоке развевался флаг Эйдоса: золотой кленовый лист с тремя чёрными лилиями на нём.

“Ха-ха... Пираты испытывают судьбу или решили, что эйды спустят им это с рук?”

Безумие овладевало человеком, чью силу когда-то признавал весь континент, и его решение не заставило себя ждать. Ганджи с каждым вдохом постепенно наполнял тело природной энергией и поднимал свою стадию анимы с четвёртой, на которой он вёл преследование, до пятой. Тату на руке багровело, подобно раскалённому железу, и начало испускать клубы алого пара. Сила анимы тигра вышла на пик. Часовые на сторожевых вышках даже не успели среагировать на внезапное появление противника. Один удар ногой и ворота разлетелись в стороны, разнося в щепки, державший их засов.

— Готовы сдохнуть?! — Освобождая клинок от ножен, произнёс бывший анхель рантаров, носивший легендарное прозвище, данное ему в молодости — Тигр Юга.

Солдаты в синих мундирах, что стояли у ворот, разлетелись словно тряпичные куклы и упали замертво. Зазвонил сигнальный колокол, оповещая всех в портовом поселении о нападении неприятеля.

— Я вас не трогал! Думал хватит мозгов не соваться в мои владения! Видимо ошибся...

— ОГОНЬ!!! — скомандовал кто-то из командиров.

— Где вы взяли мундиры и флаг Эйдоса, уроды?! — уворачиваясь от свинцовых пуль, Ганджи становился в глазах солдат армии Эйдоса настоящим чудовищем. Кто-то из них бросился убежать, но был настигнут камнем, брошенным ему в голову. — И это вы то разбойники и пираты?! Даже если вы и правда эйды, то точно причастны к похищению Камалии. Решились отомстить за принца? Кучки говна стоят больше, чем все ваши поганые душонки!

Ганджи умело орудовал двуручным клинком, рассекая людей пополам. Кулаками и ногами он переламывал кости, бегущим на него со штык-ножами, солдатам. Его белая сорочка окрасилась в кроваво-красный цвет, а лицо со стекающей по нему кровью источало неистовство. Разлетающиеся от смертельного урагана, плоть и кишки раскидывало в разные стороны. Стены зданий буквально разрезал клинок, рассекая вместе с ними и тех, кто прятался за ними. Волосы, окрашенные в цвет заката и источающая алый пар рука с тату тигра, внушали звериный ужас во всех солдат, которые, исполняя приказ выбегали на бой с неприятелем и тут же погибали от рук жуткого монстра, про которого им с детства рассказывали ужасающие истории. Если бы кто-то знал, что когда-нибудь этим мальчишкам, поступившим на службу в армию Эйдоса совсем недавно, придётся столкнуться со своим детским кошмаром, никто из них не дал бы присяги императору и не отправился в последнее путешествие на берега Гринтерры.

Ганджи схватили за плечо из-за спины, но Бадд ударил кулаком почти наугад, развернувшись и вложив в руку как можно больше силы, чтобы не оставить от смельчака и мокрого места. Звуковая волна заложила уши рядом стоящих солдат, а удар сопровождался лёгким скрежетом металла.

— БАДД!!! Совсем из ума выжил?! Это солдаты флотилии Эйдоса!!! — Крик мужчины с металлическим протезом вместо руки остановил бойню обезумевшего отца. — Остановись! Мы тебе не враги! У Эйдоса и Гринтерры перемирие вот уже одиннадцать лет!

— Адмирал Акамир? — рука Ганджи затряслась от нервного напряжения и вышла из захвата крупного мужчины с анимой белого медведя. Седой старик был выше анхеля рантаров на целую голову, с широкими плечами и мощным торсом. Несмотря на преклонный возраст, он был в отличной физической форме. Будто вытесанное из камня лицо было серьёзным и по-военному строгим, на нём было множество шрамов былых времён. Седые волосы и короткая белая борода, синий офицерский мундир и полный протез правой руки, в котором крутилось множество шестерёнок и двигались поршни. Природная энергия, накопленная Ганджи, поглощалась этой рукой с невероятной скоростью.

“Астромарин!” — пронеслось в голове бывшего анхеля.

— Ты обезумел, воевода, но вижу рассудок ещё сохранился в твоей дурной башке. — адмиральский басистый голос заставил Бадда опустить клинок вниз. — Все! Опусти ружья! Я сам разберусь!

— Адмирал... Что ты... Что ты здесь делаешь? — силы были на исходе, и Ганджи опёрся на меч. Он знал этого командира эйдов и когда-то им даже пришлось биться плечом к плечу, утихомиривая восстание южных островов.

— Задание у нас здесь, дурная ты башка. А ты мне тут головную боль добавляешь. Как, по-твоему, мне объяснять семьям погибших от твоей руки сынков, что произошло. Думаешь, можно вот так просто вломиться в военный лагерь, порубить целый взвод наших солдат и

выйти невредимым?

— Я виноват...

— Конечно виноват. Но судя по твоим горюющим глазам, у тебя была какая-то причина.

— Акамир... Мою дочь... Её украли... Камалию украли... — Ганджи никогда ещё не казался таким беспомощным. Слёзы проступили на его лице, обнажая истинные отцовские чувства.

Лёгкий морской бриз заставлял волны покачивать адмиральский фрегат. Корпус издавал неприятный скрип и разносился эхом по внутренним помещениям судна. Два ветерана былых войн сидели за тяжёлым столом перед стеклянной бутылкой крепкого напитка.

— Я не буду это пить, адмирал. От твоего пойла так и разит какой-то отравой.

— Попробуй, Бадд! Ты просто не можешь отказаться. Ведь сейчас ты вроде как мой пленник. Ах-ха-ха!

— Удивительно, что ты меня сразу не убил... — поникший пуще прежнего, с синяками под опухшими глазами Ганджи снова вернулся в паутину, из которой так желал выбраться в прошлом.

— Зачем убивать такого важного военнопленного? — басистый голос Акамира фон Гаррена, командующего первой флотилии Эйдоса, а по совместительству главы одного из малых домов, казался сейчас раскатом грома, надвигающейся морской бури. — Выпей, полегчает. Извини, что забрали твой меч, сам понимаешь, меры предосторожности.

— Как первый флот оказался в Порт-о-Сенте?

— Так ваш царь также, как и цари до него, начиная с великого раскола, пытается объединить Гринтерру и Эйдос. Жаль, что не выходит, но за попытку тоже можно уважать.

Темноволосый пленник выпил поставленный деревянный стакан с предложенным пойлом и закашлялся.

— Продолжай.

— В общем, ваш царь договорился с нашим послом об некотором обмене военными сведениями, среди которых числился этот порт, который, к слову, нам был, как мачта под фальшкилем, в общем, не к месту. Посол был с нами всё плавание, но, приплыв, его планы как-то резко поменялись и он, взяв один из наших кораблей с командой, смотался в неизвестном направлении. Место это кишило отребьем, которое мы быстро перебили. Кто-то, правда, успел сдать в плен, якорь им в бухту, добрый я стал слишком, но это не очень помогло придуркам. Пришлось их заставить трупы своих корешей перетаскивать и сжигать.

В глазах гринтерского воеводы помутнело.

— Никогда такой алкашки не пробовал... — и мощный торс Тигра Юга с гулким звуком рухнул на стол без сознания. Старый эйд сморщился и выпил залпом ещё один стаканчик своего напитка.

— Эх... А мне нравится...

В сознание Ганджи пришёл уже утром следующего дня по-отцовски укрытый огромной белой шкурой. Голова немного побаливала, но, поднявшись на ноги, это оказалось меньшей из бед.

Кое-как доковыляв до выхода на палубу и поднявшись на капитанский мостик, Бадд застал огромную фигуру адмирала в стойке какого-то неизвестного боевого искусства. Рядом

с ним в такой же стойке стоял пухлый мальчуган, со стороны напоминавший большое пушечное ядро. Несмотря на свои формы, парень в точности повторял за фон Гарреном все движения. А когда они закончили разминаться, Ганджи подошёл ближе.

— Сын?

— Мой внук, Грегори. Его родители погибли в Краткой войне.

— Сочувствую...

— Война никому не сочувствует, она лишь уничтожает. Когда-то я был готов, как ты вчера, сорваться в Гринтерру, чтобы найти тебя и расколоть твой череп. Хорошо, что меня тогда смогли удержать в столице.

— Я...

— Ты не знал. Ты исполнял приказ. Как и все мы. Поэтому я так болею за ваших царей и нашего посла. Может хоть кто-то остановит это трёхсотлетнее безумие. — адмирал подтолкнул внука на выход с капитанского мостика, а сам повернулся к бородатому мужчине, что одним своим видом некогда внушал ужас в любого из эйдов.

— Акамир, ты говорил, что у вас есть пленники. Могу я с ними поговорить?

Перейдя по трапам на другой корабль и пройдя мимо нескольких постовых, обливающихся потом при виде красноволосого гринтерца, Акамир вывел Ганджи на тюремную палубу, где сидели заключенные разных мастей.

Прошлый опыт подсказал Бадду, у кого искать информацию об украденной дочери. Взгляд упал на неприметного сухого мужчинку, сидевшего в углу одной из камер. От него пахло горелым человеческим мясом, а руки были по локоть испачканы в грязи.

— Ты. Подойди сюда! — но заключённый не среагировал. — Или к тебе подойду я... — Тигр Юга сделал шаг к решётке.

Встав с пола, мужчинка подошёл ближе.

— Если надо корешей закладывать, то я не из таких, вояка.

Рука просунулась между прутьев и схватила наглого пленника за грудки.

— Либо ты мне расскажешь то, что мне нужно, либо я протащу тебя сквозь эту решётку, выдавив из тебя всё дерьмо. Может тогда ты станешь сговорчивее?

Получив свой меч из рук солдата, Ганджи окинул клинок заботливым взглядом. Акамир фон Гаррен со своим внуком стояли рядом, выпуская своего самого важного пленного.

— Бадд, я отпускаю тебя только для спасения твоей дочери, помни это. Когда дело будет сделано, ты должен будешь сдать сам.

— Клянусь, так и будет. Я вернусь после того, как спасу Камалию.

— Ну тогда, желаю тебе удачи, папаня! — адмирал потряс своего старого друга за плечи и широко улыбнулся, будто провожал своего собственного сына.

Накинув на плечи подаренный длинный чёрный плащ, Ганджи Бадд кинул последний взгляд на своего прошлого врага.

“Как странно складывается жизнь. Считаешь друзьями одних людей, а других врагами. Но судьба, наверное, от скуки меняет их местами.”

Глава 11. Бойцовская яма

В комнату, если её так можно было назвать, принесли новую одежду для молодого бойца. Камалия хотела было обрадоваться, но всё было сшито на взрослых мужчин. Больше всего ей подошли красные шаровары, которые она смогла успешно затянуть на талии вшитой верёвкой и завязать поверх этого бардовый пояс. Низ штанов пришлось подвернуть таким образом, чтобы ничего не мешало ей свободно двигать ногами. Рубаху, что ей с такой любовью вручили на аукционе рабов, она откинула в сторону и обвязала грудь красной повязкой, а поверх неё одела короткий чёрный добок. Широкие короткие рукава не мешали движению рук, а в теле чувствовалась свобода. К тому же местный климат, был отнюдь не благосклонным, привыкшей к постоянной жаре Кама. Холодный морской воздух проникал даже сюда, в одну из тюремных камер центрального здания города-крепости Адаид.

Договор с Коджи был простой: Камалия выигрывает десять боёв подряд и получает возможность сразиться с чемпионом бойцовской ямы, а тёмная королева освобождает её от рабства. По одному бою, раз в три дня. Девочка определённо хотела получить свободу, но вот убивать других людей ради неё была не готова. Первый бой был назначен на сегодняшний вечер, но вот когда настанет этот вечер Кама не знала. Сумрачное небо, что она видела сквозь решётку маленького окошка, казалось, не меняется совсем. Смена дня и ночи проходила незаметно, и девочка неожиданно для себя уснула на нескольких разодранных шкурах, что ей кинули на каменный пол.

Разбудил её громкий стук в тяжёлую деревянную дверь и голос Хейча:

— Вставай! Ты бьёшься следующая!

“Будем надеяться, что противник не окажется огромным не по годам развитым подростком.”

Камалия вышла из своей каморки и тут же Хейч подтолкнул её в нужное направление по длинному коридору из таких же однотипных дверей. Вывод напрашивался сам собой: эта крепость и правда была когда-то тюрьмой, а этот лабиринт был создан, чтобы отсюда никто не смог сбежать. Коридор петлял, а козлотородый обогнал пленницу и уже шёл впереди Камы, совсем не боясь от неё неожиданного нападения.

Множество перекрёстков, на которых они заворачивали, множество лестниц, что выглядели совершенно одинаково. У Камалии начинала кружиться голова, ведь столь однообразного места она ещё не видела.

— Что? Головка кружится? Потом привыкнешь... Этот замок называется Гаргарос и изначально был построен как тюрьма, из которой никогда никто не должен сбежать без позволения хозяйки города.

Хейч подвёл её к решётчатой двери, за которой была та самая бойцовская яма, что Камалия видела ранее. Юная дикарка зачесала рукой волосы назад и вышла навстречу неизвестности. Всё тот же запах табака, алкоголя и чьих-то испражнений. Стены бойцовской ямы были испачканы кровью бившихся здесь зверей, но никак не людей. Хейч вышел на середину и развёл руки, привлекая к себе внимание, а зал понемногу затих.

— Моя госпожа, Коджи Ренней, приобрела себе нового бойца. Ей всего одиннадцать лет, но она уже чуть не задушила одного из сильнейших бойцов города. Тогда на ней были кандалы, но сегодня носительница анимы гепарда покажет всем на что она способна без них! — губы Хейча растянулись в ужасающе мерзкой улыбке, и он поспешил выйти из ямы,

заперев за собой дверь.

На другой стороне ямы дверь начала отворяться и в неё вошёл невысокий парень. По возрасту он был, примерно, ровесником Камалии, но смотрел на неё каким-то нечеловеческим, диким взглядом. Ногти на его руках и ногах были давно не стрижены, а расцарапанное тело было видно сквозь одетое на нём тряпьё.

— Привет. — Кама протянула руку сопернику, но тот кинулся на неё с ужасающим визгом. Казалось, что он хочет её расцарапать или разорвать, но юная Бадд ловко уворачивалась от размашистых ударов дикого недруга. Спарринги с Оби и отцом, в которых она участвовала, не предполагали получение серьёзных травм или глубоких порезов и даже так приходилось тяжело от полученных синяков, поэтому девочка с Тиабата не предполагала, что этот противник бьётся с ней насмерть. — Ты обнять меня хочешь или всё-таки руки пожмём? — но мальчик не слышал голоса своей соперницы, в этом месте ему доказали: либо убьёшь ты, либо тебя. Ловкий кувырок между широко расставленных ног и Камалия взяла его в захват, повалив на песок лицом.

— Ты сдаёшься?

— Arrp!!! — с диким рыком мальчик провернулся, сломав себе ногу в месте захвата и полоснул длинными когтями по спине Камы. Брызнули первые капли крови, и зрители пришли в восторг. Девочка упала на песок и перекатилась к стене. Против неё стоял хромящий противник и медленно пододвигался к ней, подволакивая сломанную ногу.

— Не стоит этого делать. Не надо! — Камалия подняла руки перед собой, выставив ладони перед собой.

— Убей меня! — слёзы из глаз мальчика лились по испачканному песком лицу. В последней попытке он сделал рывок вперёд. Камалия плавно ушла в сторону и кулак юной гринтерки попал в нижнюю часть подбородка, оставив противника без сознания.

УБЕЙ! УБЕЙ! УБЕЙ! — зрители требовали смерти этого ребёнка, словно, если этого не произойдёт, следующий день никогда не наступит. Кама посадила парня у стенки и постучала по своей двери. Которую открыл уже безрадостный Хейч.

Коджи лежала на своей кровати. Сегодня у неё появилась новая игрушка, но вот жалость, убивать та отказывается.

“Ну что же? Раз убивать она не хочет, то пускай вырубает своих оппонентов одного за другим. Каждый следующий будет сильнее и опытнее, и кто-нибудь вытянет из неё дикого зверя. Всему своё время.”

В этот момент в кабинет постучался и вошёл Хейч, склонив лысую бледную голову.

— Ты убил того зверёныша?

— Да, как Вы и приказали, госпожа.

— Тогда проверь Жарго с его людьми и доложи мне. Этот работорговец привёз интересную игрушку. — “И кого-то мне эта игрушка напоминает...”

Судя по стихшему шуму за решёткой окна, жители города покинули улицы и направились по домам. Ночь это была или же утро было не важно. Через некоторое время возле двери кто-то начал шептаться со стражником и две пары ног приблизились к камере. Звон связки ключей, звук открывающегося замка и на порог шагнул Шион. Старый раб нёс в руках какое-то подобие сапогов.

— Шион! — девочка кинулась старику на шею, совершая прыжок через всё помещение,

чем чуть не сбила с ног своего единственного друга в этом месте.

— Тише... Тише милая... — засунув в сапоги руку, старый прохвост достал гребешок и глиняный кувшин с каким-то отваром.

— Что это? — Камалия с интересом заглянула в маленький сосуд и посмотрела на раба своими разноцветными глазами. — И что ты здесь делаешь?

— Тёмная королева купила меня, как человека знающего диалект южных островов. А в кувшине специальная жидкость для промывки ран. Госпожа Коджи приказала позаботиться о тебе.

Сидя в камере, под светом факела Шион ухаживал за располованной спиной Камалии, хоть раны и не были глубокими, но туда могла попасть зараза и тогда всё могло бы закончиться плачевно. Расчёсывая своей подруге волосы, раб не мог не заметить отличного телосложения гринтерки: мышцы были видны по всему её телу и наблюдая за боем, южанин понял, что пользоваться ими она тоже умеет и, видимо, королева сделала такой же вывод. Девочка казалась ему смышлёной и доброй, но это отнюдь не спасает жизнь в таких местах, а лишь приближает кончину. Камалия также примерила принесённые ичиги, сапоги, что он принёс. Они показались Камалии лишним атрибутом её одежды, тем более она не привыкла носить обувь и босиком чувствовала себя намного увереннее. Из старой белой рубахи с рынка рабов Кама сделала себе пару бинтов, которыми обмотала свои кисти. На Тиабате девочка часто сбивала кулаки в кровь во время тренировок с отцом, и ей приходилось делать тоже самое.

Когда наступило утро, Гаргарос начал заполняться воинами Дома Ели, а также гостями города, старый раб переложил спящую девочку со своих колен на шкуры и покинул камеру.

Следующие дни были короче предыдущих, Камалия тренировалась в своей камере, вспоминая все наставления отца. Решимость покинуть это место не покидала её сердце и наполняла его отвагой. Второй бой был закончен, едва успев начаться и также прошёл третий. Последнему оппоненту кто-то из зрителей скинул кинжал и юной воительнице пришлось выкручиваться из ситуации. Самое страшное было то, что пользоваться холодным оружием этот боец умел и не стеснялся бить в самые уязвимые точки. Но клинок был выбит из ладони точным ударом ноги по запястью, а дальше воспользовавшись замешательством своего противника девочка попала другой ногой в солнечное сплетение, чем и закончила поединок.

— Какая у неё фамилия?! — Коджи выронила бокал с вином и по её лицу нельзя было сказать довольна она или зла, но вот удивление в глазах тёмной королевы читалось чётко. Таким лицо этой женщины не видел никто много десятилетий. Напротив неё стоял старый мужчина с седыми волосами и смуглой кожей. — Шион, если ты врёшь, то я лично сдеру с тебя кожу и обтяну ей Великую Ель.

— Она сама так сказала. Её фамилия Бадд, моя госпожа. Девочка верит мне, ей нет смысла лгать.

— Верит значит... — черноволосая властительница Дома Ели взяла новый бокал и налила вино из серебряного графина. — Хейч! — в кабинет вошла права рука владыки Адаида. — Ты узнал, как дела у Жарго?

— Они ещё не покинули Адаид, госпожа Ренней. У них не хватило времени на запас провизии. Слишком много кораблей в последнее время сделали на него заказы и их очередь ещё не подошла.

Выпив полный бокал залпом, Коджи поставила его на стол с такой силой, что ненароком сломала ему ножку.

— Хейч, возьми людей и перережь глотки всей команде «Призрака», сгрузи их на корабль и отправь с каким-нибудь надоевшим тебе придурком на скалы Цербера, или сделай так, чтобы корабль разлетелся в щепки подальше от нашего порта.

— Как прикажете, госпожа Ренней. — гнусавая улыбка на лысой голове, казалось, почти не покидает это дикое лицо.

— А для тебя, Шион, у меня есть особое задание... — с лёгкой ухмылкой оценила она своего переводчика.

— А теперь, мы представляем вашему вниманию потрясающего бойца! Его сила поражает! Владелец одного из самых редких знаков континента! Этот боец смог оторвать конечность взрослому мужчине голыми руками, и это пока его колошматили дубинками! Гирион! — представитель бойца, по совместительству слуга владельца этого раба отошёл в сторону, когда закованного в цепи ребёнка тринадцати лет с мощным торсом ввели на арену. А с противоположной стороны бойцовой ямы открылась другая дверь.

— Самый непокорный участник боёв! Она отказывается убивать, но оставляет своих противников без сознания! Самый быстрый боец, вышедший на эту арену! Лия! — Хейч ловил аплодисменты и тонул в авациях шлюх, воров и убийц. Это имя дала Камалии госпожа Коджи, и теперь зрители знают, как зовут их любимицу.

Кама же зашла в яму и взглядом полным удивления проводила своего представителя.

“Лия? Они просто взяли окончание моего имени? Но зачем?”

Представители бойцов покинули яму и оставили рабов наедине друг с другом.

— Сними с меня цепи! Чтобы я мог драться как мужчина! — молодой человек лежал на земле, всё ещё скованный цепями. Его явно не хотели освобождать и оставили это дело Лие.

— А ты полезешь на меня с кулаками?

— Конечно! Для этого меня сюда и принесли! — резкий голос обладателя знака гориллы, что виднелся у него на правой руке, вызывал у Камы лёгкую дрожь.

— Хорошо, я тебя освобожу. Только дай мне отойти от тебя, когда ты сможешь свободно двигаться. Договорились?! — Лия протянула свою девичью руку сопернику.

— Ты издеваешься?! — Гирион чуть не вышел из себя, но начал осознавать ситуацию, в которой он оказался. — Хорошо... Я дам тебе отойти...

Ключ, специально оставленный в замке, повернулся, и с громким скрипом и лязганьем цепи начали спадать с крупного тела молодого человека. Из одежды на нём были только короткие штаны и те, казалось, были подобраны не по размеру.

— Отходи. — жёсткий голос, очень отличался от того, которым этот громила просил его освободить. Кама же медленно отошла в свой угол, боясь сделать хоть одно резкое движение.

“Он намного больше меня, но как говорил папа «Чем выше дерево, тем громче падает». Осталось только понять, как его уронить.”

Камалия резко дёрнулась вперёд. Первый удар был обманным, и левая рука последовательницы боевого искусства джуры целилась в ничем не прикрытую печень. Ударом снизу вверх нужно было послать ударный импульс под рёбра, но руку девочки схватили ещё на подлёте.

“Как?”

Гирион только хмыкнул на вопрос, повисший в разноцветных глазах его соперницы. Он подтянул её к себе и замахнулся второй рукой. Один удар и всё кончено, так было со всеми его соперниками, почему сейчас должно быть как-то иначе? А, как оказывается, девушки умеют удивлять: Камалия ловко увернулась и закинула Гириону свои ноги на плечи, и обхватила его шею, начав пережимать тому дыхательные пути. Носитель знака гориллы мог бы и не обратить внимание на жалкие потуги своей соперницы, но в глазах начинало темнеть. Ноги этой девчонки показались ему стальными тисками, кандалами, удавкой, что закидывают на шею дикому зверю. Молодой боец попытался просунуть свою руку между ног Камы и своей шеей. Коленки начали подкашиваться и одно из них рухнуло на песок. Кто бы мог подумать, что такого, больше похожего на зверя чем на человека, бойца, созданного для убийства одной своей силой, может одолеть какая-то девчонка. Глаза гладиатора краснели, и он начинал впадать в ярость. Ещё ни разу он не проигрывал. Мускулы напряглись во всём теле, и Гирион смог встать. Шея освободилась и кислород начал поступать в голову. Такого поворота Камалия не ожидала, даже Оби начинал терять сознание, и её отец останавливал бой, но этот парень не просто до сих пор сопротивляется, но ещё и начал освобождаться. Гирион отпустил кисть своей соперницы и перехватился двумя руками за её голени. В такой ситуации ослабить хватку, означало возможный конец боя, и Лия не решилась на такой поступок, чему противник ни капли не удивился.

Молодой человек быстро развернулся, раскрутив Каму вокруг себя и ударил её спиной о стену. Ноги разжались, освобождая грозного соперника и молодая Бадд упала на песок арены. Спина гудела от боли. С такой силой ей ещё не приходилось сталкиваться. Камалия попыталась встать, но как только она поднялась в глазах потемнело от боли в спине, а дыхание начало перехватывать.

“Неужели я так умру?”

— Вставай! — Гирион ходил в противоположном углу и ждал продолжения боя. — Вставай и сражайся!

Один из зрителей просунул в решётку руку и кинул в его сторону что-то блестящее. Когда соперник разноглазой поднял этот предмет, она поняла, что это был нож.

— Убей её! Из-за неё убили моего раба!

Нужно было срочно подниматься, но ноги не слушались. Камалия опёрлась на стенку сзади и перебирала по ней руками. Вдруг кто-то похлопал ей ладошкой по макушке. Девочка подняла голову и увидела того самого паренька, что сидел рядом с Нурмуротом, тем человеком что хотел её купить.

— Так не честно. Держи! — пшеничноволосый парень протягивал изогнутый кинжал с золотой рукояткой, украшенной драгоценными камнями. — Ты не можешь проиграть. Ты же воин, а воины не проигрывают таким дуракам.

Глаза мальчика вселяли уверенность, они будто говорили Каме, сражайся! Кто-то из зрителей завидев кинжал спохватился и начал кричать о воровстве, но его уже никто не слышал. Всю публику интересовали лишь два бойца, получившие в руки лёгкую возможность оборвать человеческую жизнь.

Камалия смогла встать на ноги, хоть это всё ещё вызывало некоторую боль в позвоночнике. В голове звучала всё та же фраза «Ты воин!», которую она слышала уже ни один раз от своего отца, но ещё ни разу она не доходила до сердца как сейчас.

Гирион первый сорвался с места, но уйдя с линии атаки, девочка полоснула по кисти соперника своим оружием. Нож выпал из руки переростка и следующим движением Кама

подставила свой кинжал к горлу Гириона, схватив его за волосы.

— Сдаюсь! — обессиленный гладиатор держался за руку и более был не способен продолжать сражение. Хейч не стал даже выходить на арену, а лишь подозвал свою подопечную к себе.

Глава 12. Возвращение к прошлому

Ганджи Бадд продвигался на север вдоль берега Каменного моря. Адмирал Акамир фон Гаррен на прощание вручил ему флягу с тем пойлом, которым пытался его угостить ещё на корабле.

“Он правда думает, что я буду пить эту дрянь?”

День шёл за днём, но корабельный лекарь, как назывались жрецы у эйдов, запретил ему перенапрягаться. Несколько дней и ночей без сна и отдыха крайне негативно сказались на здоровье бывшего анхеля. Возраст брал своё, ведь каких-то десять лет назад Ганджи бы и не заметил этого марш-броска. Достичь конечной цели Бадду могла помешать очередная потеря сознания, но, возможно, в следующий раз о его здоровье уже никто не будет заботиться, а как раз наоборот.

Преступник выдал всю информацию, необходимую бывшему рантару для продолжения погони. Теперь анхель гнался не за Алатасом, как бы ему того не хотелось, а за шлюпом работорговца Жарго, «Призрак». Отправной точкой в погоне за «Призраком», по мнению Ганджи могла послужить портовая деревня, что находилась на широкой береговой линии, ведущей ко Вратам Леса, тем самым, что вели к столице Гринтерры. Эту широкую береговую линию называли Берегом Лун. По легенде местным жителям очень часто казалось, что в небе светятся не только луна и данай, но откуда-то над луной появлялось будто её отражение, копия. Мираж это или нет, но Ганджи ни разу не видел такого чуда, хоть и служил в рантарях далеко не один год. В портовой деревне Берега Лун Бадд рассчитывал найти себе корабль способный преодолеть Каменное море или, хотя бы, его часть.

Он шёл по самому краю скалистого кряжа, за которым, по его памяти, должен был начаться широкий песчаный берег — место его самой большой победы и намного большей неудачи. На горизонте начали появляться стены незнакомой крепости и, разделяющие эти стены, высокие башни. Когда анхель подошёл ближе, то сомнений не осталось. Видимо за оборону этого берега взялись серьёзно, после событий Краткой войны крепость в лесу уже, видимо, была заброшена в угоду этим двум, на разных концах Берега Лун. Ближайшая крепость, скорее всего, выросла на месте бывшей портовой деревни. Строения были монументальными, стены в высоту казались длиннее сорока шагов, а об их толщине можно было лишь гадать. В порту были видны как торговые и рыболовные суда, так и военные корабли царства Гринтерра. Ворота были открыты и Ганджи свободно прошёл внутрь. Гринтерские солдаты были, как и всегда, одеты в кожаную, поношенную военную форму специального кроя с зелёной накидкой поверх плеч. Также можно было увидеть некоторые дополнения к ней из разных элементов брони. На торс одевался мундир, напоминавший короткий кожаный плащ, обвязанный ремнём, на котором крепились ножны мечей и кинжалов. Под курткой была, как правило рубаха белого льняного цвета, ещё под куртку одевалась кольчуга, но чаще она встречалась у офицерского состава. Вооружали воинов Гринтерры мечом, щитом и копьём, а некоторые офицеры могли иметь своё личное оружие, которое было отнюдь не таким простым, как казалось. Также большинство воинов Гринтерры имели в своём вооружении лук и колчан со стрелами, но чаще всего ими пользовались только бывшие охотники или жители далёких от торговых путей регионов.

Пройдя вход в крепость, Ганджи подошёл к одному из стражников, стоявших на их охране:

— Здравствуй вечно, защитник! Какой полк сейчас стоит в этих крепостях?

— И тебе жить без горя! Третий пехотный полк стоит на этом берегу вот уже одиннадцать лет.

— А как же шестой?

— Шестой был переведён в ранг гвардейского и переведён на новое место. — рядовой отвечал четко и без запинки.

“Понятно почему его поставили на ворота, на случай прибытия высокого начальства.”

Ганджи развернулся и пошёл глубже в крепость, где, по его мнению, должна была находиться ставка командования.

— Стой! — наконецник копья упёрся в спину красноволосому незнакомцу. — Кто ты такой? И почему задавал такие подозрительные вопросы?

— Бывший анхель рантаров Гринтерры, Ганджи Бадд.

Копьё выпало из рук стражника, а зеваки, услышавшие разговор, начали придерживаться за что-нибудь крепко стоящее. Кипевшая жизнью портовая крепость остановилась.

— Простите, господин анхель, не признал! — рядовой упал на колени, но Ганджи тут же поднял его за плечи обратно.

— Служи достойно, тогда прощу. — он подмигнул красному от стыда солдату, окинул площадь взглядом янтарных глаз и направился к зданию штаба, на который уже начинали падать первые лучи багряного солнца, знаменующего закат.

Сложенное из известняковых кирпичей белое здание, напоминало маленький замок внутри большой крепости. Крупные двустворчатые ворота никем не охранялись и Ганджи три раза постучал по массивной двери.

— Войдите! — твёрдый женский голос пригласил бывшего анхеля во внутрь.

В широкой зелёной рубаше, опоясанной красным дорогим ремнём с заклёпками, за столом сидела милая девушка. На вид ей было около двадцати пяти лет, а её русые длинные волосы были собраны в широкую косу и свисали до самого стола, обмакивая кончик в банке с чернилами.

— Малышка Натали? — Ганджи помнил эту девушку ещё тысячником в своих рядах. — Значит, не все рантары покинули военную службу? Как ты...

Девушка не дала закончить говорить стоящему перед ней мужчине. Оценивая его высокомерным взглядом, она осмотрела своего собеседника с ног до головы, затем посмотрела куда-то в сторону, будто-то приняла какое-то решение, и принялась дальше заполнять навалившиеся на неё документы с приказами.

— Допустим, я тебя помню. Зачем ты пришёл, Бадд? Насколько мне известно, твой полк давно расформирован, а ты ушёл старостой в какую-то захолустную деревушку далеко на юге.

— Боюсь всё не так как тебе известно, сотник...

— Десятник юга Пиатрин. Если всё не так «как мне известно», мой вопрос остаётся прежним: «Зачем ты пришёл?»

— Пропала моя дочь и я...

— И ты покинул свою деревню, так сказать, свой пост, чтобы прийти к месту, где совершил одну из самых колоссальных ошибок в военно-политических отношениях с другим государством. Похвально, но пропажа твоей дочери не даёт тебе права нарушать царские приказы.

— Знаю я, десятник! — Ганджи повысил голос, и эта шмакодявка начинала выводить его из себя. — Натали, я прошу предоставить мне корабль с командой для начала преследования!

— Нет! И не называй меня так! — русоволосая девушка посмотрела на него вызывающим взглядом и уткнулась в писанину.

Подойдя к столу, огневолосый вынул кисточку косы юной десятницы из чернильницы и бросил перед ней на заполнявшийся документ, чем вызвал не тривиальную реакцию своей собеседницы.

— Ты труп, анхель! — десятница Пиатрин медленно встала из-за стола подошла к, стоявшему в углу, мечу. — Давно хотела проверить, так ли силён стиль джура на самом деле?

Дверь вылетела с петель вместе с человеком на ней, пролетев несколько метров по воздуху, а из белого здания командирской ставки вышел тёмноволосый мужчина. Сновавшие туда-сюда, воины Гринтерры схватились за оружие, но поднятая вверх рука, поднимающейся девушки, означала не вмешиваться в происходящее.

— Ты удержала меч. Хвалю! — Ганджи кинул свой плащ на стоящую рядом телегу. — Предлагаю тебе драться без оружия, чтобы случайно не убить друг друга.

Солдаты начали подбадривать своего командира, но девушка их не замечала. Ещё бы, её никогда с такой силой не выкидывали, как шавку, из здания. И Пиатрин не хотела ему проигрывать.

— Значит, бить молодых девушек твоё хобби? — вставая и отряхиваясь, десятница показывала свою невозмутимость подчинённым.

— Отнюдь, барышня. Я тебя ещё ни разу не ударил, поэтому предлагаю закончить это представление, чтобы не уязвить мою гордость.

— А ты ещё издеваешься?! — девушка побежала на своего противника и начала наносить колющие удары в область груди мужчины, но тот лишь уворачивался, изредка отклоняя клинок руками. Нога русоволосой начала испускать клубы белого пара. Девушка открыла четвёртую стадию, которую в гринтерской армии ещё называли капитанской, поскольку это звание на флоте невозможно было получить без достижения этой стадии.

Взгляд невольного борца за диалог стал серьезнее. Движения его соперницы стали быстрее, а сама она будто пыталась его убить. Дыхание мужчины стало учащаться вдыхая вместе с воздухом больше природной энергии. Один глубокий вдох и Ганджи остановил руку с клинком левой ладонью, а правая легла на горло соперницы и повалила её на землю.

Пиатрин захотела освободиться, но, взглянув в глаза врагу, потеряла способность двигаться. На неё смотрел тот же самый альфа-хищник, кто одиннадцать лет назад вёл в бой рантаров на этом берегу, тот же, кто может убить её в любую секунду. И тело десятницы Гринтерры онемело от страха. Если бы у неё была возможность сдвинуться с места, то она сбежала бы не задумываясь, но сейчас по её лицу могли бежать лишь тоненькие ручейки холодного пота.

— Вставай, десятник юга! — Ганджи поднялся и протянул открытую ладонь отважной воительнице. — Я не желаю с тобой биться. Если ты не даёшь мне корабль, то придётся плыть с торговым караваном.

Схватившись за протянутую руку, Пиатрин извернулась и завалила своего собеседника под себя на землю.

— Корабль с командой я Вам одолжу, анхель Бадд, но судно не военное.

Когда Тигр Юга вышел на причал для военных судов, его встречали, такие «любимые» его сердцу, триремы. Не один год провёл он, изучая морское дело и тактику морских сражений. Может быть флот Эйдоса и превосходил гринтерский в огневой мощи, но стоило делу дойти до абордажа, весь боевой пыл эйдов сходил на нет. Триремы, разогнанные по водной глади гребцами, таранили вражеские корабли и тем ничего не оставалось, кроме как перебираться на гринтерское судно или тонуть. Единственное, чего у армии Эйдоса было точно не отнять — это дисциплина. Если солдат эйдов начинал бежать с поля боя его убивали в спину сослуживцы. Выглядело это очень печально. Видать не все люди Эйдоса знали, за что они бьются, а вот гринтерцы... Если они отступят, то позор падёт на весь их род, но даже не это останавливало их от бегства, за их спинами были их друзья, родные и любимые.

Ганджи прошёл в самые дальние места стоянок судов, где ему подсказали искать тысячника Чорриса.

“Натали сказала, что судно не военное, значит...”

Взгляд Бадда упал на маленькую шхуну с двумя невысокими мачтами.

— Да это корыто не поплывёт, даже если зацепить за дельфина... — мысли анхеля незаметно для него самого были озвучены.

— Шёл бы ты отсюда, рыжий каркадил! — из-за кормы приподнялся среднего роста юноша с тёмными глазами и волосами того же цвета. Он косил то на один глаз, то на другой, но грозного вида от этого не терял. Длинный кинжал сделал один оборот в полёте и вонзился в деревянный столб от фонаря за плечом удивлённого Бадда.

— Я ищу тысячника Чорриса.

— Это я.

— Меня к тебе отправила десятница Пиатрин. Она сказала, что ты переходишь ко мне в подчинение.

— Кем будешь, каркадил? — недружелюбный тон и какой-то сильно южный акцент. Этот парень даже не пытался скрыть свою агрессию.

— Ганджи Бадд! И где твоя команда Чоррис?

Взгляд юного вояки изменился, глаза округлились и лицо стало выглядеть более дружелюбно.

— Тысячник юга Нак Чоррис в твоём распоряжении, анхель Бадд. Но боюсь с командой не так легко выйдет.

— Это ещё почему?

Команда Чорриса была послана в старую гринтерскую крепость в лесу и уже пару дней не возвращалась. Тысячник думал, что те как обычно решили «посочковать», но не мог на них злиться, так как все они последние полгода почти не отдыхали.

Ганджи и Нак бежали по дороге, проложенной через джунгли. Раньше Гринтерра считала этот лес естественной преградой от Эйдоса и лесная крепость была лишь перевалочным пунктом для кочующих полков рантаров. Сейчас же эта дорога соединяла Берег Лун с остальной сетью дорог, и её защита была возложена на десятницу юга Пиатрин. Косоглазый капитан шхуны, как оказалось, носил тату зайца-русака и неплохо обращался с кинжалами. Хоть он уже давно открыл четвёртую стадию анимы, сотником его не делали из-за отношения к приказам и их исполнения.

Когда вояки пробежали около десяти километров, к Бадду на плечо сел попугай.

— Тридцать человек. Десять пленников. — птица прокаркала слова и улетела прочь, скрывшись за высокими кронами деревьев.

— Тридцать человек! — со своим своеобразным акцентом повторил Нак. — Опять что ли в местной деревне выпивку спёрли? Ох, на этот раз я им вломлю по полной.

— Уж не знаю, чего они там у кого спёрли, а мне они нужны живыми. — Ганджи прыгнул в листву и среди разнообразия лесных ароматов уловил едкий запах дыма. — За мной Чоррис, не то опоздаем!

Двое военных подбежали к высокому холму, полностью заросшему лесными чащами, через которые пробивались чёрные клубы дыма. Поднявшись по крутому подъёму, анхель дивился движениям тысячника, что напоминали крадущегося хищника к ничего не подозревающей добыче. Его глаза, то и дело убегающие в сторону, то расширялись, пытаясь поставить зрачок на место, то сужались словно у дикой кошки на охоте.

— Кто тебя научил так двигаться?

— Мой отец. Он хоть и был с анимой зайца, но был настоящим охотником. Его боялись все эйды и прозвали его «Косая тень».

— Не увлекайся... — тяжело вздохнул Бадд.

— Как скажешь, командир.

Выглянув из листвы на вершине холма, Ганджи увидел старый форпост гринтерцев. Вбитые в землю брёвна удерживали остальные вложенные между ними горизонтально. Форпост был не высоким по меркам Гринтерры, но преодолеть стены в один прыжок не вышло бы даже у носителя анимы тигра.

— Надо входить через ворота.

— Командир, давайте я по стене заберусь. Я так уже делал, правда из борделя меня тогда выгнали, но я всё равно много чего увидел.

— Нет, Нак, сегодня ты сыграешь пленника.

Два сторожа следили за дорогой, идущей с берега, когда из леса на них вышел рыжий мужчина ведущий перед собой связанного солдата Гринтерры.

— А ну стой!

— Вы кто такие?!

— Да вот поймал одного зайчика. Каких-то сослуживцев искал.

— И ты думаешь мы так тебе и поверили?!

— Нет, что вы. Забирайте его! — Ганджи подтолкнул косоглазого пленника к охранникам. — Просто терпеть не могу военных. Поступайте с ним, как хотите.

Охранники потянули свои руки к товару.

— Видишь Бари, я тебе говорил, карма существует.

— Может ты и прав Гэн.

Руки тысячника выпорхнули из-за спины и двое охранников упали на влажную землю с перерезанными глотками.

— Конечно есть, братцы, конечно есть... — Нак вытер кинжалы об одежду бандитов и присоединился к Бадду, уже стоявшему у ворот, рядом со входом в крепость.

Ганджи не один раз брал подобные сооружения. Бандиты являлись основной целью рантаров. Те всегда появлялись в разных частях страны и захватывали города, деревни, а также старые фортификационные сооружения. Хоть Бадд и был способен в одиночку перебить всех разбойников. Пленники были весомым аргументом не вступать в открытый

бой. Две тени перемещались между строениями внутри крепости, убивая всех как можно тише, не подняв шума и прятав тела. Форт был рассчитан на небольшой гарнизон в человек двести. И удерживать его тридцати бандитам было непосильной задачей. Здание с пленниками обнаружилось довольно скоро, в одной из заброшенных казарм. Чоррис вошёл к своим подчинённым, попутно заколов стоящего на входе разбойника.

— Командир!

— Тихо, слонята. Сейчас вы должны стать змеями, тихими и бесшумными. Поняли?

— Так точно...

— Молодцы. Пошипели за мной.

Чоррис вывел свой отряд за стены и велел ждать, а сам вернулся к Ганджи, караулящему рядом с длинным зданием столовой.

— Бадд... Как будем остальных пилить? Как змеи или как слоники?

— Как кабанчики, Нак, как кабанчики... — ухмыльнулся Ганджи, заведя знакомое орудие.

— Это как?

Прогремел взрыв, и дверь в столовую разлетелась в щепки от, влетевшего в неё, ядра. Паника, оставшихся в живых, бандитов не заставила себя ждать. Кто-то выбежал из двери, но тут же влетел обратно с ядром на пузе. Дымка от пушечных выстрелов и поднявшейся пыли заволокла здание и Ганджи зашёл внутрь. В тесном помещении было неудобно использовать меч, поэтому выжившие бандиты разлетались от мощных ударов носителя анимы тигра. Это был не равный бой. Среди убитых ядрами разбойников оказался и атаман, которому самым первым ядром пробил живот.

“А вот нефиг сидеть во главе чужого стола!”

Головы убитых разбойников были благополучно отрублены и сложены в мешки, как доказательство отличной работы отряда тысячника Чорриса.

Спустя почти сутки, по волнам, с парусами полными ветра, шла шхуна. Маленькое судно было действительно далеко от того, чтобы зваться военным, но Тигру Юга было не на что жаловаться. Пересечь море можно было только так. Идти по берегу было огромной тратой времени, к тому же пришлось бы пройти почти через всю территорию Эйдоса, а этого бывшему анхелю Гринтерры делать было нельзя. Десятница Пиатрин была удивлена полученному подарку от отряда, и приказала во всём подчиняться Бадду, хоть команда и была всего десять человек, которыми руководил гринтерский косоглазый тысячник. Сказать, что он был доволен порученной миссией, значило бы не сказать ничего. Молодой воин, как оказалось, давно положил взгляд на эту посудину, изъятую с контрабандой запрещённых в царстве товаров. Он умел управлять судном и обучил этому свой десяток людей. Паренёк рассказал своему временному командиру о том, как пару раз ему приходилось ходить на этом судне в столицу за новичками, но ему ещё не приходилось пересекать весь водный простор до противоположного берега. По приказу Бадда, на флагшток повесили старый торговый флаг, лежащий в дальних закромах, на всякий случай. Корабль шёл медленнее других торговых судов, но Ганджи это ни капли не смущало. Нак рассказывал своему командиру и команде разные истории, связанные со службой и обучении в военном деле, а когда подходила ночь, то начинал назначать постовых.

В один из дней плавания, когда под палящим солнцем было невозможно находиться. Команда маленького судна натянула тент, спрятавшись от обжигающих лучей.

— Твоей бы дочке понравилось у нас в столице. Там девчонок, конечно, мало служит, но, думаю, твоя дочурка навела бы там шороху.

— А что будешь делать ты? Ты ведь тот ещё «каркадил».

— Мне семью кормить надо. Так сказать, назвался зайцем, полезай в нору кормить зайчат. У всех свои интересы связывать свою жизнь с армией, но знаешь? Я бы хотел инструктором у новичков служить! Мне кажется, мои ученики были бы лучшими. Хотел бы обучать следопытов. Ух... Мой отец был следопытом, кстати. А до него его отец, а до его отца...

— Понял тебя.

— И всё забываю спросить тебя анхель, почему мы спустили парус. Также никуда не уплывём.

— Скоро узнаешь, мой кареглазый друг.

Пару дней корабль, с переодетыми под обычных матросов солдатами, просто дрейфовал в открытом море. Команда начала сомневаться в адекватности своих командиров, но, как говорится, солдат спит, служба идёт. На третий день, поставленный наблюдающим, солдат кинулся к своему начальству.

— Командир Чоррис! Там корабль! На горизонте корабль!

Ганджи с Наком поднялись со своих мест у борта и устремили взгляд в, указанную наблюдающим, сторону. Словно по воздуху, над линией горизонта к ним приближался корабль. С каждой минутой взгляд Бадда улавливал вдалеке всё больше деталей оснастки приближающегося судна. Множество пушек, паруса серого цвета без изображения герба какого-либо великого дома или торговой гильдии, а на белом флаге был почти не различимый чёрный символ.

— Это пираты? — адресовал свой вопрос анхелю Чоррис.

— Это не просто пираты... — губы, растянутые в улыбке, обнажили белые клыки. Чёрные перекрещенные кости омрачали реющий флаг. — Это именно те пираты, что нам нужны.

Команде был дан приказ не вступать в сражение, а в переговоры должны были вступить двое командиров, размахивающих белой тканью, что они привязали к веслу, показывая приближающимся рыцарям разбоя, свои мирные намерения. Когда пиратский бриг подошёл к борту разваливающейся посудыны, капитан большего судна приказал поднять на борт всю команду шхуны.

— И так. Вы торговцы? — пиратский капитан едва сдерживался от смеха, то и дело бросая взгляд на побитое нелёгкой жизнью судёнышко. — Зачем вы спустили парус? Или корабль должен идти ко дну не только с капитаном, но и с командой? — после этой фразы единственный, кто не смеялся, был переодетый обычным матросом тысячник. — Хорошо, допустим... И куда же вы держите путь?

— В Адаид! — без заминки ответил красноволосый торговец.

— В Адаид? На этом корыте? Вы точно психи... И что же вы там забыли, гринтерцы?

— Пиратствовать хотим. Вот и решили договориться с тёмной королевой.

— И что же теперь будете делать?

Посланный на посудину пират что-то начал кричать и в миг запрыгнул на палубу брига.

— Капитан! Там форма армии Гринтерры и оружие!

— Пиратствовать! — ухмыльнулся удачливый атаман.

Битву можно было назвать быстрой. В один прыжок Чоррис оказался перед капитаном

пиратов и не дал ему вынуть меч из ножен, заломил левую руку и положил лицом на деревянный настил, не забыв подставить острый кинжал к горлу. Остальная команда пиратского брига не спешила использовать своё оружие.

— Всё так, как ты и говорил, Бадд. Сдались без боя, но почему? — косоглазый тысячник искрился счастьем: не часто представляется возможность захватить вражеское судно, да ещё и так быстро.

— Потому что без него добычу продать не получится, остальные не знают, как попасть в столицу мрака. Сложные системы течений не оставят им и шанса.

— Вам просто повезло! — капитан пиратов брызгал слюнями на палубу и приковал к себе взгляды недовольных товарищей. — Что вы хотите? Ведь не просто так схватили, значит вам что-то нужно?

— Смекаешь, одноглазый. Мне бы найти добротный корабль с командой и капитаном, который знает, как попасть в древний город Великого дома Ели.

Глава 13. Друг или враг

Хейчу было приказано привести после очередного, уже пятого боя, Камалию в кабинет теневой королевы. Порой он ненавидел быть подчинённым этой женщины, но её острый ум и жестокость, не знающая себе равных, притягивали его с необратимой силой. Приказать перерезать глотки всей команде самого богатого работоторговца, ха, разплюнуть, казнить лучшего рулевого на два побережья, тоже не задумываясь. Но у всех её решений были причины, серьёзные причины. Девочка отказывалась исполнять волю Коджи и убивать своих противников, как такая соплячка могла привлечь внимание беспощадной убийцы? Носитель анимы козерога открыл дверь на арену и оттуда вышла побитая, в синяках и ссадинах Камалия.

— Опять вырубил?

— Я не обязана убивать. По уговору я должна лишь побеждать своих соперников и не более.

— Слишком много умничаешь. Удивительно, что твой длинный язык всё ещё находится у тебя во рту.

Кама притихла и как обычно пошла за правой рукой главы Дома Ели. Когда они начали поворачивать в противоположную сторону от камеры, она начала подозревать неладное.

— Куда мы идём?

— Госпожа Ренней велела привести тебя после боя. Половину уговоренных матчей ты выиграла, вот и заинтересовала её ещё сильнее.

Дверь в кабинет королевы была самой обычной, если не считать крупного охранника, стоявшего у входа. Громилу не нужно было просить отойти, увидев Хейча, тот сам сделал шаг в сторону, пропуская своего командира. Но тот даже не вошёл в помещение, а лишь затолкнул туда Каму и захлопнул за ней дверь.

Камалия снова оказалась в зелёном кабинете с бардовыми шторами. Никого не было видно, и девочка села на первое попавшееся сидение.

— Значит, любишь читать... — из-за ширмы послышался женский голос, но он несколько отличался от того, что Кама слышала раньше. — Я тоже много читаю. Знания — это сила! Не даром Эйдос может сражаться с Гринтеррой на равных, хоть и имеет в своём распоряжении меньше человеческого потенциала.

— Я только одну книжку посмотрела и сразу поставила на место...

— И что же? Ты нашла там то, что искала? — звуки рвущейся тонкой ткани, сопровождались лёгкими стонами из-за деревянной перегородки.

— Нет, не нашла...

— Читать тебя научили, но врать ты совсем не умеешь! — Коджи, появившаяся в поле зрения Камалии, очень сильно поменялась, от той, что она видела раньше. Молодая девушка лет двадцати, со стройной фигурой и прямыми мокрыми и чёрными, как смоль, волосами. Её хищные глаза встретились взглядом с застывшей от ужаса девочкой. На теле багровым оттенком сверкала татуировка огромной змеи.

— Анаконды, как и другие змеи, до старости меняют свою кожу, ты не знала?

— Не... Нет...

Коджи накинула на обнажённое новое тело чёрный шёлковый халат и, взяв со стола курительную трубку, села рядом с рабыней, сверля её своими жёлтыми глазами. Она

вглядывалась в её левый зрачок, что отливал стол знакомым ей оттенком.

— Так долго удивляешься. А ведь твоя фамилия обязывает тебя быть более хладнокровной.

— Откуда ты знаешь?

— Твой друг много чего мне рассказал... — носительница анимы анаконды протянула к голове Камалии свою бледную руку и подняла вверх несколько грязных прядей тёмно-красных волос. — Если тебе и стоит кого-то бояться в жизни, так это друзей, моя милая. От этих людей ты будешь ожидать лишь благих намерений, в этом то и кроется слабость.

— Шион не мог меня предать, он...

— Мог он или не мог, но фамилию твою он назвал, Камалия Бадд из Деревни Орешника. А верить мне или нет — решай сама.

— Вы его пытали!

— Отнюдь, пришёл и рассказал сам. Скажи ему спасибо, что он проболтался только мне. Даже Хейч не знает твою тайну.

Камалия опустила голову вниз и, казалось, снова потеряла желание жить. Шион, единственный человек, которому она доверилась с момента своего несчастья, а он не задумываясь её предал.

— И что теперь ты будешь со мной делать?

— Уговор дороже денег. Ты моя рабыня и бьёшься за меня в яме. Мне незачем тебя продавать. Как только ты выиграешь ещё пять боёв, то сможешь сразиться с чемпионом, и я тебя отпущу на все четыре стороны, или же можешь остаться и служить мне. Что думаешь?

— Как я могу кому-то верить после того, что уже услышала?

— Резонный вопрос, юная леди. Думаю, я могу рассказать тебе и свою тайну. Считаю, что это будет справедливо.

Камалия подняла голову и уставилась на молодую особу, сидящую рядом в непринуждённой позе, закинув ногу на ногу.

“Её глаза, они такие... такие знакомые...”

— Хватит с меня секретов! — очи девочки ещё красные от желания заплакать, но уже полные решимости действовать, смотрели прямо в бездну змеиных глаз темноволосой женщины. — Теперь я никому не могу верить. Ни твоим секретам, ни каким было ещё.

Кама резко встала с места, но Коджи также быстро остановила её за запястье.

— Тебе не стоит так разговаривать со старшими, детка. — изо рта Ренней нежным облаком вылетело три змеи, закручиваясь в дымную косу. — Знаешь, что это?

Камалия рассматривала простое плетение, и не могла понять, о чём именно спрашивает эта странная женщина.

— Странно... А ведь косички ты, наверняка, плести умеешь...

— Это же обычное плетение косы! — вскрикнула красноволосая, чувствуя себя душой.

- “Обычное плетение косы.” — издевательски повторила Коджи и выпустила второе плетение змей. — Замечаешь ли ты что-нибудь необычное?

Юная Бадд хотела уже нахамить во второй раз, но краем глаза заметила, как тёмная королева накручивает пальцем две пряди волос, закручивая их между собой.

— Косичка не будет держаться на только лишь двух прядях... — Кама сказала это и её мысли стали перебирать, что же ещё невозможно сделать из двух частей: “Ножек для стола или стула нужно минимум три, чтобы они стояли, а семья, для семьи нужно минимум трое: мама, папа и ребёнок... Но это же не всё...”

— Не всё. — будто прочитав мысли рабыни, произнесла Коджи. — Для того, чтобы мир был в равновесии нужно три стороны. Как царство Гринтерра, империя Эйдос и... мы — Великий дом Ели.

— Но зачем ты рассказываешь мне это? Пытаешься оправдать тот ужас, что здесь творится, те страдания, в которых живут люди?

— Ахаха! — чуть не подавившись дымом, девушка с белоснежной кожей, кажется даже, чуть покраснелась.

— Я сказала что-то смешное?

— О да, моя милая! — чуть успокоившись и поправив разрез тёмного платья, Коджи словно поймала своими бронзовыми зрачками цель. — Рабовладельчество, в том или ином виде, присутствует везде. Где-то, как здесь, продают рабов открыто: и богатые торговцы или пиратские капитаны покупают их к себе в команду, кормят их, одевают, бывает даже, что платят за их лечение лекарям или, как у тебя на родине их называют, жрецам. И у них есть шанс со временем выкупить себя у хозяев. Где-то эти рабы просто умирают как каторжники, работая на шахтах, получая маленький поёк, где их хозяевам просто плевать на своих пленников: такие редко проживают больше пяти лет в подобных условиях. А где-то, как, например, в Гринтерре, схваченных бандитов или же военнопленных, заставляют отрабатывать свои преступления против царства, и таких людей они называют невольниками.

Камалия сидела тихо, вслушиваясь в сладкий голос рассказчицы, будто перед ней была не жуткая тёмная королева, владычица Адаида, а её собственная мать, Адеола.

— А как же построено рабство у тебя?

— Хм... Мы уже перешли на ты? Ахаха... — залилась смехом брюнетка.

— Ой... Простите, госпожа Ренней.

— Мне понравилось, можешь звать меня просто Коджи, но только наедине; другим этого слышать не обязательно. — и один глаз тёмной королевы медленно моргнул.

— Хорошо... — попыталась улыбнуться Камалия, начиная видеть возможного друга.

— А на твой вопрос я всё же отвечу. — Коджи встала и подошла к своему книжному шкафу, из которого, совсем недавно, Кама брала книгу великих и малых домов. Облокотившись на него спиной и закатив назад голову, Ренней помяла свою нежную белую шею. — Мой род, род Ренней, с давних пор сохраняет главенство в Великом доме Ели. Когда в единой, тогда ещё, Гринтерре появлялись преступники и бандиты, их отправляли сюда, в Адаид, город-тюрьму. Войти сюда сложно, как ты видела, но возможно, а вот выйти... Выходят отсюда либо на дно Каменного моря, либо через Врата Жизни, что пропускают лишь тех, кого отпускает глава Великого дома Ели. Войти через Врата Жизни нельзя, только выйти из них, поэтому, хотя ли мореплаватели или нет, им приходится заходить в город, где решается судьба. Всю жизнь быть тюремщиками и надсмотрщиками была незавидно, но мой род справлялся с этой задачей. Постоянные стычки и бои за свободу среди заключённых сделали моих предков умелыми воинами, не проходило и дня, что бы не было какой-нибудь заварушки, пока не случилось самое большое несчастье — царство раскололось и два Великих дома, назвавшиеся империей Эйдос, вышли из его состава. Войны начинались и заканчивались, но кто их заканчивал, никто особо и не задумывался. Хотя ответ очевиден... — Коджи сделала глубокий затыг, выпустив одинокую змею. — Наш Великий дом решил взять шефство над преступным миром, ведь это было так легко и естественно, нас боялись! Под нашим контролем оказались все крупными преступные синдикаты, все

крупные банды, а также те воины, что уже не находили себе пристанища в мирной жизни или же просто не доверяли официальной армии в своём районе континента, и хотели защитить своих родных и близких с нашей помощью. Ведь как твой Дом Орешника, называют Домом Справедливости, так и мой, Дом Ели, называют Домом Свободы.

— Я не знала всего этого... — заслушавшись, Камалия не заметила, как синяки и ушибы перестали ей докучать.

— Ты многого не знаешь, такое в книжках не пишут.

— Но как ты объяснишь поединки детей насмерть, разве это можно назвать справедливостью или свободой? Разве мои ровесники этого заслуживают?

— Ох... Камалия... Всё проще, чем ты думаешь.

— Это как?

— Те дети, которых ты видела, пошли в рабство самовольно. В моём городе запрещена торговля людьми младше шестнадцати лет, только если они этого не хотят сами. Ведь тогда их жизнь становится устроена на годы, если не на десятилетия вперёд. Некоторые из них могли умереть от голода или болезни уже через пару месяцев или раньше, а так у них появляется шанс выжить и отплатить за это своему спасителю. А кто-то, даже, как твой самый первый соперник, хотел вступить в Дом Ели, но у нас существует свой отбор, и мы не можем брать кого попало. Поэтому он продался в рабство какому-то торговцу и стал выступать за него. А этот негодяй сам же его и прикончил, после того как тот проиграл, но имел на это право, ведь мальчик был его собственностью. А свободный выбор мальчика был сделан в пользу продажи своей жизни.

— Но у него же не было выбора: продаться в рабство или умереть — это не выбор! — Камалия начала исходить на крик.

— Ух... Какая ты горячая... Просто он видел только эти два варианта, ровно, как и ты сейчас, хотя их намного больше.

— Значит, если я выиграю, ты предложишь мне вступить в твой Великий дом?

— Милая, ахаха... Ты в нём с рождения.

В кабинет громко постучали, и дверь с грохотом отворилась. На пороге стоял Хейч.

— Госпожа, не стоит доверять этой дикарке, она не достойна Вашего внимания. — кидая ненавистные взгляды в сторону Камалии, изверг из себя правая рука главы Великого дома.

— Это мне решать, козлобородый... Если хочешь, чтобы я отрезала твою голову прямо сейчас, можешь продолжать.

Хейч с ярым недовольством развернулся и покинул комнату хлопнув дверью.

“Неужели он слышал? Нет... Тогда бы он сказал сразу... Но... Пока никто не должен этого знать.” — в сердце тёмной королевы, впервые за долгое время, закрался страх.

— Олаф!

В дверном проёме появился грузный охранник, что пропустил сюда Камалию.

— Да, моя госпожа.

— Проводи Камалию до её камеры и никого туда не пускай, если... — Коджи взглянула на девочку заботливым материнским взглядом. — ...если ей что-то понадобится, приведи её ко мне.

— Как скажете, госпожа! — и грузный охранник пошёл по коридору в сторону комнаты новой рабыни.

— Беги с ним, Лия! — хлопнула королева девочку по попе. — Не отставай, мы

договорим с тобой позже.

Юная Бадд ещё не успела переварить сказанное хозяйкой Гаргароса, как её сразу выпроводили за дверь.

“Кажется, она сказала, что я с рождения в Доме Ели... Но как такое может быть, ведь мой род — это род Бадд, Малый дом Орешника.” — Это и многое другое приходило в голову разноглазой, но все мысли закончились одной. — “Я почти ничего не знаю о родителях своего отца!”

Тёмная королева подписывала очередное разрешение на длительную стоянку в порту. Её мысли не покидала эта маленькая девочка, которая каким-то чудом смогла наткнуться в столь плачевной ситуации на свою родную бабушку. В кабинет, без стука и чуть протолкнув во внутрь здоровенного охранника, вбежал стражник города и упал на колени перед своей госпожой.

— Госпожа Ренней! В город прибыл Ганджи Бадд!

— Ничего не попишешь. Придётся расхлёбывать.

На горизонте показался знакомый туман. Пиратский бриг спустил половину парусов и маневрировал между скал, приближаясь ко входу в порт. Ганджи Бадд стоял подле капитана, всё больше вспоминая родные пейзажи.

— Странно, эту скалу как будто мощным взрывом разнесл. — капитан обогнул обвалившуюся в воду грудку камней. — Никогда пейзаж не менялся и вот — на тебе!

— Такое случается, кэп. Твоя задача, это попасть в порт.

— И без тебя знаю, рыжий. Надеюсь, ты свалишь с корабля, как только мы пришвартуемся.

— Не сомневайся. Ты меня больше не увидишь, если только случайно не пересечёмся.

— Эх... Взял себе морского черта на корабль, а теперь жду от него исполнения обещаний.

Судно медленно шло по течениям, переходя с одного водоворота на другой. Наконец вода успокоилась настолько, насколько это было нужно и пиратский бриг обогнул центральную голову Цербера, направляясь напрямиком к Харону. Капитан немного волновался, пропустят ли его во внутрь, но его переживания были напрасны.

Вскоре, корабль уже шёл мимо стоянки для швартовки корабля. Человек в тёмном плаще спрыгнул сначала на другой корабль, а затем и на берег, накинув на голову капюшон.

“Так, в ад мы попали. Теперь нужно найти сведения о «Призраке». Тогда станет ясно, где искать Камалию.”

Ганджи шёл по знакомым улицам своего родного города, в котором он родился и вырос. Ничего не изменилось с тех самых пор, как он спрятался на пиратском корабле, пытаясь сбежать из этого ада. Проститутки падали прямо на руки, хватали мужчину за локти и пытались затянуть в местные бордели.

Когда он вышел на главную площадь, то увидел всю ту же огромную ель. Казалось, что она стала ещё больше за эти десятилетия. К ней был привязан человек, тело которого покрылось зелёным мхом.

“Еловый ёж, мама ни капли не изменилась.”

В начале Ганджи зашёл в бани, где в белоснежных полотенцах мылись высокопоставленные лидеры теневых организаций. Бадд не произвёл на них никакого

впечатления, и они не обращали на него внимания. Разговоры черти вели о чём угодно, но не о «Призраке», хотя о недавней поставке рабов было рассказано чуть ли не дословно:

— Представляешь? Нурмурот подходит к своей девке, а та ему на-на и повалила на землю. А потом подошла королева подняла девку в воздух и оторвала ей башню.

— Ух... Госпожа в своём репертуаре...

— Жуткая, не то слово. Я слышал, что тогда всех, кто там был перебили.

— Если всех перебили, кто тогда рассказал?

— Не знаю! Но кто-то же выжил?

Ганджи вышел из бань повесив голову. Всё путешествие он не мог спать, чтобы его не зарезали во сне, недовольные незнакомцем матросы. Ведь тысячника юга Чорриса с его отрядом пришлось отпустить назад. Поэтому сейчас Бадда отрывало от этого мира, и отправляло в мир сна какая-то потусторонняя сила. Он нашёл неприметную таверну с жилыми комнатами на втором этаже. Хозяин продал своему клиенту две бутылки рома и закрыл заведение. В городе наступила ночь, но чувство, что дочь где-то рядом не отпускало отцовское сердце.

Утро наступило вместе со стеклянной тарой, разбившей окно. Ганджи схватился за оружие, но понял, что отвык от ежесекундных разборок местных жителей. Поэтому, взяв в руки последнюю оставшуюся в живых бутылку выпивки вышел из заведения. В Адаиде никогда не бывало светло. Сумерки были вечным спутником этого, пропахшим мразями, города. Солнцу было просто стыдно освещать такое поганое место своими лучами. Когда Бадд был ещё мальчиком, то не раз становился участником местных потасовок. Тогда и появилась идея создания джуры. Ганджи ненавидел проигрывать, и с тех пор ничего не поменялось. Разговоры на рынке и в кабаках дали ровным счётом ничего. Словно корабль «Призрак», таковым и являлся, а тот заключённый, у адмирала фон Гаррена, просто врал, чтобы спасти свою жалкую шкуру.

Снова наступила ночь, а информации, где искать Камалию так и не прибавилось. Фигура в тёмном плаще шаталась по подворотням с очередной бутылкой алкоголя, как и подобало горожанину Адаида. Мирные жители уже спали, когда местные шайки начинали свои разборки. Вот и сейчас Бадд слышал одну, начинавшуюся.

— Слышь, очкарик! Мы же видим, что ты при деньгах, так почему не делишься?

— Мои дорогие друзья. Я, увы, не располагаю тем количеством средств к существованию, которое бы вас устроило. Боюсь для моих целей, мне и самому придётся заниматься не самыми приятными в этой жизни вещами. Поэтому позвольте мне идти дальше.

— Ты, типа, нас за идиотов держишь? Типа, нам заняться нечем?

— Отнюдь друзья. Держать таких достопочтенных людей за идиотов мне никак нельзя. Мой статус мне не позволяет общаться со столь уважаемыми в местных кругах личностями. Поэтому мне нельзя больше отнимать ваше драгоценное время.

— Пацаны! Мне кажется он хоть и богатый, но, типа, тупой.

— Ты чё? Назвал нас тупее тупых?

Одного из шпаны за голову схватила рука из-за спины и шмякнула о деревянную стену соседнего дома.

— Они не понимают твоих приколов, очкарик. — из тени вышел мужчина в чёрном плаще. — Хотя я еле дошёл, так оборжался. Хех...

— Он нашего обидел!

— Бей его!

Несколько ударов кулаками и недоразбойники лежали с разбитыми носами в обнимку друг с другом.

— Не твоё это место, очкарик.

— Тебе виднее. Может тогда сможешь проводить меня до моего? Я оплачу выпивку и, быть может, ты расскажешь мне свою историю. Чувствую — личность ты неординарная.

Двое людей в плащах с капюшонами прошли через несколько перекрёстков. Парень в очках умело ориентировался в местном лабиринте, хоть и было видно, что парень не здешний. Ганджи зашёл за своим подопечным в дорожную гостиницу, что находилась прямо рядом с банями. Здание было громадным. А вывеска прямо соблазняла войти вовнутрь, вызывая в наследнике Великого дома Ели ненавистные чувства.

Глава 14. Объятия змеи

Таверна, в которую вошли незнакомец и старший Бадд, впечатляла своей богатой деревянной отделкой в этом тёмном городе холодного камня. С потолка свисали огромные люстры со свечами, а несколько музыкантов играло свой фольклор.

Двое поднялись на второй этаж здания, что находился в том же помещении, что и первый. Поручни лестницы были исполнены в виде сползающих змей, оправдывая названия таверны. «Объятия змеи» не существовало, когда Ганджи был в этом городе последний раз, более тридцати лет назад. Поднявшись на второй этаж, двое посетителей уединилось в самом дальнем углу. Уже выпивший, бывший анхель был заинтересован таким интеллигентом в городе-преисподней. Когда очкарик снял свой капюшон, то под ним оказались прямые бронзового отлива волосы, спадающие до плеч, но, когда Ганджи оголил свою голову, то лицо светловолосого изменилось: мимика его глаз показывала в начале глубокое удивление, а затем ненависть, после которой, сквозь, казалось, невероятные усилия, вновь наступило напускное спокойствие.

— И так, мой дорогой спаситель. Чем я могу тебе отплатить за твою помощь?

— Только информацией, но, думаю, вряд ли у такого, как ты, будет хоть капля того, что мне нужно.

— Внешность обманчива, анхель Бадд.

— Ты меня знаешь?

— Странно, что местная королева ещё не пропустила тебя под килем своего корабля. Твоя огненная шевелюра известна на весь мир. А здешняя фауна тебя, наверняка готова съесть живьём.

— Судя по тому, что ты меня ещё не сдал, тебе что-то от меня нужно? Но ты до сих пор не представился.

— Зови меня Ирон, просто Ирон. Вряд ли ты меня знаешь. Мой народ не любит кидаться именами.

Ганджи смотрел в светло-бежевые глаза своего собеседника и не мог вспомнить откуда ему так знакомо это имя.

— Пытаешься вспомнить? — Ирон указал на пустую бутылку алкоголя, которую Ганджи притащил с собой. — После бутылки такого снадобья не мудрено путаться в картинах прошлого.

— Так, что тебе нужно? Ты бы и сам смог разобраться с той шпаной...

— С чего же ты это решил?

— С того, что человек, которому грозит смертельная опасность ведёт себя совершенно по-другому. — Ганджи поднял вверх руку, подзывая работника таверны, что поднялся посмотреть на новых посетителей. Ирон же слегка ухмыльнулся элементарной логике своего собеседника.

— Я предпочитаю до последнего решать вопросы мирным путём. Сила не для того дана людям, чтобы расшвыривать всех направо и налево, как это привыкли делать гринтерцы.

— Слишком ты борзый для очкарика, Ирон. — к горлу Ганджи подошла тошнота, и работник еле успел пододвинуть ногой ведро.

Парень, что-то определённо знал, раз вёл себя так уверенно. Поэтому нельзя было отпускать его так легко, из-за мелкого конфликта мнений. Ирон сидел всё в той же позе со

сложенными на столе руками.

— Продолжим? Или ты... — ехидная улыбка очкарика была сродни издевательствам, но Бадду приходилось терпеть и не такое.

— Я в порядке. Ты что-нибудь знаешь о корабле работоторговцев «Призрак»?

— Название знакомое, но я в порту его не видел. Возможно, мой друг сможет тебе помочь, он как раз должен подойти с минуты на минуту. — Ирон опустил взгляд на странный браслет с двигающимися палочками. Одна была короткая, другая длиннее. Короткая не двигалась, но вот длинная изредка дёргалась. Очкарик поймал взгляд своего собеседника. — Это часы. Изобретение моих предков. Я их уменьшил, для того чтобы можно было носить их на руке. Длинная стрелка показывает минуты, а короткая часы.

— И зачем тебе эта фигня?

— Чтобы поймать тень летящей птицы, мой друг.

— Что?

— Время идёт, Бадд. Эйдос это давно понял, а вот Гринтерра так и продолжает лишь созерцать мир вокруг, а не подстраивать его по себя.

— Мы никто в этом мире, очкарик. Если богиня Природа захочет уничтожить такого засранца как ты, то ни один твой механизм не сможет тебя защитить.

— Может ты и прав, Бадд. Но может быть и сама Природа склонится перед засранцем.

— Скорее луна обрушится на землю, чем человек заставит склониться перед собой богиню. Вы, эйды, живёте мнимыми фантазиями о лучшем мире. Хоть и позволяете себе захватывать чужие территории, не задумываясь о тех, кто там живёт.

Казалось бы, вечный диалог прервали приближающиеся к столу звуки шагов. Мужчина с белыми, зачёсанными назад волосами сел за стол рядом с Ироном и окинул взглядом ошестинившегося рыжего гостя.

— Нурмурот, мать его, Ренней.

— Ганджи, красный бес, Бадд? Взял фамилию отца?

Ирон сделал удивлённый вид и усмехнулся.

— Вы знаете друг друга?

— А как же тут не узнать то... — прошипел гринтерец. — Двоюродного то брата.

Огневолосый мужчина сверлил взглядом двух, сидящих перед ним аристократов. Стекланный сосуд перед ним быстро опустел и работник таверны, после не двусмысленного жеста, принёс ещё одну бутылку.

— Как сказал бы поэт: «Ты голову свою посеял в бочке полной алкоголя». — с напевом и наигранной интонацией Нурмурот достал длинный сигаретный держатель и вставил в него тоненький свёрток. — Ты ведь не пообщаться пришёл со своей матерью? Или у тебя проснулись сыновьи чувства?

— Я ищу свою дочь... — пробубнил Ганджи, убирая от губ бутылку.

— Ууу... Значит отцовские... Ну коли так то, чем я... Чем мы, можем тебе помочь? — беловолосый мужчина обвёл дымящейся сигаретой Ирона и себя.

— Мне нужен «Призрак».

— Ооо! Знакомое название судна, но боюсь тебя расстроить.

— Что?! Что с ним?! — бутылка выпала из руки пьяницы и покатила по столу.

— Твоя мать, Коджи Ренней. Приказала взорвать корабль, как только тот войдёт в зону действия орудий. Так и произошло. Представляешь?! Такой фейерверк был, только ленивый не вышел посмотреть.

— Ты врешь! Ты всё врешь!

— Если ты мне не веришь, братец. То сходи и спроси у своей матери сам, если конечно духу хватит появиться у неё на глазах после того, как сбежал.

— На том корабле была моя дочь и если мать правда так сделала, то я разорву её на мелкие кусочки.

— Ну ну... — Ирон саркастично хлопнул в ладоши и поднялся со своего места. — Приятно было познакомиться, анхель Бадд, но мой жёсткий график не даёт мне более возможности с Вами разговаривать. Буду рад встретиться вновь. При более радостных обстоятельствах. — лицо очкарика скривилось в обманчивой улыбке, а в глазах читался жуткий холод. Он одел свой плащ и ушёл вниз по лестнице.

— Посол! Стойте! — Нурмурот подлетел с места. — А как же наши дела?!

— В следующий раз, Ренней! — после чего дверь в гостиницу захлопнулась за своим гостем.

— Ты сказал «посол»?

— Да, Ганджи. Ирон фон Ридас, один из уже, благодаря тебе, двух сыновей императора, является послом Эйдоса. После Краткой войны, именно ему было поручено разрешить сложившуюся ситуацию.

— А ты стал важной шишкой, как погляжу.

— Я являюсь регентом главы Великого дома Вишни. Моя сестра была замужем за предыдущим главой и родила сына. К сожалению, вырастить они его не успели и погибли в горах от лавины. Так как я был ближайшим родственником, то император выбрал меня регентом.

— Вряд ли император сделал такой выбор сам.

Нурмурот улыбнулся:

— Сам или нет, я управляю Великим домом. А ты можешь и дальше упиваться в своём горе. Наверное, потому то твою дочурку и украли у тебя из-под носа. Ты растерял свои клыки, уйдя в закат.

Кулак Ганджи пролетел в миллиметре от уха Нурмурота и коленка мужчины вошла в живот пьянчуге. Бадд рухнул на пол, откашливаясь и сплёвывая выпитый алкоголь.

— Как я и говорил, клыков уже нет... — альбинос ударил своего брата сапогом по лицу, выбивая того из сознания, и вышел из заведения, кинув работнику таверны пару фраз и мешочек с монетами.

Прошло три дня с последней посиделки Камалии у Коджи. Бой должен был состояться через пару часов. Всё это время Кама тратила на разминку. Растягиваясь и разогревая мышцы, она хотела только одного — поскорее разобраться с оставшимися пятью бойцами.

“Пусть Шион будет одним из них.”

В дверь камеры вошёл Хейч, взгляд которого с самого начала был направлен на левый, янтарный глаз Лии, знаменитого бойца ямы, что не убила ещё ни одного человека на этой арене.

— Пойдём, девчонка. Зрители ждут. Мне ещё с другими проблемами разбираться. Постарайся закончить быстрее. Гепард, как никак.

Ведущий и боец вышли на арену. Глаза Камалии снова начали привыкать к яркому свету и крикам безумного населения этого ужасного города.

— Девочки и мальчики! Сегодня будет не обычный бой! Наш юный боец сегодня будет

биться насмерть против того, кто некогда был его лучшим другом! И так! Гринтерка Лия против южанина Шиона!

Камалия осмотрела трибуны и не увидела там Коджи, которая ни разу ещё не пропустила её поединка. Но услышав слова Хейча, сердце девочки замерло. Дверь напротив распахнулась и в яму вошёл он! Седовласый Шион держал в руке копьё.

— Да!

— Убей её, старик!

— Давай, разноглазая, не подведи!

— Мелкая, я поставил на тебя все деньги!

Юная Бадд стояла напротив своего врага и не могла решиться сделать даже шаг в его сторону. Да он её предал и всё рассказал Коджи, но зачем? Он же так много хорошего для неё сделал. И на корабле пока они плыли и когда прибыли сюда. Но вот Шион, напротив, всё для себя уже решил. Старый раб встал в боевую стойку, и направил копьё в сторону девочки.

— Шион! Зачем ты хочешь драться? — раб медленно начал приближаться к своей цели, шаркая ногами по красному от крови песку. — Ты хочешь меня убить?! — Кама прижалась спиной к стенке и наблюдала полного решимости к убийству девочки мужчину. — Я не хочу с тобой драться!

Наконечник копья ударился в то место, где только что была голова Камалии. Девочка уворачивалась от быстрых ударов копья, перебегая вдоль стены маленькой арены.

“Кто дал ему оружие?”

Ещё один выпад копьём и Кама успела схватиться за древко двумя руками и, оттолкнувшись от земли, ударила Шиона ногой в грудь. Старый раб упал на настил и закашлялся. Но его боевой пыл никуда не делся. Как ни в чём не бывало он кинулся к Камалии. Девочка перевернула копьё тупой стороной и колющим ударом снизу вверх вырубил своего оппонента в подбородок.

— Шион! — Кама подбежала к рухнувшему на землю рабу. — Ты меня слышишь? Ты слышишь?

Глаза старого раба чуть приоткрылись, а изо рта потекла тоненькая струйка крови. Мужчина хотел что-то сказать, чуть опустив нижнюю челюсть и Кама схватилась за лицо, сдерживая тошноту. У Шиона не было языка. Когда Камалия опустила руки, мужчина уже не двигался и не подавал признаков жизни. Хейч открыл дверь клетки и жестом показал ей выходить. Публика не утихала ни на секунду, но сейчас юная Бадд не слышала ничего, кроме быстро стучащего сердца, будто разрывающего грудную клетку изнутри.

“Я убила его? Нет! Не может быть! Я же ударила в подбородок, он должен был только потерять сознание...”

— Отведи меня к Коджи! — заявление Камы со слезами в её разных по цвету глазах на мгновение заставило оторопеть ветвь Ели, как назывались советники и помощники глав Великих домов.

— Чертовка! — пощёчина впечатала рабыню в каменную стену. — Думай о чём просишь! Когда госпожа захочет с тобой говорить, она сама тебя позовёт! А сейчас... — Хейч взял девочку за шкурку, словно подранную кошку, и закинул в противоположный конец её камеры.

Ночь беспросветным полотном накрыла город. Камалия уснула быстро, но даже во сне увидела лицо, истекающего кровью Шиона. Затем, когда она должна была покинуть яму, её обволокла тьма, а под ногами оказалась бездонная пропасть. Дым, взявшийся из ниоткуда,

начал обволакивать Камалию, постепенно приобретая очертания змеи, а когда девочка моргнула, то её и вправду обволакивала огромная тёмного окраса змея. Гладкая чешуя тёрлась о кожу, а голова змеи медленно, по спирали, поднималась вверх к голове Камы. По рассказам мамы, такие змеи должны были сжимать своих жертв, а затем и съесть, переломав ей все кости, но эта огромная анаконда не сжимала Камалию, скорее наоборот, нежно гладила её своими кольцами и согревала. От неё чувствовалась какая-то защита и умиротворение. Затем невидимый клинок ударил сквозь тьму, и голова змеи начала падать на дно бездны. Юная Бадд резко проснулась и почувствовала под собой от чего-то влажные шкуры. Её подстилка, на которой она спала, была насквозь мокрой, а когда Кама поднесла руки на свет свечи, то закричала от ужаса. Бардовыми от крови руками девочка забарабанила в дверь, которую тотчас открыл охранник Олаф.

— Чего стучишь? Все уже давно спят. — низкий тембр охранника смог остановить начавшуюся истерику.

— Там кровь! Там всё в крови! Я в крови! — Кама не понимала, что происходит. Ей казалось, что всё это плохой сон, но страх лечь обратно пересилил все остальные эмоции, включая былой страх перед тёмной королевой.

— Эх... Госпожа приказала сообщать ей обо всех странностях. — охранник протянул свою огромную руку маленькой рабыне. — Пойдём со мной, я провожу.

Большой, медленный и неповоротливый воротила с алебардой в одной руке вёл за руку девочку. В его хватке не чувствовалось злости, он казался просто добрым дядькой, что ведёт её к родителям. Когда парочка дошла до двери кабинета, то мужчина пару раз постучал толстыми пальцами в дверь. В начале было тихо, но затем она распахнулась и в темноте показался силуэт молодой девушки.

— Госпожа, ты приказала...

— Я помню, Олаф. Возвращайся к обязанностям.

— Хорошо, госпожа!

Олаф ушёл дальше по коридору, оставив Камалию перед порогом.

— Заходи, Камалия, или ты уже передумала?

— Я... Конечно! — рабыня зашла в кабинет, который постепенно начинал освещаться свечами, что зажигала Коджи.

— Итак, я смотрю, ты уже такая...храбрая.

— Ты сказала, что я должна тебе доверять и доказала это, поэтому...

— Значит, не выучила мой урок.

— Если никому не верить, как же тогда жить?

— Я тоже часто задаю себе этот вопрос, поэтому ты мне так нравишься.

— Нравлюсь?

— В тебе ещё не угас тот огонь надежды, тот огонь веры в людей. Поэтому я и заключила с тобой договор. После как станешь чемпионкой ямы, сможешь уйти из этого жуткого места. Хотя отпускать тебя жуть как не хочется.

— Ты странная, Коджи.

— Ахах! Странная?

— Да.

— Это почему?

— Потому... — кинжал, что Камалия стянула у ничего не подозревающего Олафа оказался у самой глотки смеющейся тёмной королевы.

— Ха! Ты хороша. Даже смогла меня растрогать. А теперь убери эту игрушку, пока я не отобрала её вместе с твоей рукой.

Взгляд. Разве нужно что-то большее для сильного человека, чтобы заставить паниковать своего врага? Рука девочки задрожала и медленно опустилась вниз. Змеиным взглядом сверху вниз, словно хищник, взирающий на свою добычу, Коджи Ренней смотрела на Камалию.

— Ты не смогла бы меня убить, даже если бы захотела. Ещё не доросла до убийцы. Ведь убийца никогда не думает о том, кого убивает, ведь это его ежедневное занятие.

— Ты вырвала язык Шиону?

— Да, это сделала я. Зачем? Ну это просто. Раб слишком много знал.

— Он не раб! Он человек!

— О нет, моя сладкая. Он стал рабом уже давно, но ты не рабыня. Даже если я закую тебя в кандалы, даже если буква «Р» будет выжжена на всем твоём хрупком теле. Ты никогда не сможешь стать рабом.

— Это почему?

— Слишком глупая. — Коджи рассмеялась, а лицо Камы в миг стало красным. — Шион умер. И можно было бы сказать, что его убила ты, но, боюсь, старость тебя опередила.

— Но почему он тогда сражался со мной и пытался меня убить. Он чувствовал приближение своей смерти?

— Оу... Нет, моя сладкая. Люди могут всю жизнь ждать смерти и бояться её, но никогда не могут смириться с её приходом. — Коджи набила трубку табаком и белые струйки дыма выкатились из её маленького изящного носа. — Шион не хотел принимать скорую погибель и попросил копьё у моего стражника, чтобы иметь хоть какие-то шансы против такого бойца как ты...

— Но я не хотела его убивать!

— Но хотела выжить! И он тоже хотел выжить! Двоих выживших в яме не бывает. Лишь единицы удостоиваются такой чести. Поэтому он бился за жизнь, а ты встала у него на пути.

— Мне приснился сон, что меня обволокла огромная змея, а затем я начинаю тонуть в крови, а когда проснулась... — Камалия показала на окровавленную рубашку и штаны.

— Ахаха! Не бойся детка. Это мин-мин.

— Мин-мин?

— Ну да. Мин-мин. Такое бывает только у женщин, но похоже, что духи сочли тебя достойной зваться женщиной, поэтому теперь мин-мин будет случаться каждый месяц. Но знаешь, что придумали гринтерские жрецы для женщин?

— Мама мне никогда не рассказывала про мин-мин...

— Жрецы придумали вот это... — черноволосая девушка достала из одного из многочисленных ящиков своих шкафов маленькое растение, напоминающее по размеру палец. — Но сначала тебе нужно помыться.

После того как Коджи вымыла свою подопечную в личной бане, она выдала ей новую одежду: короткие шорты и новая бардовая рубашка с широким кожаным поясом, как нельзя кстати пришлись Камалии по размеру.

— Откуда у тебя эта одежда?

— Сменила как-то раз кожу рановато, вот и гардероб свой пришлось обновлять.

— И всё-таки ты странная, Коджи.

— Все мы немного странные, Лия. Разрешаю тебе сегодня спать на этом диване. Завтра

твои шкуры заменят, и ты вернешься обратно. И, быть может, я покажу тебе город. Кстати... — темноволосая женщина наклонилась и взяла со старых одежд Камалии две серебряные монеты. — Это я заберу, в уплату твоей обновки.

Глава 15. Кто я?

Голова трещала по швам, будто всю ночь лежала между молотом и наковальней. Глаза отказывались открываться, признавая лишь мрак, которым окутывали их веки. Но тем не менее Ганджи лежал не где-то в переулке, в грязи, среди шатающегося сброда, а в очень мягкой и уютной постели. И хотя он уже начинал чувствовать амбре от своего долгого путешествия, а отросшая борода на лице заставляла чесаться, среди всего этого он почувствовал чей-то знакомый, давно позабытый запах — из аромата еловых иголок и терпкого виноградного сока. Открывать свои глаза и, тем более, отрывать голову от подушки, было невыносимо. А тело, что верой и правдой, привело Ганджи в эту дальнюю точку его путешествия без отдышек и долгого сна, ныло и болело, умоляя своего хозяина дать ему отдых. Но бывший рантар не смог удержаться и сделал то, чего столько времени ждала женщина, сидящая на резном деревянном стуле в дальнем углу комнаты.

— Хвала Духам Природы... Ты всё-таки проснулся! — женщина в чёрном свободном платье перекинула одну ногу на другую. — Я уж думала, что Нурмурот слишком сильно тебя приложил, но, наверное, его обида на тебя гораздо больше пары синяков и намного меньше той, что таится у меня в сердце.

— Мама... — через тяжести похмелья изверг из себя Ганджи.

— Уже неплохо: «Мама...». — Коджи Ренней встала со стула и прошлась вдоль дальней стены комнаты. — Хотя это ты не забыл — что у тебя есть мать. Потому что уже более тридцати лет я ждала весточку от собственного сына, который сбежал, когда ему было всего четырнадцать. Как ты считаешь, Ганджи? Неужели, я столь многого хотела в этой жизни?

— Ты знаешь, почему я ушёл...

— Испугался ответственности за тысячелетнюю историю своего рода и Великого дома, который ему принадлежит.

— Дело не в этом.

— Тогда расскажи мне. Расскажи, ради чего ты бежал от своей судьбы? Чтобы служить Гринтерре? Заполучить высший из возможных для тебя военных чинов в их армии? Или быть может любовь? Но даже она меркнет в сравнении с тем равновесием, которое ты привнёс в мир, превзойдя все мои ожидания, ведь ты выиграл Краткую войну и убил кронпринца империи Эйдос, Кассия фон Ридаса, разорвав все возможности для воссоединения Великих домов в единый организм.

— Тебе не интересно моё мнение. Ведь ты всегда решаешь всё за других, поэтому я принял решение поискать счастья с другим своим родителем. Папа не похож на тебя, он...

— Он честный дурак, который знал, что ему нужно, но не знал, как этого достичь! — Ренней не была готова к этому разговору, хоть и готовилась к нему с самого побега своего сына. Ей до сих пор не верилось, что судьба вновь свела их вместе, а ко всему этому привела ей внучку, возможную наследницу великого рода Ренней.

— Не смей так говорить об отце. Гильгам Бадд был сильным и мудрым воином, ты сама выбрала его себе в мужья. Ты же сама жила с ним на Тиабате и, по словам отца, была счастлива... — хоть Ганджи и был взрослым мужчиной с богатым жизненным опытом, но перед своей матерью он вновь казался себе маленьким ребёнком, которому не нравились нотации более мудрёных людей.

— Гильгам... Деревня Орешника, гора Тиабат... Как давно это было... — Коджи

посмотрела в окно, будто видела в стекле отражение тех тёплых дней, не похожих на те, что окружали её последние сорок четыре года и несколько месяцев. — Я приняла свою судьбу и не могла подвергать сомнению тысячелетний опыт моих предков. Наш род существует на этом континенте для поддержания баланса мира, как и все остальные главные семьи девяти Великих домов. Не тебе ставить такое под сомнение. Будь честен — ты испугался своей участи раба судьбы и попытался сбежать от неё, но она всё вернула в стократ.

— Ты хоть любила?

— Я не намерена это обсуждать с предателем своего рода. Ты должен быть благодарен хотя бы за то, что твоя голова ещё не красуется на одной из пик этого города. И это, не говоря о Нурмуроте, который мог выкинуть тебя, алкаша, в какую-нибудь сточную канаву.

— Ох... Как я благодарен... Звон в голове от его ботинка до сих пор напоминает мне о том, что надо за неё отблагодарить этого белобрысого засранца.

— Ха... Думаю ты не в том положении, чтобы хоть кому-то угрожать. И судя по рассказу Нурмурота, ты ищешь дочь...

— Если ты хоть что-то знаешь о ней, скажи сразу!

— Как же я могу тебе помочь, если я даже не знаю имени своей внучки и наследницы Великого дома Ели.

— Её зовут: Камалия Бадд; и она не твоя наследница и тем более не этого поганого дома...

— Хмм... Камалия Бадд... А почему не Ренней? Ты считаешь, что, скрывая от дочери её родовое древо, сможешь взрастить новое заново?

— Я просто хочу найти дочь и убраться прочь из Адаида, как можно дальше...

— А потом что? — тёмная королева подошла к кровати и села на её край. — Что дальше, Ганджи? Будешь промывать ей мозг о том, что её бабушка умерла давным-давно и её род не имел даже фамилии?

— Лучше так, чем... — боль полоснула по вискам калёным железом и, словно выныривая из воды и видя небо без искажения водной глади, так и Ганджи вспомнил слова Нурмурота о «Призраке» и приказе взорвать его при заходе в гавань. — Ты!

— Я?

— Ты приказала стражам на воротах атаковать «Призрак»! — поднятый указательный палец в направлении тёмной королевы, слегка её позабавил.

— И что с того? Просто его капитан давно нарушал правила моего города и был предупреждён о наказании за своё возвращение.

— Там была моя дочь?! — перешёл на крик Бадд, напрочь забыв о похмелье.

— То есть... Ты позволил работорговцу украсть свою дочь, привезти её в самое страшное для детей место в мире, и обвиняешь меня в том, что я просто, прошу заметить, не зная о твоей никчёмности в исполнении роли отца, следовала правилам? — улыбнулась старшая Ренней, выводя из себя своего сына. — Значит ты ещё более горделив и аморален, чем я думала.

— Убийца! — Ганджи сорвался с места и, схватив Коджи за белоснежную шею, поднял её в воздух, оторвав ноги от пола. — Теперь я убью и тебя!

Удар в челюсть носком ноги снизу вверх и Ганджи отпустил свою мать из смертельного захвата.

— Ты и правда думаешь, что подобными действиями сможешь кого-то вернуть или сделать свою жизнь более счастливой?

С криком, в одних штанах на голое тело, анхель рантаров ринулся на своего родителя. Множество ударов руками и ногами, что не достигали своей цели, пролетали рядом с Коджи. За пару десятков лет, на памяти гринтерца, всего один человек был способен превосходить его в честном бою, но собственная мать удивляла своего сына чудесами изворотливости.

— И с подобными ударами тебя взяли в рантары и дали звание анхеля? Управление Гринтерры вызывает множество вопросов...

Ганджи Бадд выкинул сжатую в кулак правую руку и, тот час, его правый глаз пронзило острой болью, а свет стал литься лишь в левый. Клинок странной формы сверкнул в руках носительницы анимы анаконды.

— Даю тебе время до следующего утра убраться из моего города. И советую смириться с потерей дочери. Быть может, я смогла бы её воспитать и защитить лучше, чем такой отброс, как ты. Прощай... — Коджи хлопнула дверью, а её сын так и осел на кровать с вертикальным порезом поперёк всего правого глаза. Как наказание за то, что посмел поднять руку на собственную мать.

Анаконда вновь окутывала Камалию в свои тёмные кольца, но, как и в прошлый раз, она не представляла для девочки никакой угрозы, стараясь оградить её от тёмных силуэтов, выходящих из сизого тумана. Вспышка света и разноглазая открыла свои глаза, всматриваясь в тёмный потолок своей камеры. Свеча уже догорала, а это означало, что скоро ей принесут еду и новую свечу для замены.

Когда Олаф открыл дверь держа в руках поднос с несколькими тарелками, Кама хотела попытаться сбежать, но затем вспомнила про высокие чёрные стены из камня, перерастающие в штормовые облака, и её желание сразу исчезло.

“Сбежать из Адаида невозможно. Только с разрешения госпожи Ренней я смогу покинуть этот город-тюрьму. Но...” — Камалия вспомнила свой разговор с главой Великого дома Ели и её зрачки поражённо расширились. — “Она сказала, что я уже состою в её Великом доме? Как я могла забыть эту фразу? Неужели она является моим родственником? Но я же знаю всех: Ликург Перлей — мой дед по маме, Пимиана Перлей — моя бабушка по маме, также есть и тётя, но я не помню её имени, кажется она замужем за одним из царей Гринтерры, по отцовской же ветке моим дедом является Гильгам Бадд, но имя его жены, моей бабушки... Папа ничего о ней не рассказывал, а я и не спрашивала... Хмм... Но ведь то, что я состою в этом доме ещё не обязательно означает, что я связана с Коджи по крови, хотя с рождения можно состоять в Великом и Малом доме только связанным кровью с главным его родом...”

Размышления над мисками с едой, в которых были чистая питьевая вода и отборный кусок варёного мяса с овощами, прервал аккуратный стук в дверь камеры. Сидя на шкурах, Камалия не сразу поняла, кто вошёл в её покои. В светлый полуоткрытый дверной проём зашла сама хозяйка тюрьмы Гаргароса и тёмная королева Адаида, Коджи Ренней. Закрыв за собой дверь, она внимательно осмотрела условия содержания своей внучки. Её янтарный пронзительный взгляд пробежался и по самой заключённой.

— Мне кажется, что скоро тебе здесь будет не место. — с улыбкой произнесла тёмная королева, глядя в маленькое окошко над головой Камалии.

— С чего это вдруг? — такого же янтарного цвета, как и у бабушки, левый и лазурный правый, глаза наследницы Великого дома Ели смотрели на свою родственницу исподлобья, в ней боролись несколько противоречивых чувств: с одной стороны она должна была

ненавидеть эту женщину, что не выпускает её из заточения, с другой — Коджи сделала для Камалии здесь больше, чем кто-либо, не говоря о том, что скрывала тайну её знаменитой фамилии от всех вокруг, а в третьих — внучке просто хотелось обнять единственного родственника, который хитрым сплетением судьбы в столь опасный момент её жизни, оказался рядом.

— Может быть, ты хотя бы обнимешь меня, если уж догадалась сама...

— Ты знала это с самого начала?

— Отнюдь, детка. Я лишь догадывалась. Настоящее знание пришло вместе со словами Шиона, которому ты помогла отойти в мир иной.

— Ты сама нас свела в бойцовой яме!

— А ты нанесла удар! Хотя могла просто лишить его сознания, как и почти всех до него. Твой отец хорошо натренировал тебя, джура вправду нашла себе новую жизнь в твоём лице.

— Р-р-р... — злость Камы начала одерживать верх над рассудком.

— Ты чересчур много ценишь жизнь тех, кто сдал тебя при первой же возможности. Твой отец сейчас в этом городе, но как только я сказала ему, что ты погибла вместе с «Призраком» и всей его командой, то он тотчас же решил уйти отсюда, быстро поверив в произошедшее.

— Ты врешь! Он бы искал меня до конца, пока не нашёл бы моё тело! — слёзы пересилили злость, и они полились из её разноцветных глаз. Девочка села на шкуры и закрыла коленями своё лицо. — Папа меня не смог бы так легко оставить...

— И тем не менее... — Коджи села рядом с Камалией, облокотившись на стену. — Твой отец бросил тебя на произвол, отправив на то задание.

— Он думал, что я достаточно сильная. Никто не ожидал там банды Алатаса.

— Индюк тоже думал и не ожидал.

— Значит, ты не сказала моему отцу, что я здесь?

— Он не хотел меня слушать и всё решил сам. Я приказала убить Жарго вместе со всей его командой, и взорвать их корабль где-нибудь подальше от гавани. А расследование твоего отца привело его к мысли, что я взорвала его вместе с тобой и остальными рабами. Он уже покинул город и, наверное, направляется обратно на Тиабат.

— И ты его отпустила? Как ты могла позволить ему так уйти? Ты же могла показать ему меня!

— Я встретила его уже перед отплытием и не видела смысла мешать ему покинуть город, как уже делала когда-то давно. Если он так легко отказывается верить в то, что его дочь жива, значит он её недостоин.

Камалия подняла голову и с красными от слёз глазами посмотрела на свою бабушку. В её словах была логика, с которой было тяжело спорить.

— Теперь... — продолжила Коджи. — Я предлагаю тебе, своей внучке занять своё место подле меня, где тебе и место, потому что других наследников кроме моего сына и тебя, я не имею.

— А как же Нурмурот? Он же твой племянник, он тоже Ренней.

— Мой племянш не имеет право наследования власти в Великом доме Ели. Он, если так можно сказать, из вторичной ветки. Ведь у дерева есть ствол и множество ветвей, но у каких-то деревьев ствол раздваивается или того больше разветвляется по мере взросления, но ель всегда имеет один ствол, отпуская свои ветки лишь в стороны от ствола. Так и в Великом доме Ели наследовать власть может лишь главная ветвь, опора, ствол.

— Значит, мой папа — прямой наследник? Но он же Бадд?

— По традиции фамилия главного рода в Великом доме не может заменяться другой, но молодёжь совсем не чтит традиции. Потому что ты, насколько мне известно, наследница сразу двух Великих домов.

— Сразу двух? Но как? Неужели...

— Да-да... Твоя мать, Адеола Перлей кажется, старшая дочь главы Великого дома Дуба, Ликурга Перлея, взяла фамилию своего мужа, Бадд. Что в очередной раз доказывает неблагодарность нынешних наследников... — тяжело вздохнула старшая Ренней. — Но для тебя, наверное, было бы уже глупо менять свою фамилию на Ренней-Перлей.

— Звучит не очень...

— Теперь ты должна очень осторожно относиться к своей жизни, являясь наследницей двух главных родов. — Коджи встала со своего места и протянула руку внучке. — Теперь, когда ты знаешь, кто на самом деле, то должна узнать ещё кое-что. — Кама схватилась за руку и, вытирая глаза другой рукой, встала рядом с бабушкой. — Никто пока не должен знать о том, что ты являешься моей наследницей. Никто, слышишь?

— Но почему? Тебя же боятся во всём Адаиде?

— Страх является не только щитом от моих врагов, но и стимулом для приближённых искать мои слабости, чтобы занять моё место, и если раньше таких слабостей не было, то теперь именно ты являешься моей главной заботой.

— Но почему им нужна я? Почему я, твоя слабость?

— Потому, Кама, что человек живёт ради накопления материального и духовного, а затем передачи этого своим наследникам. Если ты исчезнешь, мне некому будет передать мои знания и умения, а значит и моя последняя надежда на продолжение наследования в Великом доме Ели исчезнет.

— Но у меня есть младший брат, Ракдай Б... — Коджи рукой закрыла Камалии рот.

— Не смей произносить ни имена родственников, ни, тем более, фамилии так громко. Этот город принадлежит тени. В каждом углу может таиться опасность, за каждым поворотом может поджидать враг. Держи свой рот на замке и, быть может, когда ты станешь сильной, я смогу явить тебя миру.

— Значит, до этого момента я должна притворяться твоей рабыней? Много лет?

— Всё зависит только от тебя, ведь никогда не знаешь, что случится на следующем витке судьбы.

Коджи Ренней покинула камеру, оставив Камалию наедине со своими мыслями и остывшей едой. Всего за пару десятков минут, её жизнь предстала для неё в новом свете. Главные ветви двух Великих домов слились в ней, наследнице, носящей фамилию Малого дома Орешника.

Съев холодное мясо с овощами, что не потеряли своего вкуса, Кама начинала размышлять о своей дальнейшей судьбе. Не уж то сама Коджи Ренней боится за её жизнь, а папа так легко смирился с её кончиной? Так тяжело и так горько было поверить в происходящее, что красноволосая воительница подскочила с места и начала отрабатывать бой с невидимым противником, выжимая из себя все соки.

“Осталось выиграть четыре боя, и битву с чемпионом; тогда-то и посмотрим, что предложит мне бабуля, и чем я займусь после...”

Глава 16. Козерог

Рождение в городе греха и порока не предвещало ничего хорошего новорождённому младенцу. Люди в нём были испорчены своей родословной. Улицы буквально тонули в похоти и разврате, не проходило и дня, что бы с улиц не убирали трупы более слабых и немощных, чем их противники, людей. Само солнце не хотело смотреть сюда, потому здесь всегда царил мрак. А чёрные скалы оградили это место континента от остального мира, и никто без разрешения главы города-тюрьмы не мог покинуть это место на протяжении нескольких тысяч лет.

Тем не менее, здесь на свет появился малыш. Весь в крови материнской утробы он улыбался своей родительнице, что не могла и не хотела отвечать ему взаимностью. Его зелёные глаза, совсем стеклянные, как это бывает у младенцев, смотрели на свою мать с такой любовью и чистотой, что вызывали у женщины рвотные позывы. Конечно, будучи работницей дешёвой таверны у самого порта её не могли обходить стороной прибывающие матросы. После того как её насильно взял один из них, у неё началось, как она считала, самое тяжёлое время. Живот начал расти, головные боли и головокружения стали её постоянными спутниками, а чувство вкуса, тут всё было проще: если раньше та еда, что ей доставалась от клиентов казалась облюбованными помоями, то тогда стала пахнуть не лучше, чем у тех свиней, что владелец таверны начал разводить несколько лет назад. Что уж говорить о родах: этот паразит будто разрывал её на части изнутри, старался выбраться наружу, вызывая такую боль, что невозможно описать живому мужчине, ведь лишь четвертованные мужи, возможно, могли испытывать нечто подобное.

И вот, сейчас, этот маленький зеленоглазый монстр смотрит на свою мать, у которой не поднимается рука убить своё дитя.

“Почему я не могу убить это чудовище?” — думала она. Выкормить этого ребёнка она не могла, все её силы уже были потрачены, а средств к существованию едва хватило бы ей самой. Поэтому решение проблемы не заставило себя ждать.

Ребёнок приземлился в грязь свинарника позади таверны, а проливной дождь заставлял его жмуриться и закрывать рот, чтобы не захлебнуться от падающей с неба воды. Размахивая руками и ногами, он вертел головой, пытаясь найти ту, что несла его и прижимала к себе всё это время, но увидел лишь небольшой приближающийся силуэт. Свинью не кормили несколько дней, из-за очередных военных столкновений Гринтерры и Эйдоса не было поставок продовольствия в город, даже пиратам приходилось сидеть по своим бухтам, стараясь не вмешиваться в дела двух мировых сил. Она съела уже всех своих поросят и вот, что-то приземлилось на территорию её хлева, почти рядом с самой кормушкой. Может и странно, но свинья сначала обнюхала, очищенного от крови проливным дождём, ребёнка, прежде чем откусить первый кусок, её гул в желудке всё же одолел самые благородные позывы оставить дитя в живых. Ребёнок понял, что ему грозит опасность, начал кричать изо всех сил, призывая на помощь ту, что помогла ему явиться на свет, но его мать уже давно была на кухне и варила какой-то суп из горного мха и гнилой рыбы. Младенец упёрся в нос хищнице, но она уже дотронулась своим языком до его младенческой кожи, стирая её будто точильный камень снимает верхний слой ржавчины с железа.

Удар ноги в тощее пузо свиноматки заставил отлететь её обратно под свой навес, и с тяжёлым кряхтением, не понимая, что произошло и почему у неё отбирают только что

брошенную ей пищу свинья медленно встала и, повертевшись на месте, легла поудобнее. Мужчина в капюшоне и плаще лишь слегка улыбался и, подняв новорожденного, прижал его к своей груди. Прогуливаясь по своему городу, он спас уже не одного младенца от гибели страшнее, чем эта, но каждый раз поражался, на что могут пойти люди, чтобы выжить. Ребёнок игрался с его короткой седой бородой, радуясь своему спасителю, который отдал зеленоглазого младенца в местный детский приют под покровительством Великого дома Ели, что старался растить новое поколение своих воинов — стражников преисподней. Имена всем детям давали короткие, чтобы проще было их запоминать и руководить будущей стражей города. Имя же этому младенцу дали отчасти отвратное, отчасти просто неприятное в произношении, как и вся его история после рождения — Хейч.

Мальчик рос непослушным и непокорным, за что часто ходил побитый своими же воспитателями, и не реже ночевал в холодной одиночной камере приюта. Когда мальчику было четыре, то у него, как и у всех детей его возраста, появилось тату анимы, но вопреки мнению воспитателей, что Хейч должен получить знак хищника, выжженное, точно калёным железом, изображение козерога удивило всех работников приюта.

Воровство на кухне, а также попытки сбежать в большой город были ежедневным развлечением Хейча. Сплотив вокруг себя более десятка других детей разных возрастов, он буквально стал вожаком собственной стаи, пытаясь доказать себе и всем окружающим, что даже Духи Природы могут ошибаться с тем, какой именно знак больше подходит человеку. Когда ему становилось скучно, то мог исчезнуть один из воспитателей, а после исчезнувшего могли найти забитым камнями и палками, но доказать причастность Хейча к произошедшему никто не мог. Вскоре, по одному, детей выгоняли из приюта. Конечно, выгоняли самых неуправляемых, какими и оказались козерог со своей шайкой. К слову, носители анимы хищников были и среди приближённых зеленоглазого главаря, и даже превосходя его по силе, они не могли соперничать с ним в хитрости, продуманности своих действий и коварстве. Оставшиеся в открытом для изучения Адаиде, подростки начали покорять местный сброд, будучи постоянно сытыми, они старались остаться такими же, совершая налёты на склады продовольствия и устраивая дебоши в тавернах, чтобы не платить за еду.

Вскоре банду Хейча, названную «Чёрный козёл», знал весь Адаид, и к совершеннолетию главаря было решено украсть пиратский корабль, что из раза в раз возвращался целым из всех плаваний. «Чёрный козёл» спрятался по бочкам вместо провианта, что, якобы знакомый капитану таверщик, подкупленный Хейчем, подарил своему другу. Трёхмачтовое судно называлось «Лилит», множество пушек по бортам говорило о богатстве капитана и его удачливости, но только в этот раз плавание должно было закончиться иначе. Как только корабль, когда-то украденный у империи Эйдос, вышел через Врата Жизни в открытое море и наступила ночь, «Чёрный козёл» во главе с Хейчем перерезал плотки всей команде, оставив в живых лишь навигатора, которого под пытками заставили учить главаря банды древнему искусству ориентироваться в открытом море. Несмотря на то, откуда вышла вся команда козерога и на то, какие страшные вещи они совершали, Хейч доверял каждому члену своей банды, каждому с кем вырос и совершал всевозможные опасные вылазки — все они стали для него ближе, чем просто друзья.

Навигатора высадили примерно через год на каком-то захолустном островке, вдалеке от торговых путей, которыми пользовались корабли Гринтерры и Эйдоса. А затем началась самая интересная пора в жизни Хейча. Создав жуткий образ, обривая свою голову и отравив

бородку как у животного его анимы, что красовалось ровно по середине его спины, он начал набирать большую команду на «Лилит», для грабежей торговых караванов разных мест Каменного моря. Весь основной костяк команды, что были с козерогом с самого его детства смогли достичь четвёртой стадии анимы, как и их главарь. Тринадцать владельцев четвёртой стадии побеждали любого вставшего на их пути человека, будь то анхель армии Гринтерры или же лорд-защитник Империи Эйдос. Награды за их головы росли, но желающих попытать счастья в их поимке не прибавлялось. По прошествии десятка лет «Чёрный козёл» стал известен на весь континент, в особенности стал знаменитым их прорыв блокады одного из южных островов, когда одинокое судно с кровожадными пиратами на борту, смогло одолеть в морском бою более пяти кораблей Эйдоса, что старался взять этот остров под свой контроль. Какой-то случай чуть не свёл Акамира фон Гаррена, адмирала того флота, с Хейчем, а удача позволила избежать встречи с анхелем рантаров, Ганджи Баддом, которого прислали урегулировать конфликт.

После всего случившегося весточка из Великого дома Ели не заставила себя долго ждать. Сама Коджи Ренней вызывала на аудиенцию костяк «Чёрного козла», включая их капитана. Она предлагала ему стать её ветвью, а его команде занять руководящие должности на флоте её Великого дома.

— Ты видел это, Хейч? Тебе предлагают стать ветвью Великого дома Ели! — с восторгом крикнул своему капитану первый помощник, Лар.

— Лар, я уже говорил тебе, мы ничем не обязаны этой шлюхе, Коджи. Весь её род допустил то, что происходит в том городе-преисподней. — Хейч стоял у штурвала, наслаждаясь видами багрового заката, как будто этому миру вскрывали плотку, и жизнь на земле и на небе медленно угасала.

— Тогда что предлагаешь ты? Мы уже не раз были на волосок от гибели и чудом спасались, но за нас ещё не брались охотники из этого Великого дома. — задала немой вопрос всей команды «Лилит» единственная девушка, одна из тринадцати, блондинка по имени Эда. Она была самой приближенной к капитану и по совместительности была его любовницей.

— Я вас прекрасно понимаю, потому прошу дать мне последний шанс. Мы примем приглашение Ренней и прибудем к ней на аудиенцию, но там у нас всё пойдёт по строгому плану. Мы свергнем род Ренней с их вечного трона королей тени, и я сяду в его главе, весь Адаид признает нашу силу и власть, когда мы свергнем единственного представителя их главной ветви, что они называют Реннеями.

Набравшись опыта в морских путешествиях, Хейч легко нашёл путь, обходя центральную голову Цербера. Затем ворота Харон, что открыли при приближении «Лилит». Корабль «Чёрного козла» был известен на побережьях континента, листовки с наградами были развешены в каждом трактире и таверне. Когда судно пришвартовалось в порту Адаида их встретил сопровождающий из Великого дома Ели, который вёл команду через столь знакомый пейзаж, что явно изменился в лучшую сторону с приходом к власти старшей дочери предыдущего главы города. Вместе с капитаном шли только его ближайšie друзья и соратники, или, как их называли остальные, «Чёртова дюжина Лилит». Вместе у них были все шансы на то, чтобы одолеть Коджи Ренней, даже если к ней прибудет подкрепление, даже если её личная стража будет превышать их числом. Заготовленные дымовые бомбы, захваченные на одном из кораблей Эйдоса, а также новенькие мушкеты, могли помочь победить с численным перевесом противника. Улицы, по которым вели «Чёрного козла»,

уже не выглядели так грязно и неопрятно, как это было раньше, дома были отремонтированы, а на пути встречались смеющиеся дети, что вызывало у банды удивление, сравнимое с пойманной морской рыбой в пресном водоёме.

— Разве здесь раньше так было? — Эда удивлялась больше остальных, она не была здесь более десяти лет, как и они, но надежда на спокойную и мирную жизнь не оставляла её.

— Нас долго не было, возможно эта Коджи смогла сделать то, что не удавалось совершить остальным главам Ели? — Кик, кок на «Лилит», поглаживал свои тесаки на поясе, то и дело поглядывая по сторонам, любуясь раскормленной скотиной.

— Это всё отсутствие войны. — Хейч шёл впереди своей команды, прямо за сопровождающим. Он старался гнать мысли прочь о том, чтобы принять предложение Коджи, несмотря на то что уже озвучивал команде ранее. Тихая обстановка этого родного места умиротворяла его, успокаивала.

— Я тоже так считаю! — согласился с капитаном Лор. Первому помощнику, а по совместительству сильнейшему в команде бойцу, было всегда проще согласится с Хейчем, дабы получать от него постоянную поддержку в спорах костяка команды.

Гаргарос, замок-тюрьма, являлся центральным зданием в городе и самым высоким. Минимальное количество окон и, тем более, их размер говорили о том, что оно строилось лишь для удержания в неволе разного рода людей. От самых сильных — представителей пятой стадии анимы, до более слабых — пленников с четвёртой стадией и ниже.

«Чёрный козёл» шёл по узким коридорам замка, которые заставляли их головы кружиться и пытаться устоять на ногах, извиваясь, словно змеи, обвивающие ствол дерева в несколько колец, построенных на разной высоте.

— Чего-то меня уже тошнит... — Кик опёрся на стену стараясь не упасть. — Давайте постоим, я отойду.

— Не ты один тут оказывается мягкотелый. — произнёс Панк, самый крупный представитель «Чёртовой дюжины».

— Эх вы... Слабые желудком должны больше подвергать своё тело голоданию. Верно капитан? — попытался в очередной раз подлизаться Лор.

— У вас пять минут... — перевернул песочные часы Хейч. Наблюдая как песчинки, одна за другой, проходят сквозь узкое горлышко, он видел, как члены команды, один за другим, приходят в себя. — Всё? Готовы? Тогда заходим. — если бы Хейч знал, стоя перед дверью, что ждёт его впереди, то никогда бы её не открыл, ни за какие богатства и обещания, и, тем более, власть.

Тяжёлые, в пару десятков сантиметров, двери открылись с тяжёлым скрежетом и скрипом, от которого сводило зубы. Перед «Чёрным козлом» предстал обширный каменный зал без окон. На стенах висели изумрудные знамёна Великого дома Ели, а по центру зала, ближе к дальней стене, стоял высокий каменный трон, со спинкой изображающей главный символ Великого дома. На нём сидела молодая девушка, сложившая ногу на ногу, в широких коротких штанах и в, обтягивающей тело, красной рубаше с кожаным поясом. Брюнетка, с длинными шёлковыми волосами заплетёнными в толстую косу, сверлила исподлобья своих гостей пронзительными янтарными глазами. Она убрала руку от подбородка, словно прибытие «Чёрного козла» прервало её мысли и положила на каменный подлокотник.

— Входите! — с поднятой вверх головой командным тоном произнесла тёмная королева Адаида, Коджи Ренней.

Команда почти одновременно двинулась в зал, повинувшись невидимой силе, что

заставляла двигаться их ноги в такт. Входя, Хейч осматривал пространство: помимо них в зале была только глава Дома Ели. Когда все тринадцать человек основы команды «Лилит» перешли из коридора в зал, двери за ними захлопнулись, а далее послышался грохот засова, которым заперли двустворчатые двери.

— Тебя здесь заперли с нами, тёмная королева? Какая неожиданная глупость. — Хейч сделал шаг назад, и несколько кинутых дымовых бомб начали выпускать белый дым.

— Скорее это вас заперли со мной... — Коджи встала с места, и вся правая сторона её тела начала испускать клубы алого пара.

— Пятая стадия, ребята! Работаем! — крикнул Хейч и тут же потерял брюнетку из виду.

— Ренней! Мы пришли договориться! — заорал Кин и тотчас же пожалел, что открыл рот, сквозь который уже был продет кинжал с длинным клинком, загнутым к пальцам.

— Кик! — сделав пару шагов в сторону друга, Хейч заметил алую тень, что металась между его друзьями, выискивая их в белом дыму, словно морской дьявол, ступивший на землю проклятого богиней города. — Лор! Панк! — он метался от одного члена «Чёртовой дюжины» к другому, но не успевал, не мог успеть за скоростью этой ужасающей женщины.

Между тем, живых людей в тронном зале становилось всё меньше. Паника охватывала капитана «Лилит». Безысходность, а также полное отсутствие смысла в происходящем не давали покоя разуму Хейча.

— Эда! Крак! Бегите ко мне! — но добежать никто не успел. Разрезанная вдоль и поперёк кинжалами Эда, буквально упала на руки своего возлюбленного, не успев сказать даже пары слов на прощание. Затем упал и Крак с Панком, словно выпотрошенные акулы на рыбачьем причале. — Стой! Прекрати! Хватит! — вокруг козерога падали тела его друзей, которых он знал чуть ли не с рождения, но вот упало двенадцатое тело, а Хейч так и сидел на коленях в огромной луже крови, аккуратно обнимая Эду, будто она вот-вот должна проснуться от долгого сна. Он не чувствовал прошедшего времени, которое будто остановилось после их входа в зал. Тринадцать владельцев четвёртой стадии анимы ничего не смогли сделать всего одной девушке с пятой стадией.

“Разве такое возможно?!” — думал носитель тату козерога. — “Разве такое, правда, возможно?!”

Ему казалось, что он сходит с ума, что он просто видит страшный сон, который вот-вот должен закончиться, но каждый раз, открывая глаза, видел вокруг себя выпотрошенные тела «Чёрного козла», своих друзей и близких.

“Но... Но... Почему не меня?”

— Почему ты не убила меня?! — резко встав и уронив тело Эды на каменный пол, как надоевшую игрушку, Хейч всматривался в фигуру тёмной королевы, восседающей на каменном троне, закинув ногу на ногу.

— Так ты будешь интереснее — живым. — силуэт с трона исчез в белом дыму, а за спиной послышался скрип открывающихся дверей. — Две недели, капитан Хейч. Мы встретимся через две недели. — затем двери снова захлопнулись, заканчивая свой скрип грохотом закрывающегося засова.

“Две недели? Но она же закрыла двери на засов? Как я смогу выжить две недели?” — но страшный ответ пришёл так же быстро, как и вопрос. — “Нет-нет-нет! Я лучше сдохну от голода, чем откушу хотя бы кусочек!”

Прошло несколько дней:

“Они гниют у меня на глазах. Как так вышло, что мои друзья гниют у меня на глазах? Этого не может быть. А что если? Что если я только попробую, совсем чуть-чуть. Ведь им всё равно. Мёртвым тело не нужно, но мне, живому, их тело может ещё пригодится.”

— Эда, любимая, ты ведь простишь меня? Я отрежу только маленький кусочек.

Прошло ещё три дня:

— Эда! — слёзы выливались из впавших глаз козерога. — Я не хотел! Правда, не хотел!

— Прошло почти две недели... Ты же не оставишь своего любимого голодать? Так ведь?

Дверь в камеру отворилась и на пороге стояла она. Коджи Ренней подошла к едва живому командиру «Чёрных козлов». Трупный яд, что с таким упорством он употреблял в пищу две недели уже просочился из желудка во все остальные органы, заставляя тело медленно неметь, забирая из него жизнь.

— Достойное наказание за всё, что ты совершил, согласен? — склонилась тёмная королева над живым трупом.

— Мм...

— Если так, то, наверное, я могу тебя простить за то, что направил на меня свой клинок. Я думаю, эта авантюра не стоила таких последствий, будет тебе уроком на будущее. — Коджи опустила склянку с голубой жидкостью к губам Хейча. — Пей и глотай. Теперь ты ветвь Великого дома Ели, а если надумаешь меня убить ещё раз, знай: предательство наивысший грех, который я никогда не прощу.

Глава 17. Обещание

В городе-тюрьме Адаид шёл дождь. Ливни в этом регионе были не редки, и местные жители к ним давно привыкли. Тяжёлые капли стучали по крышам и стекали с них в водостоки вдоль выложенных каменной брусчаткой дорог. Замок Гаргарос в такие дни почти касался своей могучей крышей-полусферой тёмного тучного неба и, хотя уже была середина дня, здесь было не светлее, чем в большинстве регионов континента ночью. Уровень воды в порту мог повыситься на пару-тройку метров, но это не мешало бывалым морякам прибывать в этот проклятый богиней город или же уходить из него.

Ганджи Бадд с чёрной повязкой на правом глазу договаривался с одним из капитанов, чтобы тот высадил его в ближайшем порту континента. Как оказалось, мама оставила ему несколько золотых монет Эйдоса, для того чтобы сын смог беспрепятственно покинуть её вотчину.

“Как заботливо с твоей стороны.” — слегка улыбнувшись, вспоминая былые деньки, думал красноволосый воин. Его меч так и болтался на поясе, не ожидая подвоха от главы Великого дома Ели. Бывший анхель рантаров ждал команды командира торгового судна к отправке. Промокший до нитки, он чувствовал тяжесть на сердце, что, могла бы разорвать его изнутри из-за потери своего первенца, единственной дочери.

— Быть может мама была права, и я просто убежал от своей судьбы, которая настигла меня, будто разогнанная с холма карета без лошади и возможности затормозить? — шептал себе под нос гринтерец.

— Ты чего там бухтишь? Давай запрыгивай, коль не якорь, пока не ушли без тебя! — капитан был из простых морских волков, кто уже не один десяток лет бороздил бесконечную водную гладь, его неухоженная, отросшая до плеч борода, как показалось Ганджи, совсем не показывала порядочность этого человека, что было редкостью для этого места.

Запрыгнув на корабль, Бадд зашёл в капитанскую каюту, где он собирался провести почти всё плавание. Капитан забрал весь мешок с монетами, ну а Ганджи был не против, он не планировал возвращаться в Гринтерру.

Камалия ожидала очередного боя, что должен был состояться уже сегодня, с задержкой почти на четыре дня. Коджи уже не один раз заходила с их последнего разговора, раскрывая всё больше подробностей детства своего сына. Ганджи был не самым покладистым мальчиком, постоянно устраивая драки с со старшими, которые чаще всего он проигрывал и продолжал упорно совершенствовать своё тело и боевые навыки. Этот город закалил его, сделал безжалостным убийцей, каким и хотела видеть его мать. После того как некая банда «Чёрные козлы» покинула город и начались споры за территорию между подростковыми бандами, младший, тогда ещё, Ганджи Ренней вместе со своим двоюродным братом Нурмуротом в возрасте около двенадцати лет смогли взять под контроль большой район, который вдвоём смогли удерживать около года, пока будущий Тигр Юга не сбежал от своей матери и долга перед своим Великим домом. Это и многое другое рассказала Каме её родная бабушка.

Но как бы Коджи не хотелось. Она не могла посадить рядом с собой свою единственную внучку. В первый из таких дней она и сообщила Камалии, что теперь, после шести побед подряд, ставки на победу Лии выросли в десятки раз. На неё начали сходитьсь смотреть

крупные фигуры подпольного мира, из тех, кто в это время был в Адаиде. И чтобы не привлекать лишнего внимания к новому бойцу, тёмная королева стала выставлять Лию почти в два раза реже, обуславливая это именно высоким ростом ставок и повышенным интересом публики к разноглазой Лие, носительнице тату анимы гепарда.

Хейча Камалия не видела с последнего боя. Он не заходил к ней в камеру. По рассказам Коджи, у него было множество обязанностей, связанных с командованием стражей города. И в один из вечеров Кама не стала скрывать от своей родственницы, что её пугает этот «козлотородый»:

— Он страшный, Коджи. От одного его взгляда меня бросает в дрожь.

— Таким и должен быть командир, Лия. Его боишься не только ты, но и вся стража города, не говоря о простых жителях, порой даже кажется, что они боятся его больше, чем меня самой.

— Но ты же тёмная королева Адаида. Я видела, как при одном только упоминании твоего имени, всех присутствующих охватывал ужас.

— Аха-ха-ха! Девочка, ты ещё очень многого не знаешь. Но ты должна понимать, что стоит остерегаться не только того, чьего имени боятся, но и того, кто сам может вынести приговор, и сам же может привести его в исполнение.

— Я уже видела. Видела, как он казнил того мужчину, прикованного к Ели. Кажется, его звали Роберт...

— Яз... Его звали Роберт Яз. И это я приговорила его к смерти. Он подавал плохой пример другим пиратским капитанам, нарушая условия мирного договора между нашим Домом Ели, Эйдосом и Гринтеррой.

— Но какой мир может быть у преступников и двух мировых держав?

— Тонкий, детка. Очень тонкий и шаткий... Особенно если на борту твоего корабля крысы сами делают пробоину, и разгрызают её до огромных размеров. Роберт решил украсть технологии империи, пробравшись в «Сонм Зверя» — тюрьму Эйдоса, что находится не так далеко от Адаида. Она была предназначена для заключения особо сильных представителей гринтерской армии, но так как война давно закончилась, там почти никого не осталось, кроме гарнизона и их командира, лорда-защитника. Тем не менее «Сонм Зверя» продолжает использоваться в разных целях, в попытках сохранить свою значимость для империи.

— Так значит, Роберт Яз был сам виноват в своей казни?

— Можно сказать и так, но я думаю, что эта идея не принадлежит ему одному. Он был слишком умён, чтобы решиться делать подобный набег, не имея достаточной поддержки, а это означает...

— Рядом есть предатели. — насторожилась постороннему шуму за дверью красноволосая.

— Поэтому веди себя тихо и выступай на боях, как того требует твой статус моего бойца. — собралась уходить Коджи. — Можешь заканчивать их как твоей душе угодно, но лучше прикончи каждого, кто встанет на твоём пути к победе, таков путь рода Ренней, начни привыкать к тому, что иногда нужно забирать жизни своих врагов.

— Но я даже не знаю их лично. Как они могут быть моими врагами?

— Твоя единственная и основная цель в этом мире — выжить, Камалия, а любой, кто мешает её достижению должен покинуть мир живых. — на этих твёрдых нотах бабушка покинула свою внучку, но лишь на тот день.

Стук в дверь прервал длительный разогрев в размышлениях перед очередным боем:

— Выходи, разноглазая! Публика ждёт! — от чего-то Хейч выглядел счастливее, чем обычно.

Кожаные ремни, намотанные на кулаки словно перчатки, действительно помогали. Камалия уворачивалась от другого представителя редкого знака, парня с анимой кенгуру. Он прыгал на носочках вокруг своей соперницы, быстро нанося удары в область головы и корпуса. Диаметр бойцовой ямы был не более десяти метров, а до противника всегда оставалось намного меньше, что не давало использовать Каме свой главный козырь, основанный на её скорости и силе ног.

— Как же ты меня достал, попрыгун! — увернулась Лия от очередного выпада Кена.

— Не уворачивайся, киса. Я постараюсь всё закончить быстро. Твою шею сверну, не моргнув и глазом. — продолжал обрабатывать попрыгунчик своего врага.

Несмотря на рябь в глазах от нескольких пропущенных ударов, красноволосая начинала замечать закономерность прыжков с джебами и хуками у своего оппонента.

“Если бы не ремни на руках, он уже давно оставил бы мне на них кучу травм.”

Камалия начала считать количество прыжков между ударами и улавливать момент, когда противник будет в воздухе.

“Прыжок, прыжок, ещё прыжок, джеб, прыжок, хук. Сейчас!”

Нога одиннадцатилетней девочки вылетела почти вертикально вверх, целясь в челюсть. Кен хотел было отмахнуться от удара, но не успел даже поднять руку.

— Плохая привычка! — выкрикнула Кама и буквально смела носителя знака кенгуру на песок.

Двенадцатилетний противник не потерял сознания, но его правую руку уже взяла в захват дерзкая девчонка, и обкрутила её своими ногами, прижав голову Кена к земле.

— Ты же мне руку сломаешь, дура! — услышав хруст собственных костей, его охватила паника.

— Когда ты убивал своих предыдущих противников, тебя не волновали их жизни! — переламывая руку в локте у своего врага, Камалия услышала, как рвутся его сухожилия и трещат кости, разрывая его конечность на части.

— Аааа!

На удивление, все наставления Коджи возымели должный эффект. Камалия начала воспринимать своего оппонента, как врага. Человека, который отнимет её жизнь, не задумываясь ни на мгновение. Но, тем не менее, Камалия его отпустила, противник с подобной травмой был уже далёк от победы. Кто бы мог подумать, что этот Кен встанет, после того как в его руке разорвали большую часть сухожилий и сломали сустав.

— Зачем ты встал?

— Я воин, а воины бьются до последней капли крови! — произнёс с обвисшей правой рукой противник разноглазой.

— Тогда как воин, ты должен быть готов умереть... — почти хладнокровно прошептала Лия. Этот парень напомнил ей Оби Эмека, с которым не один год, она тренировалась бок о бок, и чьё упорство Кама не могла не признать.

— Я готов!

“Лишить человека жизни так легко и так просто...” — вспомнила Кама слова своего отца.

— Не жалей своих врагов, Лия! — крикнула Коджи, стоя у самой клетки, в ожидании

победы своей внучки.

“...жаль, что обратной дороги в жизнь даровать убитому своими руками человеку просто невозможно.” — воспоминания отца оборвались также быстро, как и нахлынули.

— Сдавайся! Я не хочу тебя убивать, ведь не смогу вновь биться с тобой!

— Убей! Убей! Убей! — скандировали зрители смертельного поединка одну единственную фразу.

— Если ты меня не убьёшь, я прикончу тебя сам! — Кен сорвался с места в сторону Камы и девочка нанесла последний удар. словно по инстинкту убийцы, она ударила в самое слабое и незащищённое место его тела. Правая нога пролетела почти полный оборот вокруг тела своей хозяйки и, снося попавшееся на пути препятствие, приземлилась на своё место, где была всего пару мгновений назад. Шейные позвонки молодого парня хрустнули с ещё большим шумом, чем локтевой сустав. А тело носителя анимы кенгуру рухнуло оземь со страшной силой, поднимая в воздух множество песчинок. Всё случилось за каких-то пять секунд, падающих в часах, что стояли рядом с Коджи Ренней на столике, в паре дюймов от бокала алого забродившего напитка.

Крики в зале стихли, а Камалия так и стояла в боевой стойке, подняв свои руки на уровень подбородка. Натренированное годами тело сделало то, к чему его готовили всё это время.

“Неужели первый человек, которого я должна была убить, обязан был быть этим храбрецом? Почему этим человеком не мог быть Алатас или хотя бы Хейч, или же Ден, что столько лет меня доставал в деревне. Как так случилось, что моим врагом стал именно этот парень?”

— Ааааа! — ор толпы разразился громом в тесном зале бойцовой ямы, заглушая мысли юной Бадд, кто всё ещё не могла поверить в происходящее.

— Молодец! — облокотилась глава Великого дома Ели на своём кресле. — Моя девочка.

Судно шло по привычному для капитана и остальных матросов курсу. Попутный ветер наполнял паруса своей силой и двигал корабль прочь от штормового неба проклятого города. Быть может, когда-то Ганджи Ренней покидал родные стены с великой радостью и желанием новых открытий, но сейчас Ганджи Бадду почему-то казалось, что он совершает самую большую ошибку в своей жизни.

Яркое солнце поднималось над горизонтом, освещая восточную береговую линию Каменного моря. Затем опускалось вниз, давая возможность Луне и Данаю, словно глазам самой ночи, наблюдать маленьких людей в свете своих мириадных звёзд. Через пару дней на рассвете корабль с бывшим анхелем прибыл в маленький порт, в котором была разрешена торговля. Империя Эйдос была крайне милитаризованным государством, где армия играла основную роль в жизни страны и её управлении. Потому маленький торговый порт граничил с большим количеством, в несколько километров береговой линии, военных причалов, где основался один из флотов империи.

Ганджи спустился с палубы попрощавшись с матросами и, будто в последний раз, морскую солёную воду.

“Обещания надо исполнять, правда Акамир?” — говорил про себя Бадд, вспоминая данное адмиралу флота Эйдоса обещание. О своей оставшейся в Деревне Орешника семье староста старался не думать. Ракдай мог вырасти и без отца, ведь когда-то его папа уже

проходил подобное испытание. Было жалко Адеолу, что столько лет любила и поддерживала своего мужа на незнакомом ему поприще мирного жителя. Быть может, она заберёт их маленького сына и увезёт в Видэон, поближе к его деду, её отцу и тот всё же станет наследником Великого дома Дуба.

Ноги несли мужчину вперёд по дороге, путая рантара на её развилках своими указателями. По былым воспоминаниям Ганджи крепость-тюрьма «Сонм Зверя» находилась далеко за Адаидом, занимая одну из скал, что образовывали проход к главному городу империи — Киону, что был основан около трёх сотен лет назад самым главным предателем царства Гринтерры, Казиксом фон Ридасом, и, по слухам, был построен по последнему слову современных технологий. К слову, Эйдос был более технологичным и развитым, чем Гринтерра, но, на взгляд Ганджи, сильно отставал по развитию духовной составляющей, которая сильно влияла на развитие знака анимы.

Тигру Юга пришлось пройти несколько десятков километров, прежде чем от увидел высокие шпили с флагами крепости-тюрьмы «Сонм Зверя». Заря уже подходила к своему завершению, когда он достиг подъёмного моста тюрьмы. Часовые на высоких стенах с любопытством разглядывали незнакомца, а те, кто его узнавал, старался сразу рассказать остальным стражникам. Когда Бадд миновал подъёмный мост, тяжёлые высокие ворота, обитые железом, медленно открылись, разрешая войти красноволосому гринтерцу.

— И кто бы мог подумать, что я приду сдаваться в руки империи изгнанников и предателей. — тихо проговаривал Ганджи Бадд, осматривая внутренний двор крепости-тюрьмы.

— Какие люди! — обрадованный встрече с живой легендой Гринтерры, лорд-защитник «Сонма Зверя» сам вышел навстречу гостю в сопровождении охраны тюрьмы. — Даже не знаю, что и думать. Наверное, завтра Гринтерра признает своё поражение, и её цари приползут на коленях к ногам императора Ортуса.

— Не зубоскаль, гиена. Я не знаю твоего имени, но царей Гринтерры оскорблять не позволю, да и нет людей на континенте, которым это позволено в моём присутствии.

— Конечно-конечно! Изви-ни? Так оно произносится? — невысокий блондин с глазами болотного цвета и татуировкой анимы на половину лица заливался смехом, глядя на злейшего врага империи Эйдос.

— Именно так... Я кое-что обещал адмиралу Акамиру фон Гаррену. Он сказал, что находится в подчинении у Вас... — через зубы, уважительно обратился бывший анхель рантаров царства Гринтерры, к своему врагу. — Обещание было сдаться, дабы не начинать новых военных конфликтов со множеством жертв, по причине моего буйства в Порт-о-Сенте.

— А, помню-помню... Гонец прибыл только вчера, но... Смог произвести на меня впечатление. Хи-хи... — продолжал зубоскалить лорд-защитник. — Как же так вышло, что ты, Бадд, перебил целый взвод солдат империи, без суда и следствия?

— Я уже всё рассказал старику Акамиру и не обязан оправдываться перед...

— Астей Лопак, лорд-защитник этой крепости и близлежащих земель. Приятно познакомиться, анхель рантаров Бадд. — щуря взгляд и делая лёгкий реверанс рукой, лорд Лопак отдал следующую команду, выпрямляя свою согнутую спину. — Взять его!

Несколько сетей из астромарина упали сверху на Тигра Юга. Но он ни капли не сопротивлялся, когда к нему подбежала стража и надела на него кандалы из одноимённого металла, попутно избивая его тупыми сторонами копий.

— Ведите его в камеру алой звезды! Сегодня удача благоволит вашему командиру! Сегодня и впредь! Хи-хи... — радовался носитель знака гигиены, новой игрушке. — “Нужно доложить об этом нашему императору с посланцем. Теперь у Эйдоса есть надежда на более выгодные условия для начала войны с Гринтеррой, если, конечно, тем царям не наплевать, что случится с героем Краткой войны — войны, что должна была положить конец повелителям лесного царства.

Мужчина в плаще, слишком известный в этом городе, чтобы идти на тайную встречу открыто, шёл по тёмным ночным улицам Адаида, освещаемым лишь редкими факелами на стенах каменных улиц. Он должен был паниковать, бояться или, как минимум, вовсе развернуться и идти обратно в свои покои. Но по прошествии стольких лет, имея огромный шанс на победу, он не мог просто развернуться и бросить начатое. Он свернул в очередной переулочек и постучал по одному из камней, что отозвался деревянным эхом по стенам рядом стоящих зданий. Вопросы не последовало, а тайная дверь, обклеенная камнями, что точь-в-точь повторяли рисунок стены, медленно отворилась во внутрь, закрывшись за гостем.

— Ты долго... — тихо произнёс один из собравшихся вокруг маленькой свечи людей.

— Я не могу так же легко, как и вы покинуть свой пост в городе. Вы встретились с ним? Он передал, что обещал?

— Да-да... Успокойся...

— Совсем скоро, когда мы соберём больше людей в мои ряды, Коджи Ренней погибнет в тумане смерти, что изобрели эйды.

Глава 18. Прогулка в неволе

— Как я могла его убить? Зачем? Он же мне почти ничего не сделал? — Камалия держалась за голову стоя в своей камере у стены, начиная привыкать к их серым невзрачным оттенкам.

— Он сам выбрал свою судьбу, сам напал на тебя, не имея возможности защитить своё уязвимое место. — выпуская меж тёмных пышных губ белый дым, тёмная королева старалась охладить сострадание своей внучки к врагам.

— Но ведь это я нанесла удар! Если Шион умер от старости, то... То Кин умер именно по моей вине!

— В бою насмерть вину не может принимать лишь один из противников, ответственность всегда несут оба. Кенгурёнок сам принял решение выходить на бои в яме, чтобы вступить в одну из сильных преступных групп и, по воле случая, упёрся в непреодолимое препятствие в виде разноглазой Лии, которая ни за что не отдаст свою жизнь так легко. Особенно после всего того, что я тебе рассказала.

— Неужели мой отец так легко мог лишать жизни в моём возрасте? — посмотрела слезящимися глазами на бабушку её наследница.

— Всё потому, что с самого детства он понимал ценность не только своей жизни, но и жизни тех, кто находится за его спиной.

— Но за моей спиной никого нет! Совсем! — но крик Камалии в сторону Коджи не возымел никакого эффекта со стороны главы Великого дома.

— Хах... — черноволосая девушка вытряхнула пепел из трубки и направила взгляд янтарных глаз, наполненных неподдельной серьёзностью прямо на Каму. — Быть может так и есть, но это лишь в данный момент времени. Пройдут годы — может больше. Твоя сила и значимость в этом мире многократно возрастёт. Я наблюдала за тобой всё то время, что ты была в Адаиде: тебе не хватает хладнокровия, сдержанности, продуманности в своих действиях, ты совершаешь поступки, даже не понимая, к чему они могут привести тебя в будущем, а твоя решимость, ярость, стойкость, а также искренняя доброта твоего сердца не смогут помогать тебе на протяжении всей жизни.

— И что же ты предлагаешь?

— Слезливым малявкам? Ничего. Хи-хи... — улыбчиво ответила на вопрос внучки королева.

— Я вытерла слёзы... — провела Камалия рукавом рубахи по щекам.

— Этого мало, Кама... — встала со шкур Коджи. — Пообещай мне, что никогда больше не будешь плакать!

— Как такое можно обещать?

— А ты постарайся.

— Обещаю!

— Камалия Бадд, в мире не может прожить человек или животное, будучи только хорошим или же только плохим, только добрым или злым. В нём властвует идеальное равновесие, которое всеми силами пытается себя сохранить. И как третья прядь косы заставляет её не расплетаться, так и человек, не должен оборачиваться лишь вокруг добра или лишь вокруг зла.

— Значит, я поступила правильно?

— Правильно лишь в отношении себя, но в глазах убитых тобою людей, ты никогда не будешь правой. Всё слишком относительно в этом мире... Слишком эгоистично, но по-прежнему справедливо. — Коджи Ренней всмотрелась в маленькое окно камеры, будто вспоминая, как это ей объяснял её собственный отец.

— Тогда я продолжу... — более решительно и холодно произнесла Кама. — Продолжу побеждать своих врагов, несмотря ни на что.

— А вот это слова истинной наследницы рода Ренней из Великого дома Ели. — с восторгом в голосе тёмная королева потрепала свою внучку и подошла к двери. — Выспись сегодня. Завтра я покажу тебе Адаид таким, каким вижу его я.

Тюрьма «Сонм Зверя» находилась на высоте около полутора тысяч метров над уровнем моря. Она была построена как крепость для отражения нападений со стороны Гринтерры и имела, по мнению военачальников двухсотлетней давности, стратегическое значение, как и её брат близнец на другом конце долины. Её ещё ни разу так и не осаждали. Империя считала это признанием неприступности своего творения. Со временем крепость начали использовать как тюрьму для особо опасных преступников, что чаще всего были на уровне четвёртой стадии своей анимы, но, как и сейчас, случалось заключение носителей пятой. Здесь всегда стоял большой гарнизон, отдыхая от походов в регионы континента южнее Эйдоса, поэтому явление в крепости-тюрьме Ганджи Бадда, бывшего анхеля рантаров, высшего полевого чина армии царства Гринтерры, было хоть и неожиданным для рядового состава, но отнюдь не неприятным. «Сонм Зверя» смог бы поймать Тигра Юга живым, даже если бы тот оказывал сильное сопротивление. Ведь в одиночку даже представитель пятой стадии анимы не смог бы справиться с гарнизоном целой крепости.

Гринтерца отвели в камеру «Алая звезда», что предназначалась скорее не для людей, а чудовищ, поскольку на её стенах, полу и потолке в больших количествах находился редкий металл астромарин. Он вытягивал природную энергию из всего живого, что находилось рядом с ним, а когда металл насыщался этой энергией, то начинал её отдавать. Конечно, такого никогда не случалось в тюрьмах, и насыщенный астромарин заменяли обычным, отправляя наполненный природной энергией металл в столицу империи, Кион, для дальнейшего использования.

Ганджи Бадда сковали по рукам и ногам, растянув их в стороны. Красноволосый воин не сопротивлялся. Он уже потерял тот смысл жизни, что приобрёл двенадцать лет назад, когда узнал о беременности своей жены. Прижимаясь ухом к животу Адеолы, Ганджи часто слушал биение сердца своего ребёнка, которого он поклялся защищать, обучать и наставлять. Настолько сильно было желание отца воспитать сильного воина, что новость о рождении именно дочери, а не сына, не смогла сбить этот настрой. Он тренировал её жестко и старался как можно меньше жалеть своё дитя, но... Но та любовь и безусловное доверие, какими наградила его Камалия, смогли смягчить сердце бывшего анхеля, сделать его более мягким, ранимым, чувственным. Одного не смог учесть старший Бадд — слабые места, какие он искоренял у себя с самого детства, теперь находились не у него на теле, а в самом центре души... Адеола, Камалия, Ракдай... Отринув семью в четырнадцать лет, он лишь сейчас начал осознавать те эмоции, что когда-то испытывала его мать.

— Какая занимательная штука, эта ваша Кар-Ма, не находишь Бадд? Хи-хи... — Астей Лопак стоял напротив Ганджи и с надменным лицом победителя огрызался своей мерзкой улыбкой гиены. Находиться долго в камере «Алая звезда» могли лишь носители пятой

стадии анимы, а, будучи всего лишь на третьей, лорду-защитнику «Сонма Зверя» можно было её посещать лишь на пять минут в день. Иначе, его жизнь могла оказаться под угрозой.

— Эта наша карма работает в обе стороны... — нехотя ответил красноволосый.

— Значит, по твоей логике, когда-то и меня настигнет та же участь? Хи-хи-хи...

— Я такого не говорил. — плюнул себе под ноги онемевшими губами бывший анхель. — Не для того нас богиня сотворила, чтобы мы клевали друг друга, словно голуби, получая удовольствие от убийства более слабого.

— Богиня говоришь... Слишком многим вы, гринтерцы, считаете, что обязаны этой мифической Природе, и признай, что будь у вас хоть на каплю больше ума, уже давно бы признали своё поражение. Даже наши золотые монеты ценятся больше ваших серебряных в соотношении один к десяти. И это только потому, что мы продаём свои технологии и предоставляем свои услуги различным малым домам континента. Если мы не захватим вас силой, то задавим своим экономическим и политическим преимуществом. Наш технический прогресс уже на десятилетия, если не на века, превосходит Гринтерру. О чём говорить, если лесное царство само покупает у нас за огромные деньги механизмы, до коих ни за что и никогда бы не додумалось. Ты хоть представляешь...

— Не представляю, белобрысый. Тебе уже пора.

Астей Лопак достал песочные часы, песчинки в которых уже давно перетекли из верхней половины в нижнюю.

— Мы с тобой ещё пообщаемся, Бадд! — выходя из камеры бросил лорд Лопак последнюю фразу с ужасом увидев свои бледные кисти рук.

Следующий день настал для наследницы Великого дома Ели, как нельзя, спокойно: её разбудил стражник Олаф, кто с тихим скрипом открыл тяжёлую дверь камеры своими большущими руками, и поставил на каменный пол кашу из злаков на молоке и большую чашу с фруктами. Не поверив своим глазам, Камалия смела всю еду, закинув её в желудок как можно быстрее. Первый раз за более чем месяц она увидела сочные фрукты тропических лесов, какие росли у неё дома.

“Да... Бабушка не перестает меня удивлять...”

После сытного завтрака Кама, как и дома, начала тренировку. Ощутить поток природной энергии, как когда-то в детстве, у неё так и не вышло, зато у неё начало получаться чувствовать её в собственном теле. С каждым вдохом природная энергия будто сгорала во внутреннем костре души и отдавала телу немного своего тепла в виде потока живы по всему телу. Чем больше вдох делала девочка, тем насыщеннее потоки струились по её рукам и ногам.

В тайне от мамы Камалия заглянула в одну из книг о богине Природе и узнала про костёр анимы, что может разгораться тем горячее, чем сильнее будет её сосуд. Оттуда же Кама знала и про разницу между стадиями развития анимы. Из написанного было ясно, что все люди с момента получения тату находятся на первой стадии анимы; после достижения двенадцати лет, человек достаточно физически развитый может перейти на вторую, и увеличить физические способности своего тела в половину соотношения массы животного к его силе, то есть Кама по этим расчётам, в свои одиннадцать лет, могла бегать со скоростью около тридцати километров в час на расстояние до пяти километров, а на второй стадии эта скорость могла вырасти вдвое; на третью переходят лишь те, кто смог совладать с природой своего тату, с характером своего внутреннего зверя, победить его, тогда им становятся

подвластны чувства их зверя, которые до этого момента были почти на уровне человека с первой стадией; четвёртая стадия появляется лишь у тех, кто постоянно развивает все свои сильные стороны и начинает понимать закономерность движения природной энергии. Про пятую стадию не было сказано ничего, кроме как о её наличии.

Дверь в камеру с грохотом отворилась, и черноволосая девушка в кожаных штанах с сапогами и такой же кожаной куртке с заклёпками вошла внутрь.

— Время не ждёт, Лия. Адаид особенно красив по утрам, особенно если знаешь куда смотреть. — растянула губы в своей дьявольской улыбке тёмная королева и заставила Каму подпрыгнуть от неожиданности.

— Уже?! Я думала, что ты не серьёзно. Нас же могут увидеть вместе и к тебе возникнут вопросы.

— Эта забота не твоя. Люди моего города знают, кто их королева, и не будут распускать лишние слухи. Свои языки они ценят дороже.

Коджи с Камой вышли из замка и направились через пустой утренний город напрямиком к его высоким стенам, что огораживали город-тюрьму от внешнего мира. Адаид спал — в темноте проклятого Природой города не было слышно никого, кто тревожил бы его покой. Стучащие ставни окон уныло скрипели в каменных двухэтажных домах, что, наверное, стояли здесь ещё с самого основания города. Из таких домов, разных размеров, с покатыми крышами из каменной черепицы, состояло, почти что, всё древнее поселение. Тёмная королева молчала, и у юной Бадд начало создаваться то же ощущение, что и у ягнёнка, которого ведут на убой. Да и вообще ощущение не хищника, а жертвы преследовало девочку с того самого момента, как она увидела смерть названной сестры. Камалия всегда считала Ниссу сильной, считала, что та будет с ней навсегда, но с начала её забрали в армию Гринтерры, а затем и, вовсе, смерть настигла негритянку, пока та защищала Каму от Алатаса. Именно жертвой девочка ощущала себя сейчас, добычей сильного, какой являлась глава Великого дома Ели. И эта сильная женщина, наводящая ужас одним своим именем на весь континент, сейчас шла рядом, уверенно подводя свою внучку к высокой чёрной скале, из которой выростала, заграждающая Адаид и уходящая в облака, тёмная стена. Лестница, выдолбленная в камне, длинной цепочкой тянулась по обрыву, пока не заходила в самую крепостную стену и, поднимаясь по кругу, вывела бабушку с внучкой на самый верх.

— Цербер... — сказала Камалия, как только увидела вдалеке три огромных скалы, напоминающих головы волков, поднимающихся над белым туманом Каменного моря.

— Главный страж нашего города! Целые флотилии разбивались вдребезги об эти безжалостные скалы! — пыталась перекрикнуть сильный ветер старшая Ренней.

— Я слышала, как кричали матросы на «Призраке». Они говорили, что он живой, что он хочет их съесть...

— Байки неразумных идиотов. Если ты начнёшь верить в сказки в столь прекрасном для освоения мира возрасте, долго в нём не удержишься, поверь! Всё имеет личину, созданную Природой, а звери подобного размера просто не выживут, не найдя себе пропитания в должном количестве. — янтарные глаза главы Великого дома ещё раз осмотрели водные просторы с торчащими словно копыя скалами, что были за стеной, и её голова повернулась в сторону древнего города. На первый взгляд могло показаться, что он спит, но внимательный взгляд Коджи улавливал каждую мелкую тень. В особенности быстро оживал ремесленный район, который давным-давно брал под свою защиту её сын. После его ухода мать не дала в обиду ни одного ремесленника или обычного жителя того района, в память об ушедшем

наследнике, словно тот не ушёл, а просто-напросто погиб. — Посмотри сюда! — провела рукой по воздуху девушка, словно лаская пейзаж Адаида. — Этот тёмный город с древней историей, когда-то будет в твоей власти, никто и ничто не сможет проникнуть в твой дом или покинуть его без твоего разрешения. А чтобы ты не сомневалась в том, что ты моя наследница, то позволь мне дать клятву небесному костру, что согревает творения Природы своим теплом.

— Какая клятва?! Коджи, здесь нет солнца.

— Посмотри внимательней, юная Ренней! — присев на одно колено рядом с внучкой, она указала взглядом на крышу замка Гаргарос, где начали рассеиваться тучи и показались первые лучи небесного светила. У Камалии перехватило дыхание, множество дней она не видела солнца и ей казалось, что в этом городе его не бывает, что угрюмые камни, из которых построен этот оплот греха, никогда не видели костра неба.

— Как такое возможно? Разве в Адаиде бывает солнце?

— Запомни, Камалия, и не забывай. Даже самая глубокая тьма когда-то видела свет, а если она видела его однажды, значит увидит его ещё раз, а это значит, что в каждой тени скрывается лучик света, вопрос лишь в том, где и когда его искать. — словно поднимающееся из-за горизонта пламя, солнце окутывало крышу ярким червонным, а затем и золотистым светом.

— Красиво! Коджи, это очень красиво!

— А теперь... Я, Коджи Ренней, клянусь своей жизнью, что мою власть унаследует человек рода Ренней, дочь Ганджи Реннея, Камалия.

— А вот тут ты ошибаешься, госпожа! — из потёмков лестницы показалась довольная физиономия Хейча с появляющейся за спиной стражей.

— Я никогда не ошибаюсь, козлик. Тебе ли не знать? — встала в полный рост королева.

— Ты скрывала от всех, что у тебя есть внучка, а твой сын, оказывается, является живой легендой континента. Всё тайное становится явным, Ренней. Теперь твои дни закончатся здесь, прямо на этой стене.

— Один раз ты уже попробовал бросить мне вызов, неужели осмелишься сделать это ещё раз, хотя... Это уже не важно. — Коджи сорвалась с места и через пару-тройку шагов её кинжалы уже были рядом с плоткой Хейча. Маленький взрыв, грохот в темноте лестницы, и тёмная королева отпрыгнула назад и упала на спину, бросив кинжалы, она закрывала руками глаза и кричала от боли.

— Охохо! — Хейч вскинул руки вверх и сделал несколько шагов вперёд, освобождая страже путь с лестницы. — Нурмурот не соврал — пыль из астромарина и правда можно использовать как заряд для ружей.

— Ааааа! — агония охватила тёмную королеву. Если бы она чуть-чуть не уклонилась в последний момент, когда увидела вспышку за спиной людоеда, то всё её лицо было бы прошито мелкой пылью этого проклятого металла.

— Бабушка! — Камалия подбежала к своей родственнице и постаралась отодвинуть её руки, чтобы оценить повреждения, но, когда руки Коджи сползли с лица, к горлу юной Бадд подошли рвотные позывы. Глаза под закрытыми веками, как и лоб, были буквально выжжены калёным железом, будто были опущены в раскалённую печь. Расплавленная кожа лица Ренней только начинала застывать под холодным и влажным морским бризом.

— Я людоед, а ты бабушка... Ахаха! — засмеялся Хейч и ему вторили остальные стражники. — Как странно складывается жизнь. Мне кажется, что выбор прост. Править

Адаидом должен людоед! — мерзко облизнулся носитель анимы козерога. — А бабушке с внучкой не место в моём городе!

Коджи начала приходить в себя, но боль не проходила. Она постоянно обжигала лицо Ренней застрявшими в коже частицами астромарина, но это вовсе не означало, что она так легко сдастся.

— Быть может так и есть... Быть может нам сейчас не место в Адаиде... — черноволосая девушка медленно вставала на ноги, опираясь на плечо внучки. — Но это не значит, что я отдам тебе своё место без боя, верно? — Коджи дьявольски улыбнулась, и даже под обожжённой частью её лица, всем присутствующим виделись жуткий янтарный взгляд.

— Верно! Поэтому ты умрёшь здесь и сейчас! — Хейч вынул саблю из-за пояса и направил её на своего врага.

— Ну попробуй, козлик... — рука королевы скользнула по ремню и тот медленно пришёл в движение, словно ожившая чёрная змея он начинал сползать на землю, и Кама с удивлением заметила, что это был длинный, почти трёхметровый, гибкий меч. — Прижмись ко мне, разноглазая, или умрёшь.

Вперёд! — крикнул козлобородый, который никогда не видел такого оружия у своей королевы, а посему не хотел первым бросаться в бой.

Гибкий и длинный словно хлыст, чёрный меч летал над стеной крепости то с диким грохотом врезаясь своим кончиком в чью-то броню, пробивая её насквозь, то разрезал тело нападавшего на части, огибая его орудие словно змей. Белая дымка от четвёртой стадии нападающих мало-помалу начинала рассеиваться, а Хейч так и стоял на месте высматривая слабые места в обороне своей королевы.

“Что это за клинок такой? Мне о нём никто не рассказывал.”

Четыре выживших стражника застыли рядом с козерогом, боясь сделать хотя бы шаг к своей госпоже.

“Она же ослеплена! Она не должна ничего видеть! Как она так ловко обращается с этим мечом?”

— Ох... Ваши мысли так предсказуемы! — Коджи опустила руку с клинком, что растянулся на земле перед своей владелицей. — Это «Чёрный змей» — фамильный меч рода Ренней. Им крайне сложно обращаться, но результат того стоит, как видите.

Алая дымка анимы пошла со спины козерога, что уже не имел более других козырей в этой схватке.

— Ууу... Пятая стадия... Малыш Хейч, ты так вырос.

— Я займу твоё место и отомщу за погибших друзей.

— А разве это не ты их съел?

— Arrrrr! — людоед побежал на врага. Он не боялся смерти, он страшился не отомстить. — За Эду!!!

«Чёрный змей» пошевелился и взлетел вверх, ударив своим концом по клинку Хейча, и отлетел назад. Для ещё одного его удара не было времени и Коджи, одним движением накрутив его обратно на пояс, схватила Камалию за шкуру и одним прыжком в сторону оказалась за краем стены.

На огромной высоте, наполненной криками испуганной Камы, Коджи перехватила её за плечи.

— Ты хочешь жить?!

— Ааа!!! — Камалия уже почти смирилась со смертью от падения и поэтому не сразу

поняла вопрос своей бабушки.

— Жить хочешь?! — повторила свои слова ослепшая королева.

— Да!!!

Несколько точных ударов по телу девочки вливали в неё живую огромными дозами. В начале Кама увидела, как её руки начали светиться золотым светом и огромные змеиные кольца, взявшиеся из ниоткуда, обвились тело девочки, а затем сильнейший удар об воду выбил её из сознания.

Глава 19. Обстоятельства

Вкус солёной воды на языке неприятно обжигал губы. Глаза не хотели открываться, а тело окутывали ещё непонятные ощущения. Нос подсказывал, что рядом горит костёр, запах от его дыма, неприятно обжигал лёгкие, как будто, Камалия стояла над самым огнём вдыхая его гарь полной грудью. Веки медленно и тяжело поднялись, предоставляя своей владелице возможность оглядеться.

— Проснулась, наконец... — Коджи сидела на песке напротив Камы и переворачивала длинной палкой горящие угли. Обожжённый участок её лица был закрыт красной тканью, сходявшейся сзади узлом.

— Где мы? — за спиной бабушки Камалия увидела... — Лес?!

Огромные деревья длинной грядой растянулись по всему пляжу. Уходя высоко вверх, они могли бы посоперничать, разве что, с горой Тиабат.

— Ох, как размяукалась то... Хех... — ухмыляясь, бывшая тёмная королева будто смотрела на Каму своими обожжёнными глазами, но на самом деле её развитые чувства уже давно могли не нуждаться в зрении. Слух, обоняние, осязание, а также ощущение природной энергии, что она развивала уже несколько десятков лет.

— Кто размяукался? Я? Коджи, я тебя не понимаю...

— Не ругайся, юная леди. Тебе предстоит тяжёлое испытание, если хочешь вернуть себе человеческий облик.

— Какой облик? Человеческий? А я кто?

— Жаль, что я не понимаю звериного. Могу лишь ощущать твои эмоции.

— Звериного? — Камалия вскочила на ноги и тут же упала на четвереньки. — Что происходит? — её взгляд скользнул вниз, туда, где должны были быть руки, но там были крупные кошачьи лапы песочного цвета. — Аааа! — юная Бадд в ужасе рванула куда глядят глаза, а они видели намного больше: множество различных крабов на пляже, что прятались меж крупных камней, птицы напоминали своим видом тех, что жили рядом с Тиабатом, но видела она их высоко в ветках деревьев, мелкие животные, грызуны, змеи, что согревались на горячем песке — всё это Камалия видела в мельчайших деталях стоило ей сконцентрировать свой взгляд на чём-то одном. Уши улавливали, казалось, ещё больше, чем глаза: шелест листвы тропического леса, в которые дул тёплый морской бриз, цоканье ножек крабов о разогретые солнцем камни, крики птенцов в гнёздах глубоко в джунглях. Различные запахи пугали разнообразием своих ароматов; цветы, деревья, животные — всё можно было разбить на различные группы из кислых, сладких, острых, сладковатых и просто вонючих амбре, что видимо оставались от местных животных. Кама бежала по раскалённому песку так быстро, что глаза давно должны были намокнуть от ветра и пыли, их должно было слепить солнце, но ничего из перечисленного не происходило. Она должна была уже устать бежать с такой скоростью, её сердце стучало подобно сумасшедшей барабанной дробе, воздух покидал лёгкие и возвращался обратно, подобно безумной воздушной змее, циркулировавшей через нос обратно в лёгкие. Пляж всё не заканчивался, но испуг, настигший носительницу анимы гепарда, начинал сходить на нет. Постепенно, когда пляж начал превращаться в скальные берега, Камалия остановилась, запрыгнув на огромный валун, что стоял на краю небольшой заводи с прозрачной стоячей водой.

— Неужели, это я? — девочка смотрела на своё отражение в глади стихийного зеркала.

Пятнистая, чуть вытянутая мордочка, чёрные тени под глазами уходили ближе к носу и стрелками тянулись вдоль него. Глаза совсем не поменяли цвет, напоминая Кама о реальности происходящего. Закруглённые маленькие ушки находились сверху головы и будто бы сами реагировали на все посторонние звуки, поворачиваясь в разные стороны. А за левым плечом виднелось чёрное тату изображающее гепарда. — Значит, это правда я? — девочка ещё раз осмотрела себя, оценив также взглядом и свой длинный хвост, что подчинялся ей, словно пятая конечность. — Вот это я понимаю, влипла.

Недалеко от берега из воды вынырнула огромная рыба, у которой вместо носа Камалия углядела подобие огромного наконечника копья. Морской монстр упал в воду вниз головой, почти не оставив после себя брызг.

— Ничего себе, рыбина! — забыв про свои проблемы промурлыкала юный гепард.

— Ты долго... — Коджи уже наловила каких-то странных мелких зверьков с длинным туловищем. Камалия возвращалась обратно обычным шагом, стараясь осознать всё, что с ней произошло в последние пару дней. Первое убийство, становление наследницей Великого дома Ели, падение со стены Адаида вниз и... Кама не помнила ни удара об воду, ни всего того, что произошло с ней после.

— Как мы здесь оказались? — молодая самка гепарда улеглась с противоположной стороны костра от Ренней.

— Начнём с того, что я уже тебе говорила, Лия. — лицо брюнетки, хоть и было наполовину скрыто за красной тканью, не теряло своей красоты, а в голосе был всё тот же пьянящий шарм. — Языка зверей я не понимаю и думаю, что вряд ли есть кто-то, его знающий...

— Это как?! То есть я теперь даже говорить с людьми не смогу?!

— Тихе... Тихе... Какофония кошачьих звуков не поможет тебе объясниться. Постарайся дослушать меня до конца, а затем я попробую понять твои мяукалки. Идёт?

Камалия могла лишь молча кивнуть, других точных способов донести своё согласие она не нашла.

— Отлично. Начнём с того, что мы на далёком тайном острове нашего рода. Торговые или пиратские корабли здесь появляются, в лучшем случае, раз в несколько лет. Поэтому времени на разговоры у нас с тобой будет очень много. Можешь не торопить. Если бы ты упала в воду будучи на первой стадии анимы, то непременно бы погибла от удара. Если бы ты была в облике человека, то тоже, скорее всего бы умерла. Поэтому я насильно влила в тебя огромные объёмы своей живы и заставила их циркулировать. Твоё тело не могло выдержать подобных метаморфоз и начало трансформироваться в животное твоей анимы. Ведь тебе, наверное, рассказывали, что случается с теми, кто теряет контроль над энергией своего тела, что мы называем живой?

— Нам с Оби было рано узнавать подробности... — чуть приподняла голову гепард.

— Человек поглощает природную энергию через дыхание, и, словно кузнечные меха, разогревает внутренний костёр души. Пламя костра и есть жива, а дрова, что горят и постепенно превращаются в угли, есть тело. Когда пламя начинает разгораться сильнее и становится невыносимо жарким, а тело при этом недостаточно тренированно, чтобы выдержать такую нагрузку, то лишняя энергия переходит в тату, в начале, испаряя через него влагу в четвёртой стадии, а затем и кровь, в пятой стадии анимы. Умение поддерживать неизменный уровень жара внутри своего тела и есть достижение стадий анимы. Но как

только жар внутреннего костра выходит из-под контроля, как это случилось с тобой, тату трансформирует тело человека в то животное, что было на нём изображено, почти всегда без возможности вернуть человеческий облик. А так как у других животных нет тату анимы, они всегда ограничены третьей стадией её развития, что достигается у них сама собой без тех огромных усилий и работы над собой, как это бывает у людей. — Коджи сняла с огня чуть подгоревшее мясо и откусила маленький кусочек. Когда-то ведь и ей рассказывал всё это рядом с костром её собственный отец, а теперь и она рассказывает это дремлющей напротив внучке. Темнота уже давно наступила, а у Камалии явно выдался тяжёлый день. — Уже спишь? Как же давно никто не засыпал под мои рассказы, юная Ренней.

А в ответ ей прозвучало лишь лёгкое сопение большой пятнистой кошки.

— Да... Сам себе враг.

В высокой, почти заброшенной башне Видэона, когда-то принадлежавшей Великому дому Клёна, сидел черноволосый мужчина средних лет. Его тёмно-серые, точно грозовые облака, глаза смотрели на юг, совсем не обращая внимания на ту партию в шахнар, что разыгрывалась на столе перед ним. В этой древней игре всё зависело не только от удачи игрока, но и от его умения правильно распорядиться фигурами. Иногда партия могла затянуться на долгие часы, а порой заканчивалась всего за несколько минут. Царь Иолай не любил эту игру ровно также, как она не нравилась и его давнему оппоненту, но после встречи в детстве с тёмной королевой Ренней, он так и не смог решить поставленную ей задачу, направленную, видимо, на унижение его гордости. Задание было очень простое лишь на первый взгляд. Партия должна закончиться чистой ничьей без возможности кому-либо из оппонентов окончательно победить. А это означало лишь то, что должно остаться лишь два ребёнка вождя, две самые главные фигуры на доске. Кубик с цифрами от одного до шести разрешал ход различным фигурам. Для фигуры воина племени требовалось выкинуть от единицу и выше, для стража выкинуть нужно было не меньше двойки, для всадника выкидывалась тройка и выше, для главного охотника четвёрка, а для вождя цифра пять. Самое сложное было сыграть именно в ничью, и царь Иолай Д'Видеон не мог этого сделать уже три десятилетия. Всё царство считало его ветвь власти самыми мудрыми правителями, но каждый раз играя партию с самим собой, седая прядь на челке напоминала ему о невозможности предугадать все варианты бросков кубика и ходов, следующих за ним.

— Иолай! — на башню с прекрасным видом на Видэон и его окрестности поднялся брюнэт с короткими волосами, изысканными усами и бородкой. Его вертикальные зрачки ярко-красных глаз пугали окружающих, но не его брата, кто, как и всегда в это раннее утреннее время, играл в шахнар на заброшенной башне клёна. — Пришли вести с юга. Не самые приятные...

— На юге должны были занять Порт-о-Сент эйды под командованием адмирала фон Гаррена. Я настоял в разговоре с послом Эйдоса, чтобы именно этот воин моря отвечал за уничтожение того центра контрабанды товаров и торговли людьми. — мгновенно среагировал Иолай. — Зейн, ты знаешь Акамира не хуже меня, что у него могло пойти не так?

— В этом случае всё было как должно, за исключением огромного нюанса... — Зейн Д'Видеон сел напротив брата и скинул рукой все фигуры шахнара на пол.

— Я так понимаю у тебя был весомый довод для скидывания моих фигур.

— Ты сам всё поймёшь, когда услышишь. На деревню Торгейн напали и пытались

похитить лук Вимуров.

— И Изая вонзил им пару стрел промеж глаз?

— Конечно, примерно так всё и закончилось, но...

— Но?

— Хоть лук и не смогли украсть, в то время в деревне находилась дочка Ганджи и сын Эобара Эмека. А напал на деревню бывший сотник рантаров, Алатас.

— Что с ними случилось?

— Изая потерял руку, лук остался при нём. Но главарь банды всё равно сбежал, пусть и сильно раненый, судя по рассказу очевидцев.

— Ты чего-то недоговариваешь...

— Алатас похитил дочку Бадда, Камалию. И унёс её в неизвестном направлении.

— Мать моя, Природа! Бадд знает?!

— В том то всё и дело, он узнал очень быстро, намного быстрее, чем эта новость пришла к нам.

— Его надо остановить, Алатас наверняка не знал о том, кого именно украл и продаст её подороже какому-нибудь контрабандисту или пирату или...

— Всё уже произошло, брат. Бывший сотник рантаров успел побывать в Порт-о-Сенте до того, как этот порт захватил Акамир, а после скрылся. По сообщению Акамира на него напал Ганджи Бадд, думая, что это эйды организовали нападение, и перебил целый взвод солдат, устроив кровавую резню в захваченном порту. Фон Гаррен сумел его образумить и даже отпустил на дальнейшие поиски дочери, но с одним условием... — Зейн закрыл ладонями лицо и тяжело вздохнул, стараясь набраться сил для того, чтобы выдать самую важную часть истории.

— Договаривай, Зейн! Что за условие?!

— После того, как Ганджи найдёт и вернёт дочь, или убедится в её гибели, он должен сдаться в плен империи Эйдос.

— Что?!!! Это невозможно! Он не может сдаться в плен! Я столько уговаривал Перлея не преследовать Адеолу, сбежавшую с Ганджи, только потому что этот воин сделал для нашего царства больше, чем кто-либо.

— Ты правда так думаешь? Правда думаешь, что Ганджи Бадд, наш общий друг, не совершил тогда на Берегу Лун роковую ошибку, поставившую крест на попытках договориться о воссоединении и восстановлении целостности царства Гринтерра.

— Император Эйдоса ни за что не пойдёт на это. Я знал об этом раньше, уверен и сейчас. Единственный человек, способный пойти на этот шаг, это Ирон фон Ридас, посол Эйдоса и его наследный принц. А с нынешним императором можно лишь беседовать о мире, не более.

— И всё же... Ты что-то уже придумал? — Зейн внимательно посмотрел на своего брата, что с любопытством разглядывал фигуры шахнара раскиданные по полу.

— Дети вождя... — две главные фигуры двух сторон лежали вместе, не давая укатываться друг другу, в то время как все остальные были перемешаны. — Нам срочно нужен посол Эйдоса. Нужно спасти Бадда, ещё раз...

Утренняя заря ласковым светом ложилась на гребни морских волн, накатывающих на песочный настил пляжа. Красное зарево старалось пробудить от сна женщину в обрывках кожаной одежды и гепарда, укрывшего свои глаза широким пушистым хвостом.

— Как же не хочется просыпаться... — зевнула, обнажая длинные клыки, большая кошка. — Мне приснился страшный сон, Коджи. Как-будто я... — девочка взглянула на свой хвост, затем на лапы... — Ааа!!! Это не сон! — вскочив на лапы и запрыгнув на грудь женщины, гепард кричал и скулил обливая слюнями лицо брюнетки.

— Юная леди! — мощным толчком Ренней скинула с себя пятнистую тушу. — Вы весите уже не столь мало, как раньше.

— Но бабушка, я гепард! — всё также орала Камалия, словно вчерашний день был подобен страшному сну.

— Да, гепард... — села, сложив перед собой ноги, Коджи. — Чего орать то? Вчера ещё должна была понять...

— Но... Но... Аргх!

— Не шипи на меня. Теперь тебе предстоит долгий путь к центру этого острова, если ты хочешь вернуть себе человеческий облик.

— Это возможно?!

— Всё зависит только от тебя. В центре этого острова лежит огромный камень, из которого растёт древнее дерево. Рядом с камнем бьёт источник жизни. Если ты изопьёшь воды из источника, то твой облик вновь станет человеческим.

— И всего то?! — Камалия сорвалась с места подобно дикому кабану.

— Стой! Не всё так просто! — но слова Коджи не успели достигнуть ушей юной Бадд.

Длинными когтями задних лап она разрывала корни деревьев. Отталкиваясь от их стволов, она оставляла глубокие порезы. Изумрудные лианы разлетались в стороны, когда пятнистый ураган пролетал мимо.

— Всего то надо добежать до центра острова и всё вернётся на круги своя. — Камалия бежала долго, очень долго. Пока не начала замечать оставленные собою порезы на деревьях, оторванные и лежащие на земле стебли канатов джунглей, и вырванные из земли корни растений. — Я здесь уже была? Но как такое возможно? — перейдя на медленный шаг Кама бродила по тропическому лесу, словно загнанный в клетку зверь. Она старалась идти только вперёд, но всё равно возвращалась к исходной точке. — Этот лес, он проклят?

Прошло несколько дней. Коджи всё также сидела на берегу, медитируя и прогоняя сквозь себя энергию природы. Свою внучку она не видела с того момента, как та убежала, сломя голову. Но Ренней знала, что это испытание Камалия должна пройти сама. Вдруг, из леса показалось измождённое тело большой кошки, которая дошла до женщины и рухнула на песок, подняв в воздух облако песка.

— Пришла наконец.

— В-о-д-а... — шипящие звуки, обрывающие глотку, явно вырывались из голосовых связок гепарда с трудом.

— Хах... У меня нет того, что ты хочешь. Пресное озеро находится в лесу в первом круге, а еду ты можешь поймать сама.

Кошачьи глаза могли бы намочнуть от услышанного, но воды в организме катастрофически не хватало, да и Камалия обещала больше не проливать слёз понапрасну.

Грузное тело поднялось с песчаного настила, и гепард вновь двинулся в джунгли.

- “И так...” — думала про себя девочка. — “Где бы я пряталась, будучи озером? Рядом с Тиабатом было одно такое, и в него бил водопад. Быть может здесь есть что-то похожее?” — зверь остановился — “Нужно напрячь слух, сосредоточиться...” — цоканье лесных крыс, шелест крыльев больших разноцветных попугаев, издающих непонятные звуки, сравнимые с

плачем грудного ребёнка, крики обезьян, где-то в глубине устраивающих разборки среди своих братьев и сестёр, и множество других музыкальных инструментов леса, что вместе создавали дикую симфонию, но не было слышно того желаемого журчания воды, без которой смерть могла наступить очень скоро. — “Допустим водопада здесь нет, но озеро есть точно, значит у него должен быть какой-то запах, отличающийся чем-то своим...” — медленно втягивая чёрным носом ароматы джунглей, разобрать откуда идут различные запахи было крайне сложно, стоя на одном месте. Тогда Камалия начала ходить в разные стороны, стараясь поймать ту самую нить жизни, что могла её спасти...

— Господин! Мы обыскали все скалы, до которых сумели добраться, но ни одного трупа женщины похожей на тёмную королеву. В городе прочесали каждый переулок и дом, но их следов нигде нет... — делал доклад один из стражей города Адаид.

— Ищите дальше, бездари! Тела выносит через врата Харона в порт Адаида, я точно это знаю. Если они умерли, то их тела должно было уже вынести на эти грёбаные скалы. А если нет... Значит эти суки смогли выжить. — негодовал козерог, сидя на троне из чёрного камня в том самом, до боли знакомом, пустом зале Гаргароса.

Глава 20. Безумие

Нити запахов окутывали нос дикой кошки, путали её, сбивали с пути. Порой Камалия думала, что ещё немного и она упадёт на землю, не имея больше сил подняться.

“Неужели Коджи не нужно пить? Почему она так легко справляется без воды? Я сейчас сдохну в этом лесу...на этом проклятом острове нашего рода...”

Глаза начинала заволакивать белая дымка, ноги переставали слушаться, а внутренний голос твердил лишь одно:

— Ляг и умри. Зачем ты борешься? Твоя семья тебя уже не ищет, твоя бабушка так хочет, чтобы ты заняла её место, что готова была превратить тебя в зверя. Ты никому не нужна...

— Нет! НЕТ! — Камалия остановилась, стараясь не слушать внутренний голос. Её собственный отец научил её, что самые ценные вещи в жизни, это семья, долг и честь. И даже если семья отвернулась от неё, у Камы оставалось ещё одно не законченное дело. — Я ещё не отомстила за Ниссу! Я ещё не убила этого выродка, Алатаса. И пока я не сделала этого, просто не имею права умирать на каком-то грёбаном острове.

Лапы гепарда твёрже встали на влажную землю тропического леса. И, подняв как можно выше свою голову, юная Бадд втянула в себя всё обилие ароматов джунглей.

“ПОНЯЛА!!!”

Чуть не спотыкаясь о торчащие из земли, точно гигантские змеи, корни деревьев, Кама понеслась в сторону усиливающегося, чуть сладковатого, освежающего благоухания. Стволы, навечно покрытые малахитовым мхом, словно лесные стражи, старались остановить бегущую большую кошку, поймать её в сети лиан. Но Камалии уже не впервой было бегать по подобным лесам, она, словно маленький ребёнок, радовалась журчащему впереди голосу маленького водопада.

“Ещё немного!”

Спотыкнувшись на торчащем корне, девочка кубарем покатила по склону вниз и... Удар об воду, и куча брызг окатили изумрудную листву водной пылью лесного озера.

— Я сделала это! — зарычала обрадованная кошка что было сил и начала с жадностью, какой, наверное, не знали эти джунгли, глотать сладкий напиток природы. Камалии уже начинало становиться плохо от обилия воды в животе, но она продолжала напиваться, пьянея от счастья и удовлетворения самой важной её потребности за последние три дня.

Кошачий крик распугал птиц, сидящих на ветках близлежащих деревьев и Коджи Ренней сразу поняла, что случилось.

— Нашла всё-таки... — тёмная королева так и сидела на коленях в позе для медитации. А её губы лишь чуть растянулись, не в силах скрыть радость за внучку. — Но теперь ОН знает, что ты здесь, а мне пора идти.

Завалившись на бок, новоиспеченный гепард тяжело дышал.

“Зачем я столько пила? Теперь даже идти не могу... А значит остаётся только что? Правильно! Лечь спать...”

И Камалия с довольной ухмылкой на кошачьей морде мгновенно уснула. За последние три дня, она была сильно измождена поисками воды. Пища убегала прямо из-под носа и

пряталась в своих норах, не давая и шанса схватить свою тушку. Еда категорически не ловилась, да и не привычно было пользоваться девочке своим новым телом. Поэтому Кама пила воду, словно пожирая только что пойманную дичь.

Ночь в тропическом лесу наступила быстро. Ветви огромных деревьев размашистыми лапами, с пальцами-листьями, накрывали весь остров. Сон не отпускал Камалию, и она даже не услышала приближения хозяина острова. Лёгкое касание лапы огромного белого тигра до мирно спящей кошачьей туши и глаза гепарда всё также остались закрытыми. Он обошёл девочку со всех сторон, иногда нагибаясь и обнюхивая нового жителя леса. Затем, недовольно фыркнув, ушёл в тени деревьев также тихо, как и появился.

Первые лучи, растущего над землёй, солнца окрашивали листья в яркие цветочные оттенки розового и оранжевого. Лесная утренняя бабочка, с голубыми разливающимися, точно морской прибой, крыльями, села на ухо обратившейся в гепарда, девочке. Закруглённое ухо несколько раз дёрнулось, стряхивая надоедливое насекомое, а затем зверь начал открывать разноцветные глаза.

“Сколько я спала? Так есть хочется... Озеро я нашла, а вот с едой... С едой будет сложнее.”

Сходив по-маленькому в ближайший кустик, Камалия была готова к новым свершениям. “Итак... Теперь будем ловить наш завтрак.”

С новым силами кошка бежала по лесному краю, стараясь уловить запахи других животных, но разнообразие амбре от их испражнений поражало обоняние своей едкой вонью.

“Здесь что, живут одни скунсы?”

Мама читала Каме про этих вонючих животных и сейчас у девочки создавалось ощущение, что на этом острове живут именно они.

Гепард остановился и попытался уловить, с помощью слуха, малейшие шорохи травы, что не укладывались в мелодию ветра, лёгкое дуновение которого свежим потоком спускалось с кроны леса к самой земле и поднималось обратно. Симфония леса включала в себя так много разнообразных звучаний, так много отзвуков, что своими действиями вносили свою лепту в создание этой мелодии спокойствия.

— Вот! Услышала! — мох вылетел из-под когтей кошки в противоположную от её движения сторону. Камалии уже начинало нравиться её тело: сильное, гибкое, выносливое, все чувства были намного острее тех, которые она имела в облике человека. Резкий поворот на месте и маленький белый полосатый зверёк нырнул в кусты и почти затерялся в их листве. — Поймала!

Зубы сомкнулись на теле зверька, протыкая клыками плоть.

— АРРРР!!! — дикий рык распугал птиц, сидящих на ветках, и, показалось, что весь лес замер в ужасе. Перед Камалией показался он. Белый тигр с явным недовольством осматривал гепарда, посягнувшего на его хвост. Ярость и жажда крови в его глазах показалась Каме до боли знакомыми, примерно то же она видела и в бойцовой яме Адаида на лицах своих соперников. Медленно ослабив хватку и убрав лапы, прижимающие хвост хозяина леса к земле, девочка начала двигаться в обратную сторону.

— Прости-прости... — резко развернувшись, неудачливая охотница выпрыгнула из кустов. Камалия не оборачивалась, она слышала бегущего за собой белого тигра. Отчётливо запомнила его запах и клялась себе никогда его не забывать.

“Чёрт-чёрт-чёрт!!! Кто же знал, что здесь водятся такие чудовища?!!! Но хвост у него

вкусный, нужно заметить!”

Гепард и бегущий за ней хищник пересекали джунгли с невероятной скоростью. Девочка не обращала внимания на мелких зверьков, которые с удивлением наблюдали интереснейшую картину. Тело полосатого было не меньше семи метров в длину, но его размеры скорее мешали ему пробираться сквозь заросшую лианами густую чащу. Он сносил мелкие деревья, разрывал когтями листья большого папоротника, а его мощные лапы оставляли глубокие порезы на стволах деревьев, из которых тут же начинала вытекать смола.

Погоня могла бы продолжаться ещё очень долго, но страх Камалии очутиться в челюстях могучего зверя был настолько велик, что она даже не заметила, как её тело начало двигаться по-другому: быстрее, эластичнее, уверенней. Все чувства кричали об опасности, дыхание участилось настолько, что звук биения сердца перерос в монотонное жужжание, обилие запахов ушло, будто его и не было, а на его месте возник фетор крови. Лёгкие работали на пределе человеческих возможностей, но Кама чувствовала, что это была граница лишь для людей и сейчас, в облике зверя, она способна на большее.

Выбежав из леса на твёрдую каменистую линию побережья, новоиспечённый зверь начал осознавать свои истинные силы. Задние лапы Камалии стали заходить за передние, силой которых она выкидывала себя вперёд. И, несмотря на открытую местность и отсутствие помех для движения хозяина острова, гепард начал отрываться от своего преследователя.

Ганджи Бадду приходилось бывать в тюрьмах. Не один раз он сидел за свои не детские проделки в Видэоне. Не один день проводил и в тюрьмах Великих домов, когда нарушал их Кон — главный устав Великого дома, перед которым равны все его члены или люди, зашедшие на территорию этого дома. Но это место, что эйды называли «Сонм Зверя», внушало уважение, бывало в различных местах, Тигру Юга. Камни астромарина высасывали живую из тела с огромной силой, оставляя лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы костёр анимы внутри его тела не угас окончательно. Волосы начали сесть с огромной скоростью, и с каждым днём красно-рыжих прядей становилось всё меньше. Янтарные зрачки теряли свой яркий окрас, и уже были похожи на блеклые глаза рыбы, а кожа стала схожей с обескровленной мумией. Но всё это ни в какое сравнение не шло с тем, как сильно достал своими разговорами Астей Лопак. Его каждодневные приходы, безумное хихикание гиены, размышления на тему власти и того, как тяжело нести за неё ответственность. Порой Ганджи казалось, что лучше было бы пронзить своим мечом собственное сердце перед воротами этой крепости и не слушать бредни белобрысого лорда-защитника, но обещание, есть обещание и Бадд не мог нарушить данное Акамиру слово.

По прошествии месяца в заключении его навестил неожиданный гость. Мужчинка был низкого роста, с мерзкими маленькими усиками над верхней губой. Его тёмная коричневая роба, наверняка, скрывала неразвитое тело человека с первой стадией анимы. Позор по меркам Гринтерры, для мужчины в таком возрасте. Когда он начал говорить и заикаться почти в каждом слове, то глава Дома Орешника понял, что рассуждения лорда Лопака ещё не самая страшная пытка этой тюрьмы.

— Т-т-так... В-в-вы знаете к-к-кто я т-т-такой? — после долгих прелюдий всё же изверг из себя хоть сколько-то интересную информацию выкидыши капибары.

— Моё самое страшное наказание...

— Н-н-нет... Почему? С-с-с чего Вы в-в-взяли? — верхняя губа гуманоида была

значительно больше нижней и каждый раз при попытке что-то сказать она начинала нервно подёргиваться.

— Потому что...

— Что «п-п-потому что»?

— П-п-потому что ты себя в зеркале видел? — передразнивая это страшное отродье эйдов Ганджи хотелось отплеваться с того, что он дышит с этим чудищем одним воздухом.

— Н-н-не из-з-з-здевайтесь! — неожиданно резко выдал мужчинка. — Я Визеди, помощник самого кхм-кхм...

— Кого? — насторожился пленник. — Кто нанял тебя?

— Это В-в-вас не кас-с-сается. Вы-вы-вы т-т-теперь в-в-в моей в-власти.

— О Природа... Акамир теперь ты мне должен в следующей жизни...

— Х-х-хватит ш-ш-шуток анхель Б-бадд. Нам кое-что от В-в-вас н-нужно. — усатик повернулся в сторону двери и крикнул. — Охрана! — стражники «Сонма Зверя» не заставили себя ждать, вбежав с ружьями наперевес в камеру «Алая звезда». — Держите его г-г-голову н-на месте. — без лишних вопросов эйды обошли узника и схватили его за волосы, крепко сжав голову самого опасного жителя этой тюрьмы. Носитель анимы капибары развернул какой-то кожаный свёрток с инструментами.

— Только не делай меня похожим на себя... — с лёгким хрипом выдавил из себя Ганджи. — Лучше сразу убей.

— В-в-вы слишком много говорите, анхель Б-бадд. Но в будущем Вам это н-н-не грозит.

Маленький стальной блестящий предмет, словно миниатюрное заточенное копьё, уверенно двигался по шее сверху вниз плавно рассекая кожу. Бардовая кровь бывшего анхеля рантаров нехотя капала с этого незатейливого инструмента на каменный пол, затекая в его не глубокие щели. Ганджи хотелось заорать от боли. Два вертикальных разреза вдоль кадыка словно отделяли голову от тела. Мучитель напевал себе под нос жуткую мелодию, видимо успокаивающую его и делающую его движения более уверенными, поскольку, когда пленник пытался вырваться из лап охранника и мелодия прерывалась, то пальцы усатого недомерка начинали дрожать, причиняя ещё больше боли в районе гортани. Усатик кромсал и ковырялся своими странными инструментами в шее Бадда, вызывая невероятную боль.

“Камалия! Я надеюсь, ты умерла без мук, во сне, просто задохнулась под водой или погибла от первых выстрелов пушек Адаида. Погибла совсем не так, как, видимо, суждено погибнуть мне, но, быть может, я это заслужил...”

Дышать, дышать и ещё раз дышать. Оторвавшись от своего полосатого преследователя, Камалия никак не могла успокоить своё дыхание и бешено бьющееся сердце. Она уже давно забыла это чувство, когда главный орган чуть ли не выпрыгивает из груди от очень долгого бега. Но этот раз совсем отличался от предыдущих. Кустарники, огромные булыжники, суслики, что выпрыгивали прямо из-под носа — всё это буквально пролетало мимо Камы на той скорости, что покорила её пятью минутами ранее. Огромный тигр отстал меньше, чем через минуту преследования, а то, испытанное взхлёб, чувство обтекающего шкуру ветра будоражило все струны души девочки.

— Я смогла... Я оторвалась... Я гепард! — вспомнив способности зверя изображённого на её тату знака анимы, Камалия чуть не взревела от счастья. — Я самый быстрый хищник на этом острове! Уху-ху!

Кошачьи крики привлекли лишь больше внимания застывших в изумлении сусликов,

кто, встав на задние лапки смотрел на одурманенного очевидными фактами дикого зверя.

— И так... Воду я искать научилась, еду почти поймала, потом еда чуть не поймала меня. Значит...нужно выбирать добычу поменьше. Аха-ха-ха! — девочке до сих пор не верилось в то, кем она стала и что ей нужно сделать. — Та-а-ак... Успокойся Камалия! Ты свой желудок пока кроме воды ничем не наполнила. Теперь нужно поймать кого-нибудь...

Самка гепарда внимательно вглядывалась в стоящих на месте сусликов. Слюни мало-помалу стекали из её пасти на землю, рисуя маленьким зверькам не самую приятную картину будущего. Зрачки голодной кошки медленно расширились, и она прижалась как можно ниже к земле, приготовившись к смертельному броску. Если бы суслики знали, на что способна эта киса, то возможно успели бы спрятаться в одной из своих норок, но через какое-то мгновение лапа с острыми как бритва когтями прижала одного из грызунов к земле.

— Попался! — взревела Камалия, обрадованная первой добычей. — Теперь надо тебя приготовить... Приготовить?

Разноцветные глаза сантиметр за сантиметром осматривали лохматую лапу, пятнистое тело, хвост и своё отражение в больших чёрных глазах маленького зверька.

“Я теперь животное... Как мне готовить? Мама... Я могла бы отнести ей... Но... Нет... Коджи... Она приготовит!”

Камалия схватила в зубы свою добычу и побежала по берегу в поисках своей бабушки.

Был уже вечер, когда девочка подошла к пустому остывшему кострищу.

“Она сбежала? Нет! Она же говорила, что корабли ходят редко, прошло слишком мало времени.”

Камалия осмотрелась по сторонам и заметила большой камень с ровными надписями.

«Это остров Чар. Остров, хранимый нашим родом. Он разделён на три круга, что определяют твоё настоящее и подготовят тебя к будущему. Круги разделены рекой, что спиралью расходится от центра острова. Ты должна пройти все три круга, чтобы получить разрешение хозяина леса испить из источника, лишь пройдя все испытания ты сможешь стать сильнее. Я буду ждать тебя в центре. Пусть духи Природы укажут тебе верный путь.»

— «...определят моё настоящее и подготовят к будущему...» — глядя на суслика Кама начинала понимать, что ей предстоит. — Три круга, три испытания. Источник в центре. Если я буду идти вдоль реки по спирали, то, рано или поздно, доберусь до Коджи. Но... — желудок недовольно заурчал, гепард уже давно ничего не ела и сейчас Камалии просто не хотелось признавать очевидного.

Прижав голову суслика второй лапой, девочка опустила голову вниз. Белые клыки, смазанные обильным количеством слюны, прикоснулись к дрожащему телу маленького зверька. Голод сводил с ума и потому вкус крови на языке и её жгучий сладкий запах сделали своё дело. Словно девочка никогда и не была человеком, она разрывала тушку животного, наслаждаясь вкуснейшим лакомством за последние несколько дней.

— В-в-всё... Закончил.

Выложив в глиняный кувшин вырезанные голосовые связки Тигра Юга, лекарь эйдов омыл свои окровавленные руки в воде. Шея Ганджи была аккуратно зашита по обеим сторонам от гортани, но сам пленник выглядел как живой труп.

— Уже н-н-не так разговорчивы, анхель Б-бадд. П-п-простите если б-б-было б-больно.

Т-т-такая у м-меня работа. — вытерев руки об свою робу, Видези, а именно так он и назвался, покинул камеру «Алая звезда» в компании стражников, оставив бывшего анхеля рантаров в немом одиночестве.

Ещё до того, как солнце вышло из-за горизонта, гепард начинала подавать признаки жизни. Её лапы лениво вытягивались, а пасть с запекшейся кровью медленно открывалась в утренней зевоте. Когда глаза Камалии открылись, она некоторое время старалась понять, что видит перед собой, но, приподнявшись над влажной травой, рвотные позывы начали выталкивать переваривающуюся пищу. Вокруг дикой большой кошки, были разбросаны разорванные тела сусликов. Их оторванные, окровавленные конечности буквально усеивали всё расстояние вокруг гепарда на множество шагов.

Пока Камалия извергала содержимое желудка, то постепенно в её памяти начинали всплывать отрывки последнего вечера. Словно настоящий дикий зверь она вылавливала маленьких животных и, забавляясь, потрошила их острыми, заточенными когтями-кинжалами. Ужас в глазах миниатюрных созданий Природы только мотивировал дикого зверя в её душе убить как можно больше этих милых животных.

“Это правда была я?”

Но живот уже не урчал от голода, не молил о пище. И это было лучшим ответом для начинающей осознавать произошедшее Камалии.

“Я не была собой. Обезумела.”

Кама начинала вспоминать рассказы отца о ренегатах, потерявших контроль над собой воинах. Их жажда крови на поле боя делала их жестокими, хладнокровными убийцами, не знающими жалости ни к своим, ни даже к женщинам или детям. Мгновение за мгновением эти воины теряли контроль над своим костром анимы, и оно разгоралось до того, что мужчины и женщины начинали терять свой человеческий облик, превращались в безумных, сильных, крупных зверей своих знаков анимы. И сейчас Кама чувствовала себя одной из таких людей, за одним исключением, она могла себя контролировать всё время до вчерашнего вечера, пока голод не стал настолько невыносим, что её инстинкты не вышли за разум.

“Значит, будем поддерживать сытость, чтобы не нарушать баланс жизни на этом острове. Сегодня я начну движение к центру острова и, если выживу, спрошу у Коджи: почему я не обезумела навсегда как остальные ренегаты?”

Глава 21. Договор

— Значит ли этот договор признание царством Гринтерра победы империи? — посол эйдов, Ирон фон Ридас, наследный принц Эйдоса, пытался докопаться до замысла царя лесного царства, Иолая Д'Видеона. В башне, принадлежащей Великому дому Клёна, в котором правил род фон Ридас, разыгрывая очередную партию в шахнар, сидели двое представителей великих держав. Ни одной партии против царя Гринтерры Ирон так и не выиграл, но каждый раз, как ему казалось, становился ближе к победе над мудрейшим человеком континента. Вокруг них простирался прекрасный вид на столицу царства. Каких-то сто пятьдесят метров над уровнем огромного озера Мэлк и из каждой вершины девяти башен Видэона были видны владения Великих домов в пределах города и его окраин. Колонны на вершине башни Клёна, были обвиты виноградными лозами, что начинали расти ещё у самой земли и царь Иолай закинул в рот одну из тёмно-фиолетовых сладких ягод, что так навязчиво свисали у него над плечом.

— Цель Гринтерры, моя цель, никогда не была настолько близка как сейчас. Объединение наших держав в одну и возвращение бывшего процветания на земли, скованные трехсотлетним конфликтом, является главной целью Гринтерры уже не первый век. А признаем ли мы победу империи или нет, зависит лишь от желания Эйдоса дальше проливать кровь наших людей. — вьющиеся тёмные волосы царя были собраны в хвост на затылке, а его тёмно-серые пронзительные глаза читали своего оппонента словно книжку.

— Иолай, ты правда думаешь, что, выдав свою дочь замуж за моего племянника, единственного, по Кону Великих домов, следующего наследника Дома Клёна, за свою дочь, то они вдвоём смогут примирить наш континент? Править станет род фон Ридас? Неужели, Великий дом Ясеня согласен отринуть тысячелетнюю традицию правления?

— Иначе бы я не стал звать посла империи. Мне ведомо, что твоё время тебе очень дорого, мой друг.

— Тогда как ты планируешь осуществить этот брак? — Ирон был искренне шокирован неожиданным решением главы лесного царства и его напускное спокойствие начинало давать трещину.

— Когда моя дочь достигнет совершеннолетия, то прибудет в столицу Эйдоса, Кион, для замужества.

— Сколько ей сейчас?

— Уже совсем скоро должно исполниться десять. — с улыбкой любящего отца ответил Иолай.

— Получается Вальтмери старше неё на четыре года...

— Я вижу ты заинтересован в этом союзе. — сделав ещё один ход на доске для шахнара помрачнел царь. — Есть у меня лишь одно условие...

— Ты ставишь меня перед трудным выбором Иолай... — громкий стук фигуры о доску от хода Ирона фон Ридаса показывал его понимание того единственного условия. Голос принца похолодел, а его очки начали быстро запотевать. — Я не могу освободить Ганджи Бадда. Только не его.

— Ирон... Прошлого не вернёшь. Твой брат умер в бою как герой. Спас тысячи жизней своим поступком, а сейчас ты можешь спасти гораздо больше. Ганджи Бадд не просто бывший анхель рантаров — он живая легенда нашего царства и мой друг. Его заключение

или же смерть вызовет волну негодования во всей Гринтерре. О каком союзе с вами, эйдами, тогда может идти речь?

Ирон фон Ридас прекрасно понимал правоту сказанного своим оппонентом, но обуздать свои эмоции и забыть ненависть к убийце своего старшего брата Кассия было выше его сил. Если бы не возможность наконец прекратить распри между эйдами и гринтерцами раз и навсегда, и не возможность Великому дому Клёна встать во главе этого могучего объединённого государства, то возможно посол Эйдоса не смог бы разумно ответить царю Гринтерры.

— Я согласен. — скрипя зубами выдавил из себя принц. — Мы согласны. Обговорю всё с отцом по возвращении в Кион. Посыльный отбудет в «Сонм Зверя» уже сегодня. Желательно с кем-нибудь из тех, кому ты доверяешь и кого знает Тигр. Но уговорить императора Эйдоса отпустить убийцу его сына будет намного сложнее, чем меня. И союз его внука и твоей дочери не станет таким уж лакомым куском для Ортуса фон Ридаса.

— Что ты хочешь Ирон?

— Все торговые караваны Эйдоса, не относящиеся к Великому дому Пихты и имеющие имперскую грамоту должны перестать платить пошлину за вывоз товаров из царства. — блеск в глазах за очками выдавал в словах Ирона далеко не самые близко идущие планы.

— Я распорядюсь об этом сегодня же. — Иолай встал из-за стола и направился к выходу.

— Стой! А как же игра, мы не закончили! — недовольный резким окончанием партии принц Эйдоса даже привстал со своего резного стула.

— Все фигуры уже стоят так как надо, Ирон. Дальше мы будем лишь наблюдать. — легкая, натянутая с тяжестью, улыбка Иолая Д'Видеона стала последним, что увидел принц на лице царя Гринтерры до своего отбытия в Кион.

Прошло уже пару недель после того, как Камалию с бабушкой выкинуло на необитаемый остров рода Ренней.

Юный гепард питался мелким зверем, что приходил к берегу реки попить пресной воды, но, не успевая сделать даже глотка, погибал в зубах большой кошки. Каме не нравилось питаться сырым мясом пойманных животных, но её вкусы после превращения значительно поменялись и стали пугать девочку своей дикостью и простотой. Камалия начала слизывать кровь со своих лап, которыми удерживала зверя во время трапезы. Иногда получалось поймать рыбу, но желудок гепарда намного лучше воспринимал именно лесного зверя нежели жителей рек и озёр. Потому охота для Камалии стала самым важным занятием по дороге к центру острова.

Первый круг, как назвала его Коджи, представлял собой сложно проходимые лесные чащи, где приходилось часто карабкаться по скальным образованиям, поднимаясь на множество десятков, а быть может и сотен метров над уровнем Каменного моря. Добычу в этих лесах удавалось поймать далеко не всегда. Маленьким и юрким зверькам было намного проще лавировать между поваленных стволов деревьев, частых кустарников и небольших каменных завалов. Бывали дни, когда девочка и вовсе оставалась голодной, но страх вновь потерять контроль над своим сознанием заставлял её усерднее и аккуратнее подходить к азам охотничьего ремесла. Она начала различать на слух различную лесную дичь и рассчитывать расстояние до неё. Глаза хорошо видели в ночи зверей, что выходили только в это время суток и потому Камалии приходилось выходить на охоту ещё и ночью. Время для

сна девочка выбирала только после очередной свершившейся трапезы, но засыпала лишь пару-тройку часов, которых вполне хватало для переваривания пищи и отдыха.

Самое неприятное в понимании юной Бадд стало желание облизывать всё своё тело, даже в тех местах, куда в виде человека и достать то невозможно. Умывание лапой головы и морды стало частым занятием Камалии после еды, поскольку окровавленная нижняя челюсть приманивала множество мух и другой мошкары, что мешала спать и причиняла ни с чем несравнимый дискомфорт. Облизывая свои передние лапы множество раз, Кама и не заметила, как это превратилось в привычку, но сделать с этим ничего не могла, реалии дикого зверя не должны были испугать ребёнка, что пережил уже события много хуже этих.

“Ох и доберусь я до тебя, Алатас. За всё ответишь. До костей заставлю вылизываться.”

И вот, когда прошёл уже не первый месяц в облике гепарда, Камалия попала в то, что можно было бы назвать лесным тупиком. Деревья здесь были очень ветвистыми, хоть и высокими. Тонкие ветки кустов опутывали хуже лиан и раздражали психику похлеще орущего сурка, что наорал на Каму в пещере, когда убежал от неё на последней охоте. Эхо от крика маленького животного с жутким воем нагоняло страху и заставляло поджилки трястись, хотя головой Камалия понимала, что этот зверь боится её намного больше.

Ветвистая лесная преграда вынуждала двигаться дикую кошку как можно медленней, наверное, поэтому, уворачиваясь от больших пауков, девочка не замечала, как с верхних веток за ней наблюдает огромный питон. Он уже давно довольствовался лишь мелкой добычей, потому не мог пропустить крупную дичь мимо. В пару десятков метров длинной коричневый пятнистый змей обвивал верхние ветки деревьев, плавно и бесшумно, перемещаясь в след за Камалией. Он ждал, когда большая кошка устанет и приляжет на ночлег, чтобы заполнить свой жадный желудок пищей достойной его размеров.

Тьма в лесу наступает крайне быстро, а в густой, заросшей растительности чащи почти мгновенно, стоило только последнему лучу солнца скрыться за горизонтом. Огромный питон обвил ствол дерева над отдыхающей самкой гепарда, которая, поужинав каким-то мелким грызуном, напоминающим крысу, вылизывала себя сверху до низу. Терпением змей отличался чрезвычайным и потому дал своей жертве насладиться последним умыванием перед смертью.

Когда гепард умылся и примял участок высокой травы для комфортного сна, ночной хищник начал медленно перетекать на толстую ветку, что свисала в пяти метрах над Камалией. Его треугольная голова плавно опускалась к земле и, по-отечески, ласково совершала оборот за оборотом вокруг своей жертвы. Три кольца уже начинали потихоньку сжимать свою жертву, когда Кама проснулась. Оранжевые глаза огромного питона перед мордой гепарда повергли бы в ужас любого, кто бы увидел их после недолгого сна, но девочка среагировала быстро.

Прежде чем питон открыл свою пасть, чтобы проглотить проснувшуюся добычу, лапы гепарда двумя точными ударами с разных сторон быстро развернули голову змея, подставив его узкую у головы шею под клыки крупной кошки. Два острых, словно заточенные наконечники копий, клыка вонзились в тело старого змея, медленно умерщвляя монстра непроходимой чащи. Питон не извивался от боли и не издавал звуков больше, чем при охоте, его кольца сжались, стараясь сломать кости своей противнице, которая продолжала вгрызаться в шею огромного змея. В конце концов, когда Камалия думала, что её тело сейчас лопнет от сдавливающих пятнистых колец, питон просто принял свою судьбу — принял смерть от более сильного и умелого хищника, которым являлась молодая самка гепарда. А

когда его глаза помутнели, словно вода в болоте, мощная кошачья челюсть отпустила своего недруга на некоторое время, чтобы позже съесть большую часть тела земноводного, который сам стал пищей, замкнув очередную цепочку жизни и смерти.

В камеру «Алая звезда», находящуюся на самом верхнем этаже тюрьмы «Сонм зверя», вошла стража и конечность за конечностью освободили Тигра Юга. Но сил стоять и удерживать себя над полом у бывшего анхеля рантаров не было. Астромарин, казалось, высосал не только природную энергию, но и силу тела, душу и даже эмоции, из-за чего Бадд не мог даже обрадоваться непонятной ему милости судьбы. Стража тюрьмы вела его под руки, волоча босыми ногами по холодному каменному покрытию. Тело Ганджи за время нахождения в тюрьме сильно исхудало, глаза и щёки впали во внутрь, обтягивая череп, словно кожаный барабан. Каждая ступенька на круговой лестнице была пленнику по пальцам ног, обдирая их до крови, но воин не мог даже подумать о том, чтобы двинуть ими. В горло будто заливали расплавленное железо, когда Ганджи старался произнести хоть слово. И потому молчание стало его лучшим другом, пусть и не самым приятным.

Чувство отчаяния и горя все еще давили на сознание Бадда и Тигр продолжал убеждать себя, что понесенная кара была заслужена. Поэтому, когда тащившие его солдаты неожиданно остановились он даже не обратил на происходящее внимания. В себя его привел низкий, скрипучий и до ужаса знакомый голос:

— Что за нелицеприятное зрелище... — медленно поднимая глаза, Ганджи с досадой подумал, что судьба не лишена иронии... В слабо освещенном зале, в окружении воинов Великого дома Дуба, на него с жалостью в глазах смотрел Ликург Перлей, глава этого Великого дома и военный советник самих царей Гринтерры. — Почему он в таком состоянии?! — со злобой в голосе обратился к кому-то старик Перлей. Только сейчас Бадд заметил, что в помещении находился так же его «обожаемый» собеседник, являющийся по совместительству главой тюрьмы, в которой он прибывал. — По законам Гринтерры пленнику не должен был быть принесен какой-либо вред!

— Здесь не действуют законы Гринтерры, советник Перлей. Вы находитесь на территории империи Эйдос. В полученном мною приказе указано, что я должен передать Вам, представителю лесного царства, этого преступника. В приказе ничего не было сказано о его физическом состоянии, а также за душевное состояние тигрѐнка мы ответственности не несѐм. Мы...

— Довольно, мальчик. Этот воин переходит под нашу защиту и по договору, заключѐнному между нашими государствами, Вы обязаны дать нам беспрепятственно уйти. Если, конечно, не хотите объясняться перед вашим императором, который лично, на сколько мне известно, отправил Вам упомянутый ранее приказ.

— Конечно-конечно, советник Перлей. Хи-хи... — мерзко оскалился лорд Лопак. — Мне кажется, что Вашему дорогому анхелю не помешает помощь гринтерских жрецов, а то боюсь, в таком состоянии он не выдержит переправы через Каменное море. Тут, знаете ли, легко подцепить простуду...

“ Свернул бы шею этой гиене, если бы был моложе лет на тридцать, но сейчас...” — Ликург Перлей осмотрел своего зятя, не в силах злиться на потерявшего свою единственную дочь отца, его собственную внучку. Воины Дуба осторожно обмотали Тигра Юга в тёплые шкуры и положив на носилки, двинулись в сторону выхода, где метель застилала горные пейзажи империи.

— Приятной вам дороги! Хи-хи... — не мог сдерживать своего злорадства Астей Лопак. Его крайне удивил полученный приказ от самого императора Ортуса фон Ридаса. Однако, он не мог отказать себе в удовольствии наблюдать реакцию гринтерских воинов, когда им принесли то, что осталось от некогда могучего анхеля рантаров, живой легенды Краткой войны.

Врата «Сонма Зверя» медленно закрывались за покидающими крепость гринтерцами, кто уверенным шагом направлялись к своим кораблям в гавани неподалёку. Жрецы уже оказывали посильную помощь своему пациенту, вливая в него слабые потоки живы. Но от взгляда Ликурга не ушёл ни один ушиб на теле его зятя.

“Такие травмы... Его долго избивали... Выкачивали его живу и буквально тушили костёр анимы... Был бы на его месте я или кто-нибудь другой, то точно бы отдал концы гораздо раньше. А что делали с его горлом... На такую тонкую работу способны далеко не все люди, занимающиеся медициной, даже интересно зачем эти два ровных шва вдоль его горла?”

Но вскоре необходимость в ответе на этот вопрос, как и на многие другие отпала. Ганджи Бадд потерял способность разговаривать. Он просто онемел и даже мычать, по сути, был почти не способен, не испытывая при этом чудовищные боли.

“Мать моя Природа, что эйды с тобой сделали, сынок?”

Через пару дней корабль Гринтерры отбыл в сторону Берега Лун, где советник Перлей лично сопроводил Ганджи Бадда на Тиабат.

— Ганджи Бадда забрал из «Сонма Зверя» сам глава Великого дома Дуба. Отец, Вы не пожалеете об этой сделке. — Ирон фон Ридас стоял у трона императора Эйдоса, склонив голову вниз. — Наши люди в Видэоне, что были присланы по условиям договора, уже наблюдают за подрастающей царевной. А по древнему Кону Великих домов цари Гринтерры не смогут нарушить условия сделки или же они потеряют доверие других шести, чьи представители стали свидетелями договора между Домом Ясеня и Домом Клёна.

— О, я не пожалею о своём решении. Ведь если будет иначе... — Ортус фон Ридас набрал полную грудь воздуха и улыбнулся, вглядываясь в своего младшего сына. — Будет война, в которой на стороне Эйдоса будет не только правда, но и неоспоримая сила.

Глава 22. Первый круг острова Чар

Несколько месяцев минуло с начала продвижения Камалии к центру острова, что, подобно лабиринту, запутывал гепарда и замедлял её. За это время охотничьи навыки, обращённой в зверя, девочки заметно улучшились. Кама не брезговала нападать на горных баранов и овец, билась в смертельных схватках с другими представителями кошачьих из тех, кто обитал в горах. На теле появлялись всё новые ссадины и шрамы от этих по-настоящему диких зверей. Камалия старалась изучить их запах, старалась вспомнить все рассказы матери о том, как именно различные хищники метят и определяют свою территорию. Когда Адеола рассказывала о фауне мира, её дочка очень часто лишь делала вид, что слушала родителя, но на самом деле витала в облаках, а то и, вовсе, дремала с открытыми глазами, устав от ежедневных тренировок. Тогда девочка ещё не знала, как сильно ей пригодятся в жизни все её навыки и умения. Уже около года, по подсчётам Камы, она находилась вне дома.

— Наверное, мой день рождения уже прошёл. С праздником, Камалия! — большая кошка сидела на огромном камне восточного склона горы, согреваясь в лучах летнего солнца.

Девочка уходила с Тиабата на своё первое задание в начале весны, перед сезоном дождей, а сейчас уже шло второе лето.

“Получается больше года. Больше года я не видела папу, маму, младшего брата. Отец так легко поверил в мою смерть — не могу это принять. А тот факт, что они скрывали от меня моё наследие, просто не укладывается в голове. Я, наследница двух Великих домов по их Кону, жила столько времени на Тиабате, одной из самых удалённых точек континента, не зная даже кто я на самом деле. Бадд? Хах... Скорее Ренней или Перлей, но точно не Бадд. Как я могу носить фамилию Малого дома, являясь наследницей двух Великих? Нет, это неправильно... Коджи говорит: мне не место на Тиабате, я должна продолжать традицию своего рода, должна взять фамилию Ренней! Но почему мне тогда так грустно? Я чувствую себя такой одинокой, как будто папа и мама, и Ракдай больше мне не родственники. Я так не хочу! После того, как я найду Алатаса, и отомщу за смерть Ниссы, мне нужно вернуться на Тиабат, показать всем, что я выжила, но...пока что я нахожусь на огромном необитаемом острове в облике гепарда. Кто бы мог подумать...” — спрыгнув с камня Камалия медленно побрела по каменной щёбёнке горного склона. Первый круг этого острова представлял собой густые леса и множество скалистых возвышенностей. Дичи здесь хватало, как и источников пресной воды. Реку, что текла из центра острова по спирали, Кама каждый раз находила глазами, поднимаясь на новую вершину. — “Этот остров активно мне мешает пройти к источнику. В джунглях я бы уже давно прошла до центра острова, но здесь... У этой реки слишком сильное течение. Я скорее утону, чем смогу переплыть на другой берег, а ведь это нужно сделать не один раз! Остаётся только двигаться по спирали, как и сказала Коджи. Надеюсь, моя бабка ещё не сбежала с этого грёбаного острова и действительно ждёт меня в центре.”

Днём Камалия проходила леса, а ночью старалась проходить горы. Глубокие ущелья водили кошку зигзагами, заставляя её повиноваться воли острова Чар, но Кама уже перестала торопиться и, мало-помалу, уменьшала оставшееся ей расстояние до цели. Девочке с каждым днём всё меньше верилось в то, что когда-то она была человеком, но счастливые воспоминания о мирной жизни, об их дружбе с Оби, не оставляли наследницу

Дома Орешника. Держась и опираясь на них, Камалия приходила в себя после очередной охоты, заново вспоминая свою цель вернуть человеческий облик, выбраться с этого острова, убить Алатаса и возвратиться на Тиабат, а дальше этого мысли просто не шли, будто встречая на своём пути невидимое препятствие.

Архары, большие горные бараны, что обитали в горах, пахли просто отвратно, если, конечно, не были совсем молодыми, но такой Камалии пока попался только один. Их закручивающиеся широкие рога, расходящиеся от головы в разные стороны, причиняли много неудобств во время охоты, но, тем не менее, острые клинки во рту делали своё дело, разрывая горло жертвы. Кама научилась тихо подкрадываться по каменистой поверхности, где каждый камушек мог предательски покатиться вниз по склону, спугнув парнокопытного. Тогда гепарду приходилось очень постараться, чтобы догнать свою добычу и отнять её жизнь. В самом начале это удавалось сделать лишь один раз из десяти, заставляя Камалию либо голодать, либо искать мелких зверей в лесу, ещё больше выматывая юную кошку. Но сейчас каждый второй рогатый оказывался у неё в желудке.

После каждой охоты гепард вылизывала всю себя. И если в начале это вызывало дикий дискомфорт и попытки отплеваться от грязной шерсти в причинных местах, то теперь, когда прошло уже около года на острове, привычка надёжно закрепилась за девочкой, которая уже с неким перфекционизмом подходила к вопросам личной гигиены.

Этим утром Камалия спускалась вниз с горы, в ближайший месяц, по её подсчётам, она должна была достигнуть второго круга острова Чар. Но в этот раз впереди она не видела гористых возвышенностей, с обитающими горными баранами, архарами, на них. Смешанный лес простирался на многие десятки километров, плавно подводя гепарда ко второму кругу.

— Так... — перепрыгивая с камня на камень, Кама двигалась вниз, где находился очередной небольшой лесок. — Сейчас утро и мне хорошо было бы ускориться на этом участке, а также найти себе пищу на этот день.

Девочка уже поняла предел своих физических возможностей в облике зверя. Всего на несколько минут, но она была способна разогнаться до огромной скорости, двигаясь на которой от неё не могло уйти ни одно животное, но это лишь на несколько минут, а потом... Потом ровно столько же, если не больше занимала отдышка, когда Камалии приходилось замедлять бешено стучащее сердце, выпрыгивающее из груди с каждым его ударом. Потому и двигалась Кама в легком беге, сохраняя силы для рывка за своей добычей.

Смешанный лес был достаточно редким, позволяя видеть далеко вперёд. Кустов с различными ягодами тоже хватало, но девочка не увидела ни одной, название которой бы знала, а есть не пойми что было крайне рискованно. Среди ароматов хвои и лиственных деревьев Камалия чувствовала до сего момента не знакомое амбре. У всех животных оно имело свой оттенок запаха, как если бы это был цвет. В облике человека Кама не могла различать эти оттенки, но сейчас будто бы прозрела, разбирая каждый аромат на множество частей, у каждой из которых была своя причина появления. Но этот новый оттенок Камалия не узнавала, и чем дальше в лес заходила самка гепарда, тем отчётливей становилось амбре неизвестного зверя. Спустя пол дня пути оно было повсюду: им были помечены все кусты и деревья, даже в ручье, что стекал с горы, чувствовалась эта едкая вонь.

“Даже интересно, что же это за зверь? Нужно быть осторожнее... Иначе я нарвусь на кого-то похлеще манула, от которого кое-как успела сбежать месяц назад, разодрав тому нос!” — думала девочка.

Шорох за одним из деревьев ясно дал понять, что Кама находится не одна в ближайшем

километре. Звук происходил из глубины леса, но вот амбре там чувствовалось ещё сильнее, чем по заранее проложенному Камалией маршруту, когда она была на горе и видела спиральную реку.

“А есть то хочется... Может это кто-то из мелких зверьков? Тогда можно было бы перекусить. Ведь обед никто не отменял.”

И гепард побежал в сторону странного шороха, выискивая глазами свою цель. Зрение девочки стало намного лучше: вертикальный зрачок позволял не терять из виду зверя при погоне, а чёрные полосы вдоль носа позволяли Камалии не слепнуть от яркого солнца. И Кама чаще стала находить себе добычу и ловить её ориентируясь, в основном, на зрение, пользуясь слухом как начальным способом определения местонахождения источника шума.

Трава была высотой до самого пуза гепарда, скрывая от неё мелких грызунов и остальную малую дичь. Но даже малое шевеление высокого зелёного настила в мгновение было замечено Камалией. Выпустив когти в землю, она рванула в сторону своего обеда, и заяц-русак побежал прочь от хищницы, выстреливая обеими лапами, словно пружинами. Гепард не отставал от зайца, быстро его нагоняя, но ушастый дураком никогда не был и, разогнав свою преследовательницу до своей максимальной скорости, оттолкнулся от дерева лапами и резко сменил направление бега. Уходя от местных хищников, он не один раз проворачивал этот трюк, оставляя с носом голодных преследователей. Но... гепард был не так прост, как предыдущие желающие съесть этого зайца. Обогнув дерево, Камалия повела хвостом в обратную сторону от её предыдущей траектории движения и так же, как и заяц-русак, сменила направление. Потом ещё раз и ещё, пока самоуверенный косоглазый, наконец, не оказался в зоне поражения передней лапы. Быстрый удар когтем по вытянувшимся лапам ушастого, и он словно разогнанное пушистое ядро, спотыкаясь и кувыркаясь по земле, заминая собой траву, влетел во впереди стоящее дерево. Подбежав, Кама вонзила в него зубы и жадно раздирая серую мясную тушку на куски, начала свою дневную трапезу. Кровь прыскала из ещё живого животного, стекая изо рта Камалии на её нижнюю челюсть, а затем и грудь.

“Так... Надо отдышаться...” — сердце колотилось, точно стук сотни барабанов, слегка резонирующих друг с другом. Уши немного закладывало от повышенного давления, и Кама посмотрела на свою добычу. Если бы кто-то пару лет назад, сказал ей, что она будет охотиться вот так, а не с копьём в руке, то она бы просто рассмеялась ему в лицо. А сейчас... Сейчас разорванная туша под когтистой лапой Камалии отнюдь не вызывала смех. — “А ты вкусный, ушастик. Суслики до тебя не дотягивают, но и поймать их намного проще...” — отдышавшись девочка вновь принялась обедать, на этот раз не отрываясь от свежего, сочного, сладковатого мяса, тающего во рту, словно мякоть дикой груши.

До вечера гепард медленно возвращалась на свой маршрут, решив заночевать в кустах у дерева, где она начала свою погоню за дневной трапезой. Темнеть начало немного раньше, чем в горах. Свет солнца проникал сюда меньше из-за раскидистых крон невысоких деревьев, что укрывали обитателей леса, изумрудными сводами своих ветвей. В темноте ночного мира просыпалось множество различных зверей, которых днём было не видно и не слышно. Совы издавали тревожные звуки, сидя на верхних ветках и выискивая себе пропитание. Мыши старались скрыться во тьме, ища упавшие плоды и насекомых, которые составляли большую часть их рациона.

Камалия крепко спала, до конца переваривая мясо вкусного зайца. В её снах она снова бегала по джунглям Тиабата в облике человека с красивым резным копьём в правой руке. По

первому взгляду ей показалось, что она была немного старше, чем сейчас, но почувствовать себя снова одной из людей, это было настолько прекрасно, что слёзы, пробиваясь сквозь крепкий сон, стекали вдоль носа, по пятнистой морде гепарда.

Взгляд. Первое, что почувствовала Кама после того, как внезапно проснулась глубокой ночью, был взгляд. Ощущение страха не проходило ни через минуту, ни через две после пробуждения. На Камалию двигался ужас, окружая её со всех сторон, он становился всё сильнее с каждой секундой. Высунув из кустов голову, постаравшись не дотронуться ни до одного листочка, девочка увидела множество пар разного цвета глаз. Волки кружили вокруг неё, медленно сжимая свою непроходимую блокаду.

“Как я их не почувствовала раньше? Их же так много...” — выпрыгнув из кустов, девочка начала искать слабое звено, того самого слабого волка, что должен был стать её путём к сохранению жизни. — “Точно... Тот странный запах... Он принадлежал им! Как я сразу не догадалась, что здесь целая стая хищников.”

Звери рычали, скулили, перекидывались многозначительными взглядами. Их вожак, самый крупный среди стаи, рычал больше остальных, видимо раздавая команды к захвату. Шерсть косматых хищников тёмная с редким коричневым отливом вздымалась дыбом на холке, а с обнажённых зубов стекала слюна, рассказывая о долгом голоде.

— Та-а-ак, друзья... — начала пятиться Камалия. — Мы же все звери-охотники... Давайте жить дружно...

Рык сзади заставил Каму оглянуться. Волки наступали со всех сторон, шаг за шагом приближаясь к своей добыче.

“Раз, два, три...одиннадцать. Мне от них не сбежать, через пол километра я устану и мне нужна будет отдышка, но они мой запах запомнили и скорее всего успеют догнать... Значит, будем биться.”

Гепард резким толчком задних лап оказался под носом у одного из хищников.

“С начала убьём самых слабых...” — мощным ударом длинных когтей, Камалия расплосовала морду самого тощего и мелкого волка и тот, как ни странно, ринулся убежать в лес, дико скуля.

Реакция остальных не заставила себя долго ждать: почти одновременно оставшаяся стая набросилась на гепарда, цель которой уже была определена. Прыгнув над головой вожака и развернувшись в воздухе с помощью своего хвоста, Камалия когтями всех своих лап вонзилась в спину главного среди стаи. Она вырывала куски шерсти и плоти, буквально раздирая его на клочки. Остальные волки, цепляясь зубами за лапы гепарда, старались стащить её со своего лидера, но девочка не сдавалась. Она впиалась своими длинными клыками в шею огромного волка, прокусывая и переламывая ему хребет. И вот... Самый большой среди своих соплеменников издал последний вздох и обмяк под Камалией на сырой земле своих предков. Но остальных хищников это не остановило. Они продолжали прокусывать шкуру Камалии, оставляя по всему её телу рваные раны. Девочка рычала, шипела, отмахивалась лапами, чтобы наконец освободить себе пространство для рывка. Ещё один прыжок на спину одного из волков и точный удар когтем ему в шею, перерезая шкуру и соединения позвонков.

“Хах...” — множественные укусы и раны хищников быстро выматывали боевую кошку. — “Что ни говори, а когти у меня длинные и очень острые...”

Прыгая по спинам волков и продолжая получать случайные укусы, Камалии пока удавалось сберечь недавно приобретённое добро, свой прекрасный пятнистый хвост с

толстыми чёрными полосками на конце, поднимая его повыше от пастей разозлённых зверей.

— Тронете хвост, ублюдки, разорву на клочки!!! — гепард дрался ещё пару часов, пока последний из волков не упал ещё живой на землю и Камалия вцепившись в его глотку клыками, не вырвала её вместе с трахеями.

Бой можно было бы назвать победой, но... Раны от укусов начинали кровоточить сильнее, а времени на оказание первой помощи становилось всё меньше.

— Нужно их быстрее промыть в реке... — из последних сил гепард побежал в ту сторону, где должен был быть спиральный источник пресной воды.

Быстрое течение водного вала, разбивалось о камни, создавая разнообразные течения, угрожающие утопить всякого, кто в них угодит. Спиральная река была около сотни метров в ширину и переплыть её, казалось, и правда невозможно. Камалия впервые вышла на её берег и рухнув в небольшую заводь, в которой отсутствовало течение, потеряла сознание.

Глава 23. Второй круг острова Чар

Коджи Ренней медитировала у огромной ели, что росла в самом центре острова Чар. Дерево достигало около сотни метров в высоту, а её ствол едва ли могли бы обхватить пять мужей. Центр острова был утоплен, словно жерло вулкана на самой вершине горы, и гигантскую ель на его дне было не видно, пока не подойдёшь к самому его краю. Из этого жерла по стенам, двигаясь по кругу и плавно поднимаясь наверх, бежал быстрый поток воды. Сужающейся спиралью он поднимался на самый верх, чтобы потом сбегать с центральной горы острова Чар. Ель росла на маленьком островке, где вокруг неё вечно зеленела трава, цвели всевозможных видов и оттенков цветы; бабочки, пчёлы и прочие мелкие жители этого заповедника порхали рядом с источником жизни острова Чар. Коджи чувствовала огромные спиральные потоки природной энергии, что закручивались вокруг ели и вздымались высоко вверх, разнося жизнь по всему острову. Женщина сняла с себя кожаные одежды уже как год и осталась в чёрных свободных шароварах с красным поясом очкаром, на котором рисовался орнамент с ветвью ели, а грудь её была обвита белой льняной тканью. Обожжённые участки лица главы рода Ренней медленно исцелялись, исторгая астромариновую пыль из кожи.

— Медленно, очень медленно... Я думала, что спиральный источник быстрее восстановит эту рану, но... Астромариновая пыль! — женщина ударила кулаком по небольшому камню, лежащему перед ней, расколов его на несколько частей. — Моё зрение не восстанавливается... Все мои чувства словно вышли на новый уровень, но я бы так хотела взглянуть на свою внучку своими глазами, увидеть, как она вырастет... — Коджи встала и оперлась на тёмный ствол дерева. — Чёртов Хейч. Я знала, что он захочет меня свергнуть, но не думала о том, что мне придётся отдать за возможность лично тренировать Лию... Она станет твоей погибелью, козлобородый, можешь не сомневаться! Это её путь к становлению главы Великого дома Ели, а мой должен был закончиться уже давно, если бы не самовольство Ганджи...

Приглушённая поступь белого тигра была незамедлительно замечена носительницей анимы анаконды.

— Она подходит ко второму кругу? — не поворачивая головы, спросила старшая Ренней.

Тигр медленно кивнул и подошёл ближе к черноволосой, лизнув кисть её руки.

— Не надо меня жалеть, Эрген. Это мой выбор, а ты уже не в том возрасте, чтобы быть столь сентиментальным. — Коджи погладила за ухом дальнего предка, кто выбрал своей участью охранять остров Чар от не званых гостей, а также... — Лучше иди и проследи, чтобы её путешествие было не таким простым. В конце концов, отомсти за свой хвост!

Эрген кинул недовольный взгляд на тёмную королеву, а затем на хвост, на котором виднелись две точки без шерсти, от укуса гепарда.

— Arrrr!!! — и громогласный рык разнёсся по острову чар, распугивая птиц с ветвей огромной ели.

Гепард медленно начинал приходить в себя после тяжёлого боя со стаей волков. Её знобило и трясло от холода горной реки, но она нашла в себе силы вылезти на берег и отряхнуться. В голове Камалии царил сумбур, она не помнила сколько уже лежит в воде и почему до сих пор жива, а смертельные раны, что она получила, больше не ноют.

Внимательно осмотрев своё тело, Кама не могла поверить в увиденное: всерванные раны и следы от укусов уже исцелились и начали зарастать тёмной шерстью.

— Я жива? Я жива!!! — гепард прыгал вокруг своей оси, залезал на камни и издавал довольные звуки похожие на писк. — Как так случилось? Почему мои раны заросли? Это всё река?

Камалия подошла ближе к спиральному водному потоку, яркого малахитового оттенка. Опустив в него лапу, девочка заметила, как её конечность обтекает природная энергия, что буквально бурлила в этой горной реке.

— Значит, источник и правда находится в центре этого острова, распространяя жизнь по всей округе и чем дальше я буду заходить, тем сильнее будут мои противники, но... — юная Бадд подняла голову вверх, взглянув на вершину горы, откуда спиралью стекала река. — Я уже приняла решение! Не вернув себе человеческий облик, я не смогу отомстить за смерть Ниссы, а уж тем более не смогу вернуться как гепард на Тиабат. Второй круг уже близко, а мне следует ускориться.

Побежав вверх по течению, Камалия перепрыгивала по камням, словно кузнечик, балансируя на них своим хвостом. Её разноцветные глаза загорались от одной лишь мысли, что огромная часть пути, которую она преодолела, сделала её намного сильнее и теперь... Теперь она готова к новым трудностям.

Всего через четыре дня она взобралась на высокое дерево, что росло на берегу и убедилась, что вступила во второй круг острова Чар. На этот раз спиральная река шла по обе стороны от Камалии и сбежать от других хищников на берег к Каменному морю, как она делала раньше, не получится. Воздух во втором круге был наполнен природной энергией. Гепард вдох за вдохом наполнял ей свой костёр анимы, делая его ещё горячее. Потоки живы проходили по всем органам и кровеносным сосудам, питали их, наполняли жизнью. Девочка начинала чувствовать себя сильнее, увереннее.

Лес во втором круге тоже был иным. Его густая растительность, разнообразие зверей и насекомых поражали воображение наследницы рода Ренней. Её нос сходил с ума от многообразия ароматов цветов и растений; мясо пойманной здесь дичи не давало утихнуть чувству голода ни на секунду, заставляя охотиться вновь и вновь, забывая живот крупным и мелким зверем. Прошло всего четыре месяца во втором круге острова, а Камалия уже начинала забывать кто она есть. Животные инстинкты затуманивали разум, делая его более примитивным и простым. Бывало так, что Кама поддавалась им и, уходя в себя, просыпалась не пойми где: то она лежала на ветке дерева, размахивая своим хвостом, то удирала от какого-то ветвисторогого оленя, который нёсся за ней раздирая длинные лианы, окутывающие эти места, словно рыболовная сеть пойманную рыбу. Эти случаи пугали девочку, начинали сводить её с ума. Она не помнила сколько прошло времени и боялась, что тот месяц с небольшим, оставшийся в её памяти, был уже далеко не месяцем, потому как фазы Луны и Даная сильно отличались от дня ухода сознания к его возвращению.

“Спать... Так хочется спать... Я не могу держаться дальше без сна...” — Камалия брела меж тропических деревьев, спотыкаясь и падая, затем снова поднимаясь и продолжая борьбу сама с собой. — “Ещё совсем немного... Дойду до источника и мне больше не придётся быть зверем, я не хочу оставаться гепардом вечно...”

Но организм девочки был уже на пике своих возможностей. Почти неделя без сна стала для него тяжелейшим испытанием. Тело кошки и так требовало намного больше отдыха, нежели ему давала Камалия, но она совершенно не слушала его просьбы и мольбы.

“Шаг, ещё шаг, ещё...” — и девочка вновь погрузилась в небытие.

— Нет! Сколько прошло на этот раз?! — гепард быстрыми движениями лап забрался на верхушку дерева, заглянув за его крону. Была ночь, и Луна с Данаем сияли на небе, словно стерегущие ночное небо стражи. В прошлый раз Данай был лишь немногим ниже, но Луна, тогда она была растущая, заполняя оставшуюся половину своего диска голубым светом, а сейчас... Сейчас она лишь начинала расти... — Почти месяц... Нужно двигаться быстрее! Второй круг давит на мои животные инстинкты, заставляя их выходить наружу на всё больший промежуток времени.

Гепард спрыгнул с дерева и побежал дальше к центру острова по его спирали. Камалия старалась не отвлекаться на охоту, делая лишь лёгкие передышки, чтобы попить воды или же съесть плутающего меж кустами мелкого зверя, удачно попадавшегося на её пути. На отдых она запутывалась в высоких лианах, чтобы дикий зверь внутри неё не смог выбраться из природных сетей леса. Кама была уверена, что, если не достигнет спирального источника в ближайший год, её сознание может больше никогда не вернуться в это тело.

Выбегая на очередную поляну, коих уже было много на её пути, неожиданное препятствие выросло перед ней непроходимой стеной. Белый тигр сидел на огромном пне, смотря в сторону Камалии, он не рычал и вообще не делал никаких движений, которые могли бы вызвать у девочки лишние опасения.

“Сбежать я от тебя всегда успею, полосатый...”

— Может подружимся? — мяукая гепард сделал несколько шагов в сторону гигантского представителя кошачьих, но ответ стал ясен почти сразу.

Тигр наклонил вперёд голову и обнажил длинные белоснежные как его шерсть зубы.

— Ну не хочешь, как хочешь... — Кама сделала столько же шагов назад и опустила вниз переднюю часть тела, словно преклоняясь перед хозяином острова.

Эрген был недоволен внезапным появлением новой наследница рода Ренней, после столь долгого отсутствия. Коджи он уже давно признал главой рода, но эту малышку... Этот ребёнок, по его мнению, не был готов занять место главы Великого дома Ели, не был подготовлен морально. Он наблюдал за Камалией уже не один месяц и видел, как её животные инстинкты берут над ней верх. Тогда гепард шипел на него, обходил, искал возможности напасть если рядом была его добыча или сбежать, если была возможность быстро удрать от более сильного хищника. А сейчас, когда девочка управляла телом этого зверя, она сразу сдалась, стоило ему только обнажить свои клыки.

— Недостойна! — прорычал тигр. — Ты — отродье, не имеющее ничего общего с нашим великим родом! Я не пущу тебя к источнику, пока ты не докажешь свой дух, разум и силу! А до того дня... Я, Эрген, стану для тебя самым страшным кошмаром этого острова! Ты не сможешь спать, есть, умываться! Везде, где будешь ты, буду находиться и я, стараясь разодрать на клочки недостойную наследницу рода Ренней! — Эрген спрыгнул с пня в сторону Камалии и ринулся к ней на всей скорости, что было способно развивать его массивное тело.

Не понимая, как именно ей удалось понять слова тигра, Камалия сорвалась с места в джунгли, туда, где у неё было больше шансов уйти от своего преследователя. Впервые со стычки с волками ей угрожала смертельная опасность.

Гепард нёсся, не разбирая дороги. Камни, корни деревьев, их стволы, свисающие сверху ветки и лианы, мох, в котором утопали длинные лапы, кустарники, разрезающие шкуру,

словно множество ножей, буквально всё во втором круге острова Чар, старалось остановить бегущего от своей смерти зверя. Кама не могла выжимать из своего тела максимум, поскольку Эрген, пускай и не сразу, догнал бы её и, Камалия была уверена, разодрал на куски. Потому, работая всем телом при беге в пол силы, ей удавалось краем уха слышать хруст веток и хлопки лопающихся лиан за спиной.

“А этот полосатый хорош! С такой-то тушкой меня преследовать...”

Камалия чувствовала себя тем зайцем-русаком, который убегал от неё около полугода назад. Но конец той истории ей повторять не хотелось.

“Так... Что же делать? Если мы так и продолжим, то я однозначно устану раньше него... Значит...” — девочка услышала шум бегущей реки и повернула в его сторону. — “Помирать, так помирать... Но не разодранной этим самодовольным кошаком.”

Подбежав к реке, Камалия увидела то, что возможно было увидеть только в прекрасном сне.

“А может и подышать не придётся...”

Поперёк реки лежало множество небольших камней, что разрезали её течение, словно множество щитов, удерживающих натиск огромного войска. Не задумываясь ни на мгновение, гепард начал перепрыгивать с камня на камень, чудом удерживаясь на скользкой гранитной поверхности.

“Если бы не когти, точно бы упала...” — шаг за шагом Камалия быстро перешагивала по камням, балансируя длинным хвостом и удерживая равновесие.

Когда до конца оставалось совсем немного, сзади послышался злобный рык, из-за которого Кама чуть не полетела в реку, поскользнувшись на последнем камне, но успела спрыгнуть на твёрдую землю. Эрген стоял на противоположном берегу и уже решил на продолжение погони.

— Эй, полосатый! Нюхни мой хвост! — радовалась девочка испуганному водной стихией противнику, но зря...

Белый тигр, услышав гепарда, лишь ускорился.

“Вот так, на...” — Камалия начала озираться вокруг, стараясь найти очередное средство спасения, но его нигде не было видно. — “А что если...”

Ещё раз прыгнуть на камни было очень страшно, поэтому небольшие булыжники, лежащие на берегу, натолкнули Каму на новую авантюру. Смотря на неустойчивую походку Эргена, один из береговых камней сам лёг в лапу гепарда.

“Чем больше дерево, тем громче падает!” — вспоминала наставления отца девочка.

Белый тигр медленно шёл по камням, не ожидая наглой выходки наследницы его рода. Рядом с Эргеном раздался взрыв воды, затем ещё один и ещё. Посмотрев на берег, хищник увидел мечущую в него береговые камни пятнистую кошку. Всё было не столь страшно, пока один из камней не попал прямо под лапу, скользящему на камнях зверю.

“Ещё пару раз и полетит...” — думало животное-катапульта.

Эрген значительно замедлился, оказаться в бурном потоке спиральной реки ему хотелось меньше всего.

— Попала! — тигр не успел твёрдо поставить свою переднюю лапу на опору, как в неё попал очередной булыжник, пущенный Камалией. Его лапы заскользили по мокрым валунам, а бьющие в глаза брызги от столкновения с ними реки, дезориентировали одного из предков рода Ренней.

— Мерзкая девчонка! — выкрикнул огромный тигр, перед тем как его тело накрыло

волной быстрой реки.

— Плюх! — усмехнулась Кама, глядя на барахтающегося полосатого. — Как говорится, чем больше тигр, тем громче плеск воды. Пха-ха!

Одурманенная своей победой гепард двинулась дальше в центр острова. Ведь главное везение было не столько в победе над Эргеном, сколько в неожиданном переходе на третий круг острова.

“Совсем чуть-чуть, Коджи. Я иду.”

Позади девочки послышались всплески воды и на берегу показались большие белые лапы, а затем и голова огромного тигра. Мокрый и злой он был готов разодрать и дерзкую девчонку в облике гепарда, и Коджи, уговорившую его сделать испытание внучки ещё сложнее.

— Я тебя порву! — отряхиваясь Эрген шёл по направлению к заставшей от ужаса Камалии.

— Это всё из-за хвоста?

— Уаррр! — тигр вновь кинулся в погоню за убегающим гепардом.

Но сил на то, чтобы продолжать бегать у Камалии уже не оставалось. Она будто начала захлёбываться собственной кровью, стараясь удерживать тот же ритм бега, но противник не отставал и его дыхание с каждой секундой преследования становилось всё ближе.

“Я больше не могу...Хах... Лёгкие сейчас, будто наружу вывалятся...” — и девочка оступилась, лёгкий уклон вниз и Камалия покатила по склону, собирая спиной все камни, торчащие из земли.

Врезавшись позвоночником в ствол дерева и стукнувшись головой о что-то твёрдое, гепард открыл свои разноцветные глаза, с искрящимися во взгляде звёздами. И то, что возникло перед её взором, Камалия не ожидала увидеть на этом острове. Дерево бом-бам было значительно больше того, что росло в окрестностях Тиабата.

“Нисса...” — помощь от названной сестры, что послала ей защиту, напомнила Каме о причине, по которой она здесь находится. — “Так легко я не сдамся!”

Гепард встал на все четыре лапы спиной к опасному дереву со зрелыми плодами и в то же мгновение получила удар лапой без когтей по своей пятнистой голове. Эрген был рад загнанной в угол добыче и теперь хотел насладиться превосходством над более слабым противником. Раз за разом от подходил к Камалии и отправлял её в полёт очередным ударом тяжёлой лапы.

— Ты думала... Нет, ты была уверена, что сможешь сбежать от меня, твоего самого худшего кошмара. Но нет... — он прижал беспомощного гепарда к земле и наклонился к её лицу. — Твоя самоуверенность, противник для тебя в разы страшнее, чем я.

— Это касается не только меня... — ударив задней лапой по дереву бом-бам, Кама зажмурилась. Взрыв в ветвях и последующие падающие с кроны плоды заставили Эргена не на шутку испугаться.

Он отпустил свою добычу и начал метаться по поляне в попытках сбежать, но плоды падали и взрывались от столкновения с землёй, метая острые осколки со жгучей кислотой на десятки метров вокруг. Камалия спряталась за большим булыжником, стоящим у ствола, и прижалась к земле, молясь Природе, чтобы плод не упал прямо на её голову.

Прошло несколько минут прежде, чем бомбёжка остановилась и началась тишина. Когда Камалия решилась выглянуть из своего укрытия белого тигра не было видно, а запах его крови наполнял место ароматом ужаса. Ведь если такой страшный зверь как огромный

белый тигр оставил здесь столько крови, то что же ловить здесь животине поменьше.

“Наверное, он сюда не сунется пока полностью не восстановится. А едкий запах кислоты от этих плодов должен перебивать мой. Значит, тут я могу чувствовать себя в безопасности, пока...” — и девочка уснула таким сном, каким могут спать лишь маленькие дети. Ей снилось как она бежит по этим лесам, полным добычи и свободы, как она разрывает на части какого-то лемура, а затем и змею, что не рассчитала свои силы, напав на гепарда, и день сменялся новым днём, неделя неделей, а месяц месяцем в поисках новой добычи, но сон ли это был?

Многое патрульный Скрыр повидал стоя на стенах Адаида, но, когда в тёмном бушующем океане один за одним, с разных сторон, обходя скалы Цербера, словно те были лишь лёгким препятствием на их пути, появились семь пиратских кораблей, будто не замечая затягивающих в бездну водоворотов, пробивая беснующиеся волны своими носовыми таранами. Скрыр был готов чуть ли не скинуть посыльного вниз со стены, лишь бы быстрее доставить сообщение новому главе древнего города.

— Они здесь!!!

Посыльный с криками бежал по Адаиду от внешней стены. Люди, которые его слышали быстро заканчивали все свои дела и прятались по домам, ремесленные лавки закрывались, а вся стража города-тюрьмы была выведена на центральную улицу, ведущую от скальной пристани к замку Гаргарос. Огромный колокол, что не звонил уже больше полувека, вновь и вновь раскатистым грохотом накрывал весь Адаид.

— Поди прочь!!!

В любой другой ситуации страж покоев ветви Великого дома Ели просто бы зарезал наглого и грубого посыльного, но он понимал, что колокол может звонить лишь по двум причинам: либо к стенам подошёл вражеский флот, либо пришли они. Стук в тяжёлую дверь заставил Хейча отвлечься от трапезы и накрыть свежий труп сторонника тёмной королевы заготовленной парусиной.

— Заходи!

— Господин!!! Они здесь!!! — упал от усталости на колени посыльный и поднял взгляд на тощего мускулистого мужчину с окровавленной бородой, торс которого был исписан татуировками с ветвями ели.

— Кто?! Кто здесь?! Эйды?! Или...

— Другие ветви, господин. Все, в полном составе. Семь кораблей с красными черепами на флагах.

— Всё-таки они явились... — Клинок мелькнул в полутьме комнаты и молодой парень, только поступивший на службу, свалился на пол, доставив свою первую и последнюю весть. — Ненавижу плохие новости.

Быстрым шагом ветвь Адаида направился в покои Коджи, в которых хранилась печать главы Великого дома со свитком его кона.

“Прошло уже два года, я думал, они ничего не будут предпринимать. Зачем им понадобилось прибывать в Адаид в полном составе? Только если они хотят...” — Подбирая ключ к замку комнаты Хейч понял, что исчез стражник, которого он поставил охранять эти покои вместо Олафа. Немного поразмыслив и достав из-за пояса кинжал, козерог распахнул дверь в кабинет тёмной королевы.

— Мда... Ты и правда думал, что захватить власть в Великом доме так легко? — Закинув ноги на стол, в распахнутом синем плаще эйдов на кресле своей тёти сидел беловолосый мужчина.

— Нурмурот!!! — Сквозь сжатые зубы крик Хейча стал похож на хрип. — Грёбанный альбинос!!!

Кинжал из-за пояса ветви Адаида вылетел в белобрысого Реннея так же быстро, как тот поднял свой бокал над летящим в хрусталь оружием. В их взглядах читалось огромное

недоверие друг к другу, но оба понимали, что ни один из них не может убить другого. Хейч начал было успокаиваться, глядя на ставшего более серьёзным племянника тёмной королевы, но в этот момент по двери начали усиленно барабанить кулаками, снова выводя из себя козерога.

— Что опять?! — Открылась дверь очередному посыльному.

— Они уже в городе!!!

— Чёрт!!! — И дверь захлопнулась также быстро, ударив по носу молодому стражнику.

Новый многозначительный взгляд Хейча, казалось, прорежет Нурмурота насквозь, и Белый змей не выдержал.

— Хотел бы я тебя убить здесь и сейчас, но твою судьбу должен решать не я... —

Тяжёлый вздох прокатился по комнате, показывая негодование тёмного принца.

— Много же у тебя ушло времени, чтобы собрать всех ветвей в одном месте.

— Если бы мне не грозила смерть за твоё убийство, то можешь не сомневаться... Они бы шли по мою душу.

Расчётливый стук в дверь прервал диалог двух мужчин и заставил их сосредоточиться.

— Иди открывай, альбинос. Сам же позвал. — Попытался съехидничать Хейч, но по его губам пробивалась лёгкая дрожь.

Не успел Нурмурот встать, как с одного удара дверь влетела в помещение, и остановилась у самого письменного стола. Из тьмы коридора по одному в кабинет начали входить шестеро мужчин и женщина. Разный цвет кожи, возраст и даже одежда отнюдь не мешали им быть похожими друг на друга — в их глазах читалась смерть.

— Хейч, Нурмурот! — Начал приветствие, видимо, самый главный среди прибывших.

— Йоган! — Почти хором произнесли постояльцы Адаида.

— Мы прибыли в полном составе, как ты и просил Нурмурот. Но ты даже не вышел нас встретить! — Развёл руками в воздухе чернокожий. — И более того! Если рассказанное тобой правда и Хейч убил Коджи Ренней не на дуэли, а с помощью соратников, то почему он ещё не в астромариновых цепях?

— Я согласна с Йоганом, Нурмурот! — положила руку на плечо своему товарищу коротковолосая блондинка. — Или ты ждал нас, чтобы мы с ним расправились, потому что у тебя силёнок маловато?!

— Что вы, что вы! Нельзя же так просто казнить одну из ветвей Великого дома. К тому же нужно выбрать нашего нового главу. — Встав со своего места, Нурмурот начал обходить стол вокруг и его плечо внезапно оказалось зажато в тисках руки огромного бородатого мужчины.

— Нурмуротище!!! — Треск костей от сжимающейся в кулак кисти руки стал слышен на всю комнату.

— Джери!

— Где мои деньги?! А то я уже заждался.

— Ах... Долг? Так я тебе должен был?! — Невинно улыбался белокожий. — Ну... Раз теперь я уверен с тем, кому должен, можно и отдать...

— Отпусти его, Джери. Не забывай, что он ещё и регент Великого дома Вишни. — Ладонь Йогана легла на другое плечо Нурмурота и тому стало окончательно не по себе.

— Самодовольные, самоуверенные ублюдки! — Хейч уже не мог сдерживать игнорирование своей персоны и кинул в собравшуюся толпу, первую попавшуюся на глаза, вазу. — Здесь я — король! Вы прибыли сюда вершить правосудие?! Ну так попробуйте!!! —

Красный дым начал выходить из метки на спине козерога и заволакивать пространство едким запахом крови.

Семь пар глаз устремились на ветвь Адаида и с непониманием и даже лёгкой обидой взглянули на Хейча. С разных частей их тел пошёл алый, а у кого-то ещё белый дым, показывая носителю анимы козерога наличие у них трёх пятых стадий.

— Какие все злые... — Продолжал висеть Нурмурот в хватке Джери. — Но у меня есть одно предложение, для решения всех наших проблем. — Разом всё внимание обратилось на альбиноса и тот, снимая с себя навязчивую руку ветви Диамонда, сел обратно за письменный стол. — Если все готовы слушать, то я начну... Все мы знаем историю о том, что Коджи Ренней упала со стены Адаида и её тело так никто и не нашёл.

— Это невозможно! — выкрикнул с места Хейч, за что сразу удостоился укорительного взгляда со стороны Йогана.

— Ты прав — людоед! Это невозможно! Но! — Нурмурот поднял вверх указательный палец. — Все мы с вами знаем, что тёмную королеву не так легко убить, ведь каждый из вас, насколько мне известно, пытался это сделать.

— Ближе у делу... — Выдохнул Йоган.

— Я предлагаю найти человека, который знает Каменное море, как свои пять пальцев. Того, кто не побоится выйти на бой против Коджи Ренней, в случае если она вернётся. А также того, кто займёт пост главы Великого дома Ели.

— Я против его кандидатуры! — Блондинка сделала пару шагов назад и осмотрела остальных ветвей. — Если он займёт место главы, то нам всем несдобровать.

— Его пойдёшь искать ты, Нурмурот. — Смерил альбиноса взглядом главный из семёрки.

— Я?!

— Почему ты решаешь всё за всех, Йоган?! — Рывкнул на ветвь Видэона Джери.

— Имеешь что-то против? — холодный взгляд чернокожего мужчины осмотрел, стоящих вокруг, ветвей, что начали отворачивать свои головы в сторону. — Значит, решено! Пока не прибудет Шайн, Хейч остаётся при власти в Адаиде, а Нурмурот отправляется на поиски «Головореза».